

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

СВЕТ В ОКНЕ
(сборник повестей и рассказов)

2014

Оглавление

О книге.....	3
Повести	4
Найти себя	4
Покаяние, или исповедь негодяя	16
Рассказы	28
Пока, как пока.....	28
Мастер своего дела	31
Принц	36
Сестра.....	40
Одна из моих любовниц.....	44
Совесть.....	48
Успешность	50
Полет	55
Еще, еще, еще... ..	57
Бег в никуда, или просто жизнь	58
Гарем, или многоженство.....	61
Загадка	67
Так бывает.....	69
Жизнь в радость	72
Видимость.....	74
Загадочное желание	77
Трудовая деятельность	79
Содержанки.....	84
Минута слабости	88
Выбор.....	92
Бег в неизвестность	97
Возвращение	100
Тяга к искусству.....	104
Студенческие дела	107
Свет в окне	109
Родственные связи.....	114
Подарок судьбы.....	117
Понимание.....	120

С. А. Зелинский

Свет в окне. Сборник повестей и рассказов.

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

О книге.

"Не нахожу себе места. Словно все, чем я владел, покинуло меня, а вернись оно - я едва ли был бы рад".

Кафка

С.А.
Зелинский

Свет в окне
СБ.ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

2014

Свет в окне. Сборник повестей и рассказов.

Повести

Найти себя

"Не нахожу себе места. Словно все, чем я владел, покинуло меня, а вернись оно - я едва ли был бы рад".

Пролог

Мне не хотелось верить, что это на самом деле произошло. Как-то до последнего я оттягивал этот момент. Пока у меня не получилось. И я каким-то образом посчитал, что это и на самом деле так. А через время уже и не задумывался: реальность ли все это, или моя фантазия? Мои фантазии и воображение. Потому, что касалось воображения, то я и на самом деле мог придумать черт знает что. И даже со временем сам начать верить, что это так. Вот ведь как...

.....

Я не думал, что это на самом деле так.

Но это касалось только моего сознания. В то время как на самом деле я уже и сам запутался, почему подобное могло произойти. И даже получалось, что чем больше я думал об этом, тем более сам себя загонял в рамки какой-то ирреальности происходящего. И это при том, что до конца не верил, что это на самом деле какая-то ирреальность. Правда и в то, что это могло произойти в реальности, я не верил тоже. И тогда уже мне оставалось просто забыть об этом, и начать жить. Но как я мог жить? Тем более, что так жить я уже не мог. И ощущение что я все-таки делаю что-то не то, все больше начинало довлеть надо мной. Пока я не приказал себе успокоиться. И на самом деле признать, что ничего не было.

Но что-то ведь было?..

Глава 1

Я приехал в город, в котором не был уже давно. Я ходил по его улицам, и не узнавал их. Я заглядывал в лица прохожих, и они казались мне чужими. Я не узнавал ни город, ни людей, населявших его. Я отчего-то был уверен, что и город и лица его жителей должны быть другими. Какими? Я не знал. Еще в поезде я бы смог ответить на этот вопрос. И даже дал бы, если потребовалось, расширенный ответ. Но стоило мне попытаться сформулировать этот ответ сейчас – и я растерялся. Я не мог. Приходящие ко мне мысли не имели ни начала, ни конца. Казалось, что они и вовсе приходят сами собой. И что было самым печальным – я не чувствовал, что это плохо. Мне почему-то показалось, что так все и должно быть. Что, в общем-то, ничего и не изменилось. А лишь только я стал другим.

Но вот в том-то и дело, что я-то знал, что я был тот же самый. И если что-то и изменилось во мне, то я этого не заметил. Ну, как-то получилось, что не среагировал вовремя. И оттого какое-то время, попытавшись сфокусировать внимание на происходящем, совсем скоро уже вынужден был признать, что у меня ничего не выходит. И мне необходимо было принимать жизнь такой, как она

была. В том числе и со всеми теми странностями, которые я ощущал сейчас. Ну а что я еще мог поделать?

Я ходил по улицам города, и не узнавал город. Все изменилось. Я совсем не обращал внимание, что прошло десять лет и вполне логично, что город изменился. Появились какие-то новые постройки вместо прежних.

Постройки здесь были не при чем. Говоря об изменениях, я имею в виду совсем другие изменения. Совсем другие.

Но самое печальное по-прежнему оставалось то, что я не понимал какие. И я, быть может, и вообще ничего не понимал. И даже не догадывался, что что-то было (и будет?) возможным.

Я словно находился в информационной блокаде. В яме, -- еще верней. И мне оставалось только догадываться, что на самом деле происходит.

Впрочем, я себе уже дал слово разобраться, что происходит. И был уверен, что это у меня получится. Пусть и не сразу...

Глава 2

Честно признаться, разбираться ни в чем не хотелось. Я словно неожиданно почувствовал дикую усталость. И наверняка даже не мог толком сформулировать, в чем заключалась проблема. А в том, что она была, я не сомневался. Ведь это только на первый взгляд все казалось странным. Но ведь я не идиот. И понимал, что если эту странность не замечает никто кроме меня, значит дело во мне. И значит... Я боялся даже подумать, что бы это значило.

Просто каким-то образом я провалился в пропасть. Но не погиб. А находился где-то внизу. Там где наверняка тоже жили какие-то люди. Но так выходило, что я их не понимал. И даже, что касается меня, то я бы мог к ним приспособиться. Но то, что меня бы они не поняли, я был уверен. И лишь поначалу только сомневался, но стоило мне задать (быть может даже самому себе) пару-тройку наводящих вопросов – как все проваливалось в тартарары. И что уж становилось точно – ни в чем невозможно было разобраться. Так же как никому и нельзя было верить. И самое интересное, - что я не мог допустить, чтобы об этом догадались другие. А потому устало нес свою маску, играл свою роль. Но... Я не знал, чем все должно было закончиться. Не помнил. Притом что, иной раз, вообще сомневался, а будет ли этот конец.

.....

Со временем я узнал, что в своих страданиях не одинок.

Каким-то (практически независимым от меня) образом я почувствовал, что в городе, куда я приехал, есть еще люди подобные мне. Которые почти точно также мучаются непониманием ситуации, в которой оказались. Так же как и я -- испытывают тревогу, беспокойство, и быть может даже страх. И что нас еще объединяло – это удивительное нежелание прекратить собственные страдания. Ведь казалось, что может быть проще. Бери да уезжай.

Но нет. Или это действительно было слишком просто. Или же мы все хотели разобраться, найти причину, справиться с ней. Ну и зажить после этого обычной жизнью.

.....

Я как-то быстро понял, что на самом деле обычной жизни у нас уже не будет. Ну, или мы потеряли способность различать эту самую обычную жизнь. И ответить на вопрос: какая она? – тоже не могли.

Мне хотелось удавиться.

Мне хотелось начать громко ругаться. Матом.

Мне хотелось... Черт его знает, что мне на самом деле хотелось. Хотелось многого. Вопрос был – как научиться отделять зерна от плевел.

Когда-то я это мог. Но почему-то сейчас был убежден, что в полной мере этого мне уже никогда не удастся. Притом, что я ведь вполне мог и не страдать. Мне можно было свыкнуться с реальностью, в которой я оказался. Как-то приспособиться к другим. Попытаться (и я был уверен, что у меня получится) вписаться в эту жизнь. Начать жить – этой жизнью. И побыстрее отбросить все тревоги да сомнения. Они мне были не нужны. Они только оттягивали меня назад. Они...

Я уже знал, что так не мог. Я уже знал, что буду или продолжать страдать; или же сумею переломить ситуацию. Повернуть ее (ну или уже вернее – перевернуть). И тогда все пойдет по-другому.

Мне почему-то показалось, что у меня получится.

И я решил пока остаться в этом городе. И действительно во всем разобраться. Ну а почему нет?

Глава 3

Почему нет? Я задавал себе подобный вопрос, и по-прежнему не находил ответа. Я стремился, во что бы то ни стало, докопаться до сути. Мне уже попросту стало интересно, что же на самом деле происходит. Почему я вдруг стал таким образом воспринимать ситуацию. Почему все это было так, а не иначе. Почему – почему – почему?..

Чем больше я задавал вопросов, тем больше у меня появлялось ответов. На каждый вопрос их было несколько. А потом они множились в геометрической прогрессии. И все их я держал в голове. И помнил. На удивление помнил. Помнил все и вопросы и ответы. Притом что ни один из ответов мне не подходил. Я просто не мог себе позволить принять их. Почему? Да, знали бы вы, какие это были ответы! Слыша их, мне хотелось ругаться. Слыша их, мне хотелось начать все крушить. Но я нисколько не переживал. «Ничего,-- говорил я себе.-- Если все происходит так, значит просто еще не время».

И при этом я знал, что это время когда-нибудь наступит. И я наверняка почувствую это. Вот только когда это произойдет?..

Глава 4

Случалось, я не верил в себя. Ну, точнее, переставал верить. Притом что, конечно же понимал, что подобное не должно было происходить. Мне нельзя было сникать и сдаваться, если я решил остаться в этом городе. И требовалось разобраться, что же здесь происходит?

.....

Я требовал от себя -- начать разбираться. И вдруг в какой-то момент понял, что город-то какой был такой и остался. А вся проблема во мне. Потому как это именно я изменился. Стал другим. И вполне разумеется, что смотрел на мир уже другими словами.

«Так считать было бы слишком просто,-- сказал себе я.—Ты не имеешь права считать так».

Я вынужден был сам с собой согласиться. Ведь я действительно не стремился к какой-то простоте.

И это, наверное, было самое главное. Потому как означало, что разбираться с этим мне предстоит вечно. Ну, по крайней мере, очень-очень долго.

Очень долго. Но почему-то я по этому поводу не переживал. Я знал, что разберусь. Справлюсь.

Я просто знал себя. Но и точно так же я знал, что стоит мне уверовать, что дело особой сложности не представляло, и я сразу терял к нему интерес.

Свой интерес я берег и лелеял.

Мне не хотелось с ним расставаться. Я собирался подойти с другой стороны. Разобраться в себе. И решил остановиться на этом. Ну а остальное покажет будущее.

Глава 5

Как ни странно, будущее мне ничего не показало. И показывать не собиралось. А мне вдруг подумалось, что стоит попробовать не обращать ни на что внимания. И считать словно бы ничего и не происходит.

И я как-то быстро уверовал, что это и есть выход из положения. Пока не понял, что никакой это и не выход. А бегство. И, наконец, не этого ли я опасался в самом начале? Не от этого ли все остальные жители и не замечали того, что обнаружил я. Ибо просто-напросто они свыклись с происходящим. Поэтому и казалось им, что ничего не происходит. А мне... Мне уже ничего не казалось. Я вдруг понял, что просто запутался. И мне не так-то просто будет что-либо понять. И в голову уже стали лезть откровенные глупости. И я почувствовал, что глупею. Просто глупею. И это было самое страшное.

.....

Я все это выдумал. Ничего на самом деле не было. А было только абсолютное безобразие. Ибо я уже ничего не понимал. Я вообще в какой-то момент перестал все понимать. И почему-то уже считал, что так все и должно быть. Пусть это и как-то было временно, что ли.

.....

Мне не нравилась эта «временность». Мне вообще все перестало нравиться. А ведь при этом я был уверен, что все так как сейчас – оставлять нельзя. И мне необходимо было все же за что-то зацепиться в своем понимании. Тогда бы, я полагал, и разобраться во всем стало бы гораздо легче. Ну, примерно так.

Глава 6

Примерно я не хотел. Я решил чаще бывать на улице. Понимание происходящей ситуации, как я полагал, должно было придти ко мне само. Словно бы независимо даже от моего какого-то желания.

Притом что желание в чем-то разобраться у меня было огромное. И оно каким-то удивительным образом проецировалось на все, чего я касался. Ну а так как в этом городе я все же продолжал жить какой-то жизнью, то оно и проецировалось на мою жизнь. И каким-то образом затрагивало и всех людей, которые мне встречались в этой жизни.

.....

Странно, но отношение к людям у меня было двойственным. С одной стороны, я все время старался от них дистанцироваться. А с другой – наоборот.

Бывали времена, когда мне непременно необходимо было общение. Без общения я чувствовал тревогу и неудобство. И я общался. Общался, зная, что это мне поможет. Общался, зная, что в многочисленных диалогах я найду истину.

Истину... Я повторил это слово, словно пытаюсь распробовать его на вкус. Я ведь и действительно искал истину. Причем даже не то, что я это понял только сейчас. Я об этом знал. Но видимо знать и понимать -- еще совсем не выход, но разрешение загадки. Если предположить, конечно, что загадка на самом деле существовала, а я ее не выдумал.

Я многое способен был выдумать. Мог даже выдумать себя. При этом сам зная о своих способностях -- ничего выдумывать я не хотел. Да и, если честно, не собирался.

Глава 7

Однако ситуация в какой-то мере могла показаться парадоксальной. Ведь если мне это все осточертело, то что, собственно, тогда я в этом городе делаю? Тем более что здесь у меня никого не было. Я снимал номер в гостинице. Нигде, разумеется, не работал. Так что, по большому счету, меня ничего с этим городом и не связывало. Ну, может за исключением того, что когда-то я здесь все-таки жил. Родившись в другом городе, я первые семь лет жил именно в этом городе. А уже потом переехал в тот город, в котором родился. Чтобы еще через семь лет – возвратиться обратно. И прожить без малого десять лет. После чего уже как будто уехать навсегда. Но получалось, что все равно вернулся. Хотя пока еще о возвращении говорить было рано. Мне хотелось осмотреться. Хотелось, чтобы на меня нахлынул поток воспоминаний из прошлого. Хотелось, хотелось, мне многого хотелось. Еще на большее --я надеялся. И каким-то образом верил во все эти надежды.

.....

У меня было предчувствие, что в чем-то я все же ошибаюсь.

Я словно бы угадывал ошибку. Ошибку, которой, по сути, быть не должно. Ведь я уже пришел к заключению, что какое-либо мое чувство – есть ничто иное, как проекция бессознательного. Именно так это следовало понимать. Именно к этому я поначалу склонялся, а потом уже и принял бесповоротно.

Да так и на самом деле это было. И уже отсюда, получается, что все стремление разобраться с самим собой на самом деле никуда могло и не привести. Я только поначалу оттаивал; чтобы потом начать демонстрировать исключительную зажатость.

И уже во всех моих словах сквозила исключительная недосказанность. И словно бы ничто не говорило за то, что действительно удастся в чем-то разобраться.

Я не верил себе. Я вдруг как-то быстро перестал верить себе. Так же, как уже давно не верил в судьбу. И в какой-то миг мне казалось, что меня окружает пустота. Пустота и недопонятость.

Ну это, по большому счету, было не так страшно. Я словно бы неожиданно это понял. И уже после этого я стремился выбраться из ситуации, которая меня окружала. И при этом словно бы в надежде продолжал верить, что я на самом деле что-то и не понимаю.

И уже словно бы и случайно мне удавалось всякий раз отыскивать нечто, что мне действительно помогало считать так. А значит, мне становилось легче воспринимать эту действительность. И я уже несколько не считал, что все так плохо. Даже может быть наоборот. Иной раз считал и обратное.

Глава 8

Думать о чем-то плохом мне не хотелось. Тем более, что в какой-то момент все что было необходимо и про себя и про город я понял. В первую очередь про себя. И вскоре, после того, как понял, разобрался и с другими, уже было начинавшими мучить меня, вопросами. Я просто понял, что никаких этих вопросов не существовало. Я их выдумал. Точно так же как выдумывал достаточно многое в этой жизни. И даже на каком-то этапе принялся жить в этом выдуманном собственном мире. И мне это нравилось.

.....

Но потом все возвратилось обратно. И я уже казался идиотом -- себе вчерашнему. Все что раньше казалось смешным – раздражало. А все что могло вызвать тревогу – успокаивало.

Мир в моем представлении словно бы перевернулся с ног на голову. И я знал, что какое-то время мне придется пребывать в подобном состоянии. Чтобы потом...

Сложно было загадывать, что будет потом. Притом что, вполне могло так случиться, что никакого «потом» и не будет. И я уже, если честно, и не знал, что мне думать.

Так же как и прежде, я мог думать всякое. Практически все, что придет в голову.

Случалось, приходилось бояться некоторых мыслей. Правда, я тут же старался их переключить на что-то; заменить другими. Но могу признаться, что не всегда мне это удавалось.

.....

А вскоре я начал догадываться, что вызвал подобные состояния сознательно.

Просто так получалось, что без них я уже не мог. Нет, все же мог, наверное. Но и при этом достаточно желал избавления от страданий. Хотя и отдавая отчет, что это была своеобразная игра. Что все надуманно и вычурно. Не по настоящему. А «по настоящему»... Я наслаждался страданиями. Я нырял в пучину беспросветности; словно невзначай звал о помощи; и уже знал, что даже самая оперативная помощь мне не поможет. Мне она попросту была не нужна.

И ведь неправда было, что я хотел страдать. Совсем нет. Страдать и мучиться я не хотел. Можно даже предположить, что для меня это было совсем неинтересно. Да и не ждал я, если честно, от судьбы благословений. Я принимал жизнь такой, как она была. И наличие страданий в этой жизни предполагалось. Просто предполагалось.

И уже почти точно таким же незыблемым условием наличия страданий была необходимость сосуществовать с этими страданиями. Причем правила приличий предполагали, чтобы я не игнорировал эти страдания. Я как бы вынужден... Нет, уже получается и не вынужден. Я просто не мог поступать иначе. Не имел права.

Ну и страдал, получается, уже от этого. А что мне еще оставалось?..

Глава 9

Конечно же, я мог предположить что ошибался. И я, в который уже раз пустился в свое путешествие по этому городу. Мне хотелось разобраться: действительно ли в чем-то мой взгляд был ошибочен? Причем, где-то в глубине души, я в это не верил. Иногда я даже был убежден, что подобного не может быть. Ибо, как говорится, не может быть никогда. Ну, я просто не мог

предположить, что все мои недавние предположения глупость. А выводы, которые я с таким усердием выстраивал, несли в себе исключительно одно: ошибку.

В подобное мне верить не хотелось. «Жизнь слишком коротка,--говорил я себе,--чтобы в ней еще и ошибаться».

Мне захотелось чтобы, в общем-то, ничего подобного и не было. А вся эта выстраиваемая цепочка нелепых суждений как раз и оставалась такой. Нелепой. Причем, чем больше думал я уже об этом, тем больше приходил к совсем другим выводам. И убеждался, что чего-то такого на самом деле и не происходит. Не происходило никогда. И никогда не произойдет. А все что уже было... Я не знал, на что это необходимо было списывать. Догадывался лишь, что надо. И обещал себе найти причину чуть позже. Когда действительно все каким-то образом упрямится. И уж, по крайней мере, будет не так как прежде.

.....

У меня начиналась другая жизнь. Я вдруг понял, что все должно быть иначе. Что необходимо не только взглянуть на жизнь другими глазами, но и начать жить по-другому.

Сложно? Сложно. Возможно? Возможно.

Мне было уже тридцать семь. Почти пятнадцать последних лет я работал помощником различных депутатов. За это время депутатом уже мог стать сам. Не хотел. Я хотел заниматься наукой.

У меня были написаны две диссертации. Ни одну из них я так и не защитил.

У меня были готовы пять монографий. За все время я опубликовал лишь несколько выжимок из них, уместившихся в ряд статей. Как вроде бы и ничего не значащих статей. Потому что то, над чем я работал, возможно было оценить только если прочитать мои труды в целом. И ведь получается, я по каким-то причинам скрывал их от общественности. Я не публиковал их даже в интернете. Причем периодически получал приглашение издаться в том или ином научном журнале. Или выступить на конференции.

На различных конференциях, собраниях и форумах я выступал. Выступал много. Некоторые мои выступления транслировали по радио. Мой папа был член-коррором, а мама работала редактором информационных программ на одном из частных каналов. Папа способствовал моим приглашениям на конференции. Мама – на радио. Выступать на телевидении я не хотел. И не потому, что скрывал свою внешность. Хотя, быть может, и поэтому тоже. С людьми, присутствующими на конференциях в обычной жизни я не общался. Не потому что не хотел, а просто мы как-то не

пересекались. Я стремился чтобы о моих увлечения в той области науки, в которой я практиковал, знали как можно меньше близких мне людей. Почему-то я был уверен, что должен здесь хранить какую-то тайну. Почему? Зачем?

Чем чаще я задавал себе подобные вопросы, тем чаще запутывался сам. Почему-то выходило так, что я не стремился даже разобраться, отчего подобное становилось возможно. Ведь наверняка, если бы я задался целью выяснить это – я бы выяснил. Но меня вполне устраивало и то, что было. Вполне устраивало. Притом что, случалось, я начинал ругать за это себя. А потом успокаивался, понимая, что ни к чему это на самом деле не приведет. И я способен буду лишь еще больше запутать себя. А этого я не хотел.

Мне вообще иногда трудно было разобраться, чего же я хотел. К чему стремился.

Впрочем, стремления мне-то как раз были известны. И, наверное, только оставалось найти оправданность этим стремлениям. Предполагая, что дальше все будет значительно легче.

Дальше легче не будет. Я это знал. И потому просто подстраивался под то, что было. Раз навсегда признавшись себе, что ничего не изменится. А чтобы никогда не падать духом -- я приучил себя смотреть на мир в несколько иной плоскости, чем, быть может, это надо было. И со временем уже так к этому привык, что просто опешил, когда, случайно возвратившись в город детства, не узнал его. Но и действительно: не он изменился, а изменился я. И став другим, я просто этого не заметил. И произошло все как-то незаметно (даже, может быть, слишком незаметно) для меня. Так, что если бы мне предложили что-либо изменить, я бы не согласился. Совсем не предполагая, что все уже изменилось. И все что мне оставалось, это свыкнуться с той реальностью, которая была. Ни больше, ни меньше. То есть, начать жить какой-то новой, и по сути не совсем обычной жизнью. Не обычной для моего нового восприятия этой жизни. Тогда как вообще самое главное было это то, что мне необходимо было жить. Жить, не обращая внимания на условности, воздвигаемые самой жизнью.

Мне даже не требовалось отвечать ни на какие вопросы. Что было практически однозначно – я бы все равно не смог на них ответить. Так выходило. А я этому не противился. Смирился. Можно сказать смирился. Притом что периодически в душе назревали протесты.

Но они были не существенны по отношению к действительности. Да и, по сути, не нужны мне. А сам я уже понял, как следовало себя вести. И все, что было необходимо – удержаться в подобных рамках.

Глава 9

Мне необходимо было начинать жить по новому. Ну, или еще вернее – по другому. Иначе, другими словами, чем было доселе.

Однако, как ни крути, не делать какие-то решительные шаги не хотелось. Да и как я мог так-то изменить жизнь.

Разве что...

Мне пришла в голову идея ограничить лишь свое восприятие мира. Не меняя его.

Пусть он находится в тех рамках, в которых и существует. Зачем мне изменять его. Я ведь не революционер.

И тогда уже все, что мне оставалось – изменить свое восприятие действительности. Хотя, признаться, оно и так уже заметно отличалось от того, что было на самом деле. И я видел нечто большее.

Что? Что я видел? Ну, здесь-то ответ как раз достаточно прост. Я видел то, что хотел увидеть. И игнорировал что-либо болезненное для моей психики.

«Ну и пусть что мир мой иллюзорный»,--считал я. Понимая, что это, быть может, вообще единственный выход из положения. Да и разве могло быть как-то еще иначе?

.....

Окунувшись в совсем новую для себя действительность, я почувствовал, что начинаю изменяться не только внутренне, но и внешне. Я изменил внешность, походку, речь. И стал вести себя уж совсем даже по-другому.

И все было так, словно так и должно было быть. Ничего уже не требовалось ни менять, ни чем-то дополнять. Все словно бы встало на свои места.

И самое удивительное, что все это мне нравилось. Я словно бы стал сам собой. И наслаждался подобным состоянием.

Я наслаждался подобным состоянием пока не понял, что я, в общем-то, глубоко патологическая личность. И мне попросту не удастся убежать от себя. Но знаете... мне так понравилось это мое новое состояние, что я уже не хотел ничего менять. Меня все устраивало.

И я решил оставить все как есть. Чтобы я о себе при этом не думал...

01. 11. 2006 г.

повесть

Покаяние, или исповедь негодяя

«... Там ад, там мрак, там пышущая бездна
удушливая вонь, зараза и позор».

Шекспир. Король лир

Пролог

Мысли еще, казалось, продолжали свое хаотично-беспорядочное движение, но по телу уже начала пробегать смертельная истома, за которой и наступает собственно смерть.

Человек устало обвел глазами комнату, попробовал, было, вытянуть руку с окровавленным запястьем, из которого струилась кровь («не испачкать бы диван», -- подумал некстати; другая рука уже покоилась в предусмотрительно принесенной миске с водой – так кровь не свернется), -- не получилось... тогда его лицо скривилось в усмешке: «и сейчас он думает совсем не о том».

...Всю жизнь Иван Андреевич Нижинский прожил как бы не за себя; причем периодически рождаемые образы (его соответствия себе) сменялись с частотой неконтролируемой. Только поначалу Иван Андреевич еще мог что-то выбирать. А на каком-то этапе своего существования у Нижинского (как вроде бы и не задумывающегося об этом) исчезла способность решать, думать, рассуждать... У него и правда пропала способность о чем-то более-менее здраво рассуждать...

И уже стало казаться, что что-то проходит совсем, как будто, без его ведома.

Но изменить ничего Иван Андреевич не мог. Даже при всем желании.

А вскоре уже и желания такого не возникало.

И тогда он просто смирился с действительностью.

.....

Лежащий на диване человек попробовал, было, потянуться к журнальному столику...

Ничего не получилось...

А ведь тот стоял совсем рядом!?!..

Иван Андреевич впервые (невероятно ясно и четко) понял, что это конец...

И даже не начало конца, а самый настоящий...

«Сейчас, видимо, и закончится...»,-- с невероятной и не испытываемой доселе тяжестью слова сложились в какое-то подобие выстроенной строки,--... все закончится...-- обессиленные губы с трудом прошептали, даже не пытаясь издать хоть какое-то подобие звуков...

Все действительно заканчивалось.

Вдруг, словно вспомнив о чем-то, поддавшись тяжести закрывавшихся век -- человек дернулся в рывке... Так как раньше, конечно же, не получилось... Но краем глаза,-- перед тем, как они закрылись уже действительно навсегда,-- человек успел выхватить самую важную в конце жизни картинку: раскрытая тетрадь лежала на журнальном столике...

И это было главное. Для него -- это было главное.

Окровавленная ручка (писал, пока еще мог писать) лежала рядом...

Успокоившись, человек закрыл глаза и медленно стал проваливаться в пустоту...

...Через несколько секунд все закончилось.

Иван Андреевич Нижинский умер.

Внизу, на полу, валялись несколько перепачканных кровью лезвий...

--...Добровольный уход из жизни,--констатировал смерть вызванный мной участковый (это я первый заметил труп своего соседа по коммунальной квартире, по какому-то поводу зашедши к нему); меня оттеснила бригада врачей и приехавших людей в погонах (периодически то прибывающих, то убывающих).

--Не ходите далеко, побудьте пока в своей комнате. Мне необходимо с вами еще побеседовать,--видимо почувствовав мое желание по быстрее отсюда убраться,-- попросил участковый, на миг оторвавшись от изучаемого им тела моего соседа.

--Да, да, конечно,-- обескуражено прошептал я, на ходу кивая головой и направляясь в свою комнату.—Я всегда готов,--произнес я (уже про себя), закрывая за собой дверь.

И только тут я вспомнил про тетрадь. Я ее сразу увидел, как только вошел в комнату к Нижинскому. Не знаю почему, но, пробежав глазами первые строчки, я аккуратно засунул тетрадь

себе за пазуху. Она и сейчас лежала там. На миг подумав («будут ли у меня делать обыск?») я уже готов был улыбнуться от нелепости своего предположения, как в дверь постучали.

--Это лейтенант Карпович,--услышал я голос участкового.

--Да, да, входите,-- произнес я всего через секунду, но именно этой секунды мне хватило, чтобы положить тетрадь в середину стопки лежащих на моем рабочем столе других 96-листных тетрадей (конспекты лекций, наброски научных работ, эссе...). -- Весь в вашем распоряжении,-- повернулся я к входящему лейтенанту. Тетрадь покоилась в надежном месте. Теперь я готов был выслушать все, что хочет от меня этот человек в погонах.

Глава 1

Участковый ушел. Нижинского унесли. Комнату опечатали. Был самый разгар петербургского лета, а потому наши (с Нижинским) соседи по коммунальной квартире (молодая семья: он, она и ребенок) по всей видимости, нежились на черноморском курорте.

Хотя я вполне могу и ошибаться.

Нет, отношения в нашей коммунальной квартире были вполне приемлемые: каждый занимался своим делом. И оттого я и не вдавался в подробности, куда и насколько уехали мои соседи. Уехали – и уехали. Главное что уехали. А куда?!..

Хотя, признаться, иногда я с трудом избавлялся от обычного любопытства. Но я старался соответствовать выбранному образу философа, якобы чуть ли не постоянно погруженного в свои мысли. Мысли о каком-нибудь... величии, например. Или решения каких-нибудь глобальных проблем, например. В общем, мало ли какой бред мог лезть в мою юную голову. Было мне двадцать пять. Работал я сейчас над одним философским произведением. Которое по моим подсчетам могла... ну не знаю... изменить мир? Может и изменить мир. Хотя мог ли он на самом деле измениться? Да и не обо мне речь. Ведь чуть ли не на моих глазах произошла человеческая трагедия. Умер человек. Пусть убил он себя сам. Но... И видимо уже как раз это «но» и не давало мне покоя...

Иван Андреевич Нижинский, доцент кафедры географии одного из городских вузов вел, если можно так выразиться, затворническую жизнь. Ну или почти затворническую. В общем, на улицу он выходил весьма редко. И только в случаях крайней необходимости. (Этой «необходимостью» как я понимал были лекции в институте).

После работы он спешил домой. Запирался в комнате (щелчок замка и сейчас всплыл в моей памяти), и видимо что-то писал. А может, думал. Ну уже, по крайней мере, в его комнате всегда была тишина.

Почти год назад Нижинский похоронил, сначала мать, потом жену, и всего как несколько месяцев – ребенка. Вернее, ребенка дочери вместе с ней же и зятем. (Отец его, по-моему, скончался от инфаркта за несколько лет до череды повторившихся смертей).

Почти сплошные, идущие друг за другом смерти самых близких людей (его брат разбился в автокатастрофе незадолго до смерти отца), по всей видимости (по крайней мере, именно такая версия была у «искренне» поделившейся ей со мной участкового) и надломило психику Ивана Андреевича.

Да, признаться, именно так бы, по всей видимости, думал и я. Если бы...

Если бы не начал читать оставленный им дневник. Вернее, это был и не совсем даже дневник (в привычном понимании этого слова), а скорее... исповедь. Исповедь человека, который оказывался не в силах больше нести в себе груз ответственности за смерть близких людей. Исповедь человека... Исповедь негодяя, просившего о покаянии... Но уже после своей смерти... Его сознание просто не в силах было больше сопротивляться тому что скрывалось в его подсознании. Тому, что почти уже всецело захватило бразды правления личностью этого человека, с изможденными, даже какими-то чрезмерно опущенными чертами лица. И усталым, поникшим взглядом... Взглядом человека, которому больше ничего в этой жизни было не нужно. Потому что он не в силах был справиться с тем, что у него уже было.

Какая-то сила разъедала его изнутри. Он и раньше-то был худой, а теперь и вовсе превратился, чуть ли не в дистрофика. При росте чуть больше метра восьмидесяти, вес его едва ли дотягивал до сорока пяти килограммов.

Но совсем не это его занимало (обращал ли он вообще на свой вес какое-то внимание?)... Страшную боль, и, прежде всего, осознание причины этой боли, нес в себе Иван Андреевич. И именно она разъедала его изнутри. Так что, в итоге, он решился на самоубийство («суицид»,--как констатировал участковый еще до приезда врачей)...

Да и, наверное, в его случае это был действительно выход. По крайней мере, я предпринял, чуть ли не десяток попыток, пока смог прочесть то, что он написал. И уже читая, стал испытывать чувство, что медленно седею. Столь ужасно и... до боли непонятно, нелепо, абсурдно, и... неправдоподобно было прочитанное мной.

И уже оттого видимо я попросту боялся пропустить эту информацию дальше, вглубь себя, в свое подсознание; потому как невероятно легко было от всего этого сойти с ума.

А может я и на самом деле стал сумасшедшим? Потому что мое сознание напрочь отказывалось понимать весь смысл показанной Нижинским действительности. А подсознание?!.. А подсознание, наверное, на то и жутко в своей нелепости (и допустимости необъяснимого сознанием), чтобы достаточно (или наигранно) «нейтрально» отнестись к жутким словам, объединенным в еще более жуткие словосочетания, превращаемые в отвратительные (по своей смысловой окраске) предложения...

Но я это все прочитал... И теперь сам готов был застрелиться.

Или повеситься.

Или так же как Нижинский, вскрыть вены.

Ибо не мог я после этого жить. Не мог. Да уже и не хотел...

Глава 2

Тетрадь оставленная Нижинским, представляла собой обычный 96-листовый формат. Страницы (клетка) были почти все исписаны его убористым почерком. Сейчас мне подумалось, что, вероятно, нет смысла ни пересказывать написанное им, ни (тем более) приводить какие-то отдельные цитаты. Этот труд вполне заслуживает того, чтобы быть представленным полностью (хотя, признаюсь, и с некоторыми моими купюрами. Вернее, я попросту кое-что вычеркнул из дневника. Выжег (каленным железом). То, что попросту не имело права на существование. Право на то, чтобы об этом вообще кто-то еще узнал. Иногда уместно что-то и не знать...).

И еще... Моя первая мысль (еще когда суматошным движением запихивал тетрадь за пазуху) как-нибудь ее подложить на место смерти Нижинского,--вскоре была полностью отвергнута. Нет, конечно, моя совесть порывалась меня «образумить»; но я вполне рассудил, что незачем тревожить чью-то память. (Хотя это «решение» все же далось мне нелегко).

Так что, пусть все останется так, как есть. А Нижинский?.. Да ведь, свою «исповедью» он хотел облегчить душу. (Получилось ли у него?). А то, что об этом никто не узнает?..

Собственно говоря, уже сама эта публикация будет как бы невольным успокоением моей совести (да, по большому счету, и его). И пусть мной сознательно изменены исходные данные,-- ведь нет у меня никакого соседа по коммунальной квартире (придется ли мне когда-нибудь жить в коммуналке?); да и фамилия (и место работы) того, кто на самом деле написал эту тетрадь были иные. И не то что мной изменены. Вернее, получается, мной изменены. Но... Не это ведь главное. Как и то, -- какими путями попала эта тетрадь ко мне.

Важно, что все изложенное в этой тетради правда. Как правда и то, что человек, написавший ее -- погиб. Умер. Убил себя сам. Самоубийство...

А возраст его совпадал. С Нижинским. Но... причем здесь возраст?..

Не знаю, на мой (нисколько не субъективный) взгляд, предложенный вам текст не нуждается в каких-то (моих) комментариях. Быть может послесловии... Но вот могу ли я быть уверен, что смогу еще раз пропустить через себя написанное?!.. Если нет,-- не обижайтесь. Если да,-- не судите строго. Ведь кое-какие ремарки да выводы – сами подают мне знаки. Удержусь ли, чтобы не обращать на них внимания?..

Глава 3

«Покаяние».

«Первый раз я ударил мать, когда мне только исполнилось двадцать пять. К тому времени я еще не был женат (с будущей женой,--которая и стала моей первой и единственной женщиной,--познакомился только через год), жил в одной квартире с матерью и отцом в том городе, где живу до сих пор. Тогда, казалось, я не вкусил сполна те ужасы, которые театром абсурда теперь почти ежесекундно пронесаются у меня в голове, завлекая уставшие от борьбы мысли в таинственный «круговорот беспредела».

Да я и не думал тогда – как будет потом. И быть может даже просто жил,-- хотя и перед последним словом (глаголом) поставленное деепричастие кажется нелепым в своем обмане. Ибо все было, конечно же, даже нисколько не просто. Да и так совсем уже быть не могло. Ибо страдал я от невероятных страхов внутри себя, которые вырастали из постоянных (и непрекращающихся) тревожных состояний, превращаясь в периодически усиливавшиеся (и самые настоящие) кошмары разума, который все больше отказывал мне, иной раз, выдавая совсем черт, знает что.

...Я ударил мать... Быть может и легко, ладонью, чуть замедлив удар в последней стадии движения (как будто уносившееся вдаль сознание на миг задумалось в своем удивлении),-- но и этого оказалось достаточно. Не ожидавшая этого моего движения (боюсь еще раз называть его словом, означающим это «движение»), мать слегка покачнулась, и видимо, то ли не рассчитав равновесия, то ли пораженная нелепостью происшедшего (а может сбита с толку моим равнодушным взглядом),-- упала подле меня. Через минуту (я продолжал стоять без движения: ни осознание случившегося не пришло, ни нужная – мысленная – подсказка последующих действий не приходила) она забилась в приступе (тогда отчего-то подумал: «инсценированной») истерики. С плачем, всхлипываниями, и быть может остальным, сопутствующим и характерным истерике «продолжением», но только я уже нисколько не мог сдержать себя, принявшись избивать свою мать

ногами. Несмотря на то что (а, быть может, как раз и потому что) удары наносились беспорядочно, мать скоро затихла.

Быть может, только это меня и остановило.

Но вот что удивительно: всего лишь после первых ударов прошло (тогда еще сидевшее во мне) какое-то чувство нерешительности; и я уже с каждым наносимым мной ударом, как бы освобождался от чего-то доброго и искреннего (что наверняка, когда-то стремилась «заложить» во мне мать), и уже только садистское желание разливалось по венам, подгоняя – «еще – еще...».

Пройдя на кухню, я налил, было, стакан воды («взгляд на кувшин»), потом на ходу пути обратно отказавшись и от первого и от второго (хотел вылить ей на голову,-- остудить,-- да вспомнил о соседях снизу), я кое-как подхватил мать («дышала, но видимо не хотела показывать мне этого») под мышки, и дотащив ее до санузла, погрузил в ванну, включил холодную воду, переставил «на душ», и повесив тот сверху, добился чтобы разбиваемая (на десятки составляемых) основанием шланга струя (ставшей ледяной) воды – падала на лежащую в ванной мать аккуратно сверху.

И вышел вон.

В тот день я впервые напился.

Но вот что было особенно удивительно: за всей жуткостью ситуации,--я, казалось, совсем не осознавал (в той степени, как это должно было быть) ни своей вины, ни... В общем, всего того, что запрещало бы и дальше поступать так со своей матерью... А ведь должно же было быть (ну где-то – хотя бы – в глубине подсознания)... не знаю... раскаивание, что ли... (ибо до покаяния еще было совсем далеко. Иначе может, закончилось бы все этим нелепым – и позорным, как я бы считал тогда – примером. Попросил бы прощения. Встал на колени...

Нет... Ничего даже похожего не было. Даже наоборот. Сделанное,-- как бы давало индульгенцию, право,-- на совершение подобного и в дальнейшем.

У меня словно развязались руки. Однако, видимо, все было бы слишком просто (до тривиальности просто: встречается же такое,-- хоть и редко,-- в семьях, когда опьяневший – от водки, или безнаказанности?! – сын избивает престарелую мать, забирая, например, ее пенсию, чтобы себе похмелиться?!..), если бы это был не я, а кто-то иной.

Даже можно было сказать, что весь мой интеллект не дал бы спуститься до обычной (и ничем не мотивированной жестокости)... Я же не только (постоянно, словно опасаясь «повториться») выискивал «причины» (как бы оправдывающие мои действия), но и по закрученности ходов (и

изошренности жестокости) был, вероятно, сравним с самым нечеловечным злодеем; ибо предавал (своими поступками) материнскую (и сыновнюю) доброту; так что мать бы не за что не могла бы подумать (ее мозг, и, в первую очередь, оказывающая влияние на подсознание материнская любовь, любовь к вскормленному грудным молоком чаду) ни за что не позволяла подумать, что с моей стороны это была преднамеренная жестокость.

Не знаю, чем на самом деле мать «оправдывала» мое зверство по отношению к ней, но только я наверняка уверен, что в них, в этих ее умозаключениях никак даже не было и намека на истинную правду. Она бы никогда в этом не смогла себе признаться. И оттого (я – понимая это) был еще более дерзок и жесток в своей безнаказанности.

Тем более, что и от самих избиений я, на каком-то этапе почти (почти!) отказался. Теперь я более тщательно продумывал свои следующие ходы.

Например, я невероятно любил застать мать в состоянии какой-либо подавленности, и тогда уж «отрывался» на всю мощь своей фантазии.

Вскоре, вырывающиеся из моих уст слова (рожденные жуткой фантазией воспаленного воображения) доводили мать, сначала до тихих всхлипываний (хотя со временем я научился «миновать» эту «стадию»); потом рыданий (любой характерно выраженный плач, служил не иначе как избавлением от накопившихся эмоций; поэтому я старался не допускать этого. Мне нужны были страдания. Вечные страдания. Чтобы человек жил с ними все 24 часа в сутки и не мог бы избавиться. Ибо если он все-таки избавлялся – значит в чем-то допущена ошибка. И я тогда начинал сначала); и тогда уже как высшей мерой подобной «работы»,-- считалось, когда мать только тихо (вполголоса) и протяжно «скулила»; и вслед за первым протяжным звуком, мысль (о безутешности горя) давала новую порцию продолжения; и в итоге это могло продолжаться долго, очень долго, пока мать, обессиленная (и внутренне опустошенная) не замолкала.

Лишь периодически всхлипывая, и сотрясаясь в порыве взрыва от осознания собственной ничтожности, и дальше в большей мере,-- невозможности понимания: «за что?..». (Хотя, признаться, подобный вопрос ей все же иногда – чаще всего поначалу – еще был озвучен. На что я испытывал невероятно-необъяснимое дополнительное удовольствие, ибо тут же крадучись приближался к ней, со скорченной гримасой в ухмылке начинал скалиться, и выискивая самые обидные слова, и всячески лавируя перед ней – дразнил ее, добиваясь нового приступа боли, обиды, отчаяния...).

И мне это нравилось. Я даже на каком-то этапе (подобных своих «тренировок») научился маневрировать силой оказываемого воздействия, добиваясь почти запрограммированных эмоций. И тогда, можно сказать, я торжествовал настоящую победу.

И ведь не было – если разобраться – в этих моих действиях чего-то изначально предрассудительного (тогда я считал именно так). И наверное потому – стало это все началом той безнаказанности, поощряемой не только не доказуемостью (или какого-то осуждения), а именно здесь в первую очередь следовало иметь в виду свои собственные ощущения (в подсознании), и уже оно, жестоко в своей кажущейся (а теперь обманчивой) правоте, направляло мои поступки на придание им еще большей жестокости, выражаемой в первую очередь,-- во всяческом унижении близкого мне человека.

Да и одна ли в такой ситуации оказывалась мать? Почти подобное же (хотя я и не допускал повторений) вскоре в полной красе испытали и мои другие домочадцы. Причем некоторые из них (как брата), в какой-то момент начинающих понимать какое зло скрывается под личиной их ближайшего родственника, я попросту подставил, приведя к их неожиданной (для всех, но не для меня) гибели.

Сейчас даже не помню (все тяжелее мне в последнее время управлять и памятью, и на время исчезающим из сознания контролем, когда наступает власть почти исключительно бессознательно), что я такое вычитал в специально проштудированном учебнике по автомобилестроению (как и в ряде специальных журналов, к которым, помимо технических, мною были причислены и криминальные), но я осуществил это с точностью наоборот (с машиной брата); и уже через самое ближайшее время узнал, что на большой скорости (и, как оказалось, с полностью бездействующими тормозами) мой брат пролетел перекресток, врезавшись в начавший движение бензовоз.

--...Сынок, что происходит, сынок?!—упавшим голосом от свалившегося на него известия о трагедии позвонил отец, и я, с участвовавшим от волнения дыханием попросил его никуда не уходить (звонил он из дома, с квартиры, мать еще была на работе) – приехал к нему уже через четверть часа (благо, что находился в тот момент неподалеку), и как раз вот тут я настолько ярко выражено показал свою радость (да еще и как бы дополнительно: в словах, сопровождаемыми жестами), что почти тут же (и, получилось, с легкостью) вызвал у отца инфаркт; от которого он и скончался (врачам я позвонил не сразу, точно рассчитав время прихода матери) в машине «скорой помощи».

Да и пришедшая с работы мать (и заставшая отъезжавшую от нашего подъезда скорую) почти тут же потеряла сознания, когда я (дождавшись пока она поднимется в квартиру) с порога выпалил

ей и про смерть ее сына (моего брата) и про инфаркт мужа, постаравшись при этом показать свою особенную радость происходящим.

Однако, в мои планы совсем не входило, чтобы она отправлялась вслед за отцом (комбинация была бы превосходная. Но мне хотелось все же еще ее помучить. Хотя, по сути, у меня еще оставались для подобных экспериментов моя жена, дочь, и ее ребенок).

И вот уже в начавшейся какофонии мне бы и впервые задуматься, что происходит?! Но, верно, я уже не был способен на это.

Что больше выиграло во мне? Что так будило эти подсознательные, шедшие глубоко изнутри желания к разрушительной агрессии, рождая ужас наступления исключительно несчастий и неприятностей (для других, но опять же, не для себя)?.. Но, несомненно, было одно...

Я уже не мог остановиться...

--Сынок...--услышал, было, я слова матери в телефонной трубке (звонила из больницы, куда ее все таки отвезли внезапно приехавшие – вызванные мной? – врачи),--...сынчик...--мать тихо и в бессилии плакала в трубку. Невероятным образом в ее материнском сердце и нежной душе, вероятно, боролись два противоречия. По одному из них, она по видимому начинала понимать, что виновник всех бед не иначе как я... Но все же что-то (и для меня было понятно что) не давало ей смириться, поверить в это...-- сынок... мне уже лучше... я уже поправилась...-- с трудом старалась казаться мать сильной (такой, какой она всегда была... или хотела быть...),--...ты приедь... забери меня домой...-- попросила она.

Было заметно, что ей сейчас невероятно тяжело говорить...

По всей видимости (и кому как не мне это понимать), она не могла преодолеть эти начинавшие раздирать ее противоречия. Но ведь я вполне догадывался: что ей было сейчас нужно... Что она хотела бы, чтобы ей было приятно сейчас услышать от меня... И я произнес это. Причем, мне даже не пришлось специально что-то подбирать (разве что интонацию). Нежные, нужные, ласковые, добрые (то, что ей больше всего сейчас и необходимы) слова сами рождались в моей голове, словно и сами же рифмовались в желаемые словосочетания; и, далее, в такие милые ее сердцу предложения...

--Я конечно же заберу тебя...-- говорил я, и у меня это как-то выходило само собой; так что я ни в коем случае не делал никакого дополнительного усилия; а словно (и со стороны так и должно было казаться) я действительно разом и как-то в одночасье изменился... Стал вдруг таким же нежным и ласковым, каким вероятно был в детстве... По крайней мере таким, каким я чувствовал это...-- меня помнила и мать...-- мама, мама...-- почти уже полукричал я (вероятно как бы «сам собой»

мой голос звучал с такой нужной ей интонацией), -- мамочка,-- почти срывался я, переходя на ту душещипательную интонацию, от которой вряд ли могла устоять хоть одна мать,--... я, конечно же... я немедленно заберу тебя,-- и я уже усилием воли оставлял трубку, что-то набрасывал на себя из одежды, и спускался вниз, бежал к дороге, а потом, все также рефлекторно (и совсем не помня о том, если бы пришлось в последствии разложить это на составляющие) ловил такси, и вот уже совсем скоро – мы были дома...

Я совсем даже не помню, что ей тогда говорил; но почти верно одно – это были именно те слова, которые ей тогда и хотелось слышать... И как будто затихала она у меня на груди... Как будто бы успокаивалась она... Но через время уже начинался новый день... и я совсем не мог ничего с собой поделать...

Все входило вновь на круги свои... Вернее – своей (или уже моей) незапрограммированной (на это я надеялся) жестокости... Жестокости, как будто исходившей из меня, без какого-то особого участия (да и контроля) с моей стороны... Но даже если бы я и постарался, захотел хоть как-то сдерживаться...-- я вероятно, совсем бы даже и не смог бы... Ибо чувствовал я где-то в глубине себя, то нарастающее с самого утра (с момента, стоило мне лишь проснуться) напряжение... и через время (все еще пытаюсь это скрывать) я уже чувствовал не иначе как только исключительно тревожность... тревожность, которая была не иначе как синонимической схожестью беспокойства; и все это каким-то незадачливо-незамысловатым образом переходило в желание, в маниакальное, по своей настойчивости, желание к тому, чтоб сделать что-то неприятно обидное для других (но опять же, такое благодатное, необходимое, почти что полезное,-- во всей злой необходимости этого совсем не нужного этого слова); но уже как бы то ни было,-- стоило мне действительно (на самом деле) совершить его,-- как я почти что тут же успокаивался... Да, да,-- (вот уж поистине загадка,-- а скорее и объяснение всей этой мотивационной необходимости, всего того страха осознанно-непредсказуемых действий),-- я как будто и действительно успокаивался... Но ведь и вопрос-то заключался в том, что это оказывалось лишь только на время... А когда проходило оно,-- то начиналось все с новой (и ужасающей по своим последствиям) силой; и тогда уже действительно (на каком-то этапе мне необходимо было смириться, заключить, констатировать факт всех этих непредсказуемо-случающихся последствий происходящего), да, да, я действительно, совсем не мог ничего с собой поделать... я... проходило всего небольшое (совсем незначительное, касательно даже сотой части срока нашего земного пребывания) время, и с моей стороны повторялось все, как прежде... И я опять доводил свою мать... Которая после смерти мужа и сына,-- совсем была уже не та, что раньше.

И быть может она инстинктивно искала спасение (уверяя себя, что должна жить ради этого) в своем оставшемся сыне (то есть во мне), в своей внучке и правнучке... (Ибо я совсем даже не заметил, как прошел какой-то большой период жизни; и я как-то незаметно для себя женился, и все проходило для меня в каком-то тумане, и я словно на время выныривая из него, отмечал как проходящие – и без меня случившиеся – события,-- и рождение дочери, и уже дочери у нее)...

И вот уже в этой нелепости проходящего бытия я почти и не заметил, что все исходившее от меня зло как бы случилось само собой. И только по настоящему я мог опомниться (чуть ли не только сейчас), когда (самым невероятным образом для меня) очнулся и увидел, что уже совсем даже никого не осталось; и все мои близкие, так или иначе, погибли...

И погибли несколько (и конечно же) не своей (предсказуемой в итоге отмеренного срока окончания земного бытия) смертью. Но уже как бы то ни было, мне пришлось невероятное (и по сути – случайное, в своей неожиданности) прозрение, что это именно я был виновник всех бед. Но вот в том то и дело, что быть может и слишком поздно наступило это раскаяние... Да и наступило ли оно?!..

Ведь что, пожалуй, и любопытно... Я до сих пор (как бы уже и осознавая в чем,-- или, вернее,-- в ком заключена причина всех бед) пытаюсь найти какие-то (незначительные в своей парадигме рождения) доводы, стремясь попытаться хоть как-то выгородить, найти, быть может, точки, от которых можно было бы отталкиваться в стремлении к оправданию,-- или хотя бы оправдыванию,-- себя...

И, пожалуй, как что-то еще больше подтверждающее мою порочную сущность,-- а, иными словами, и злонамеренную ничтожность,-- я действительно (вроде бы выходит и самым незамысловатым образом) начинаю отыскивать, находить... нахожу эти самые способы защиты самого себя... Но вот далее – по истине все происходит удивительным образом... И мне вроде бы (казалось) и надо остановиться,-- да совсем даже не могу...

И нет, наверное, мне уже прощения...

Да и не должно быть...

Но что тогда вот это мое покаяние?.. Хотя это, наверное, и не покаяние вовсе...

А исповедь...

Исповедь негодяя...

P.S. Но быть может уже в том, что я соглашаюсь таким образом с моей (совестью?), меня можно судить не так строго?..

P.P.S. Но вот в том-то и дело,-- что все эти поиски оправдательных слов – не иначе как очередная попытка избежать действительно назначенного судьбой наказания... Ибо знаю я – что должен себя наказать только сам... иначе «выкручусь»... Ведь, пожалуй, и слишком хорошо зная то, на что можно надавить, за что можно «зацепиться» в душе человека – я почти безболезненно смог бы и на этот раз избежать наказания... А потому и приговор я должен вынести себе сам, и в исполнение его привести тоже сам... Так (хоть как-то в этом запутавшемся в своей жестокости) мире может (хоть на миг, в моем случае) наступить хоть какая-то справедливость... А иного и быть не должно...

И. А. Нижинский...».

Глава 4

Мне совсем ничего не хотелось добавлять... И тем более я не мог заставить себя комментировать написанное Нижинским... Быть может у меня появилось только одно желание – вернуть тетрадь на ее законное место... Этим я мог выполнить последнюю волю (прочитанную мной сквозь строки его страшной исповеди) покойного... Но вот в том то и дело, что я знал, что сделай я так,-- и кто сможет узнать обо всем том, что совершил этот больной, наверняка психически больной человек...

А поэтому и решился я донести иным способом его страшное «послание» до других. Быть может это хоть кого-то заставит присмотреться к тому, что происходит вокруг них. Быть может и в их семьях... А кого-нибудь, быть может, и уберезет от того, чтобы такое никогда не произошло. Быть может это еще минует их...

Не знаю... Всегда хочется верить во что-то, пусть и выдуманное, но хорошее...

Хотя, иной раз, и то, что замечаешь вокруг, как будто свидетельствует совсем о другом.

Но тогда уже, быть может, когда-нибудь у кого-то и наступит покаяние?..

Ведь если оно наступило у Ивана Андреевича...

А такого негодяя действительно надо было еще поискать...

02 октября 2004 год.

Рассказы

Пока, как пока

--А все-таки странная штука, жизнь,--задумчиво произнес Абрам Алексеевич, залезая под юбку своей соседке, Люсе.

Люсе было 20 лет, вместе со своим молодым человеком она снимала квартиру напротив, целыми днями сидела дома, скучала. Абрам Алексеевич даже не помнил кто первый с кем познакомился. Кажется, у девушки застрял ключ в двери, Абрам, как истинный мужчина, решил ей помочь. Девушка поначалу отвергла его помощь, он вошел в свою квартиру, прошел на кухню, поставил чай, закурил, а потом раздался звонок в дверь и девушка, представившись соседкой Люсей, попросила его о помощи.

Абраму было сорок лет. В его жизни когда-то была сильная любовь, закончившаяся браком и почти тут же случившимся разводом. С тех пор Абрам жил один. С родителями. Сейчас было лето, родители жили на даче, и Абрам был полностью предоставлен сам себе.

--Мне так хорошо с тобой,--призналась Люся, которая совсем разомлела от ласок истосковавшегося по женщине Абрама. Абрам уже на протяжении получаса гладил и целовал все что видел перед собой, а перед собой он видел только обнаженную Люсю. Люся только что рассталась с молодым человеком, решив, что лучше Абрама попросту не найти. Что до Абрама, то мы не знаем, думал ли он так же о Люсе, но и в минуты когда его член уже готовился к проникновению в женщину, вроде как о другом думать уже и не досуг.

--Я хочу навсегда быть с тобой,--сказала девушка, после того как Абрам, кончив, перелез через нее и прилег рядом.

--Я тоже,--признался Абрам. Сейчас ему было хорошо. И он был готов выразить любую благодарность подарившей ему такое наслаждение девушке.

--Нет, ты не понял,--поднялась на локоть Люся. Ее светлые и чуть намокшие от страсти локоны слегка закрывали глаза, поэтому она отодвинула их рукой и Абрам увидел перед собой любящий взгляд, судя по всему, влюбленной в него девушки. На миг это вернуло его в реальность. Он понял, что должен сказать сейчас ответ, потому что...

--А почему именно сейчас?—задал себе вопрос Абрам.—Почему именно сейчас, когда он хотел полежать спокойно, погрузиться в свои мысли, просто отдохнуть душой, отдохнув до этого телом, он обязан что-то отвечать.—Я понял,--сказал он.—Поверь, я все понял.

--И каков же тогда твой ответ?—Люся видимо решила взять все и сразу.

--Мой ответ?—улыбнулся Абрам.—Я тоже хочу быть с тобой.

--И связать со мной жизнь?—чуть с придыханием, еще не веря всему, прошептала девушка.

--И связать с тобой жизнь,--ответил Абрам.—А как ты это представляешь?

Девушка на миг задумалась. После того как она рассталась с молодым человеком, она продолжала снимать квартиру рядом с квартирой, где Абрам Алексеевич проживал со своими родителями. Но она как-то не думала, что будет дальше. Жить со стариками ей не хотелось. Но

сможет ли Абрам переехать к ней. Хотя когда они будут жить рядом с родителями... Девушка задумалась. И глядя на нее, Абрам понял, что у нее нет ответа. По крайней мере, пока.

--Мы могли бы снять другое жилье,--наконец произнесла девушка, осторожно посмотрев на Абрама.

Абраму не хотелось снимать другое жилье. У него было свое. И жизнь с родителями его вполне устраивала. Старикам было по 70 лет, в его жизнь они как-то особенно никогда не вмешивались. Прощали недостатки. Кормили и поили. Абрам, работая мелким предпринимателем, целыми днями был предоставлен сам себе. Периодически ходил к проституткам. Или знакомился с бесплатными девушками. И его вполне устраивала такая жизнь. Также как, по всей видимости, устраивала и его родителей, которые нисколько не торопили его с возможной женитьбой.

И вот теперь он непременно должен был делать какой-то выбор. А делать такой выбор ему не хотелось.

--Понятно,--Люся легла рядом, уставившись в потолок. Абрам не знал, на самом ли деле она все поняла, но решил, что видимо о чем-то таком действительно догадывалась.

--Что я теряю?—мысленно сказал сам себе Абрам.—У меня будет постоянная сексуальная партнерша. Молодая. Бесплатная. Любящая меня. Позволяющая в постели делать с ней даже больше, чем позволяют некоторые проститутки. К тому же Люся была девушка чистая, судя по всему, кроме него больше ни с кем не спала, а от гулящих баб еще неизвестно что и когда можно подхватить.

Казалось, Абрам сделал свой выбор. Как будто бы все говорило о том, что он должен быть с Люсей. Все равно ведь у него кто-то должен быть для секса, так зачем искать. А тут как будто все под рукой. Захотел – минет. Захотел – в попу. Захотел – оприходовал девушку обычным способом. Неужели плохо? А захотел,--и при мыслях об этом член Абрама начал набухать,--можно разыграть ролевые игры. Нарядить Люсю в костюм, например, невесты. И, задрав платье, взять ее прямо на столе. А можно одеть в ее костюм женщины эссесовки, строгой и неподкупной, и улучив момент, наброситься на нее, повалить, и вставить свой член ей в рот. Заставив жадно сосать.

Член Абрама уже стоял как вкопанный. Люся заметила движение пениса мужчины, и недолго думая водрузилась на него. Абрам стал ебать Люсю, а Люся, со своей пролетарской скромностью (работала Люся продавщицей в универмаге) принялась ерзать на члене Абрама, с желанием поскорее вызвать семяизвержение. Она вдруг подумала, что если у нее от Абрама будет ребенок, ни сам Абрам, ни его родители не позволят им расстаться. Абрам видимо понял тоже самое, и как только понял, тут же выскользнул из под девушки. Люся, словно в запале, припала к члену Абрама губами. А после того как он кончил, вылила содержимое из своего рта себе на палец,

и глубоко всунула палец в вагину. Она очень хотела детей от Абрама и искала любые способы забеременеть.

Что до Абрама, то он, заметив движения девушки, вставил высунутый член обратно в рот Люсе и принялся писать.

--Кх, кх,--закашлялась девушка, отстраняясь.—Что ты делаешь?

Абрам не стал останавливаться и теперь писал Люсе на лицо.

--Золотой дождь,--улыбнулся он.

--Ну не знаю,--смutilась девушка.—Она всего, конечно, еще не знала. У них в деревне под Тверью так было непринято. Но Люся понимала, что приехала в Москву, и тут должна играть по другим правилам. Да и что ей еще оставалось? Отстранить от себя Абрама? Поругаться с ним?. И после остаться в одиночестве? Нет. Такая перспектива ее нисколько не прельщала.

Видимо об этом знал и Абрам, потому что после того, как он пописал на девушку, он повернулся к ней попой, и заставил ее всунуть язык ему в анус. Девушка повиновалась. Абрам застонал. Член его снова стал набухать.

--Извращенец,--подумала Люся, но тут же ей стала стыдно, и она принялась с такой лаской окучивать поляну, что Абрам готов был кончить только от этого. Но сдержался. И повернув девушку на живот, раздвинул ее ягодицы и вошел в нее сзади. Член Абрама только на миг столкнулся с сопротивлением, но тут же лаз открылся, и стоны Абрама смешались со стонами извивающейся под ним Люси. Кончили они одновременно.

--Пусть будет пока так, подумал Абрам.

И видимо о чем-то таком подумала Люся, потому что, склонив свою голову к животу Абрама, закрыла глаза, расслабившись.

Так они и лежали вместе, думая видимо каждый о чем-то своем. Но ведь самое главное, что они были сейчас вместе.

И это на данный момент видимо было действительно главное.

Июль 2011

рассказ
Мастер своего дела

К любому делу Вадик Шмеерсон относился с должным вниманием и уважением.

Уже даже выходило так, что иной раз как вроде бы и совсем неудобно было, что обратил внимание Вадик на подобное дело. Ан нет, обстоятельства словно бы вынуждали его завершить начатое. Дабы, опять же, привести душу самого Вадика Шмеерсона в надлежащее состояние.

Потому как действительно, уж очень печально ему становилось, когда приходилось что-то оставлять на полпути.

Впрочем, ничего на полпути Вадик старался не оставлять. И стремился, если ни к какой-то гармонии, то уж точно, к морально-нравственному единению. Выразавшемуся в поиске подходящего разрешения любой ситуации. Потому как уж очень он и действительно хотел, чтобы все у него получилось хорошо и даже великолепно.

И это притом, что о Вадике Шмеерсоне еще в детстве говорили, что он сам себе на уме. И куда может привести этот ум, понять было, по сути, весьма и весьма затруднительно.

Ведь могло так получиться, что и ни к чему это вообще могло не привести. Хотя и если разобраться, в отношении Вадика это все равно куда-нибудь да приводило. Но вот только куда?

.....

Любой другой явно запутался бы в этом наложении несуществующего и живущего только в мыслях Вадика. Но Вадик до удивительной точности все держал в своей голове в исключительном порядке. И надлежащим образом лелеял подобные мысли, словно бы считая, что если сейчас они были ему не нужны, то когда-либо могут пригодиться.

Верил ли он в подобное сам? Видимо верил. А может, не верил. Получалось так, что никто толком не мог знать, что к чему, если дело касалось жизни Вадика Шмеерсона.

Было Вадиду двадцать семь лет. Но видимо таким же он будет и в тридцать семь и в сорок семь. И что уж точно, таким же был в семнадцать. Он вообще не изменялся. Да и внешне возраст его был все же неопределенным. Причем, в разное время возраст Вадика отличался от реального порой на десятки позиций и в ту или в другую сторону. И то, что это будет продолжаться, становилось понятно уже хотя бы потому, что самому Вадиду эта неразбериха нравилась. Да еще и работа подобралась соответствующая. Вадик Шмеерсон работал старшим клерком в компании с иностранным капиталом. Знал в совершенстве два европейских языка. Но как-то специально их не учил. Просто папа у него был американец, а мама шведка. Поэтому с детства родители взяли за правило обращаться к мальчику каждый на своем родном языке. И Вадиду (настоящее имя его было Винсент; Вадиком он назывался чтобы окончательно не запутывать русских коллег: Винсент Шмеерсон на его взгляд было бы уже слишком) пришлось, чтобы объясняться с родителями, научиться понимать эти два языка. В то время как его дед, Бенеш Аронович Шмеерсон, очень хотел, чтобы внук разговаривал на идише. Но подобное если и могло стать возможным, то... Вряд ли могло стать возможным в ближайшее время. Вадик (Винсент) не пожелал жить ни с папой, ни с мамой (через время родителя его расстались, разъехавшись по своим странам - до этого жили в Англии, оставшись после окончания Оксфордского университета, где и познакомились), точнее,

пожив какое-то время то с одним, то с другим - после совершеннолетия и окончания учебного заведения своих родителей - неожиданно поехал работать в Россию. Компания где он трудился как раз открыла новый офис в Москве. И вскоре Винсент Шмеерсон оказался там, попросив вскоре называть себя Вадиком, а по фамилии предпочитал не представляться вообще, с удивлением открыв для себя ее неоднозначность в стране его нового пребывания.

.....

В России Вадику и нравилось и не нравилось. И что уж точно, именно в России его мысли грозили пуститься в какой-то удивительный забег. Когда многое ему вроде как и становилось непонятным, да он все равно до всего предпочитал доходить сам; не спрашивая ни у кого совета. Да и вообще, решая свои дела самостоятельно и не считая, что должен с кем-то делиться тем, что у него было в голове.

Притом что в голове его иной раз было такое, что вполне разумно, как подозревал Вадик Шмеерсон, никому об этом не рассказывать. Поэтому на работе он просто делал свое дело (скрупулезно и педантично, бабка его была немка), и только дома позволял себе... Ну, в общем, позволял себе многое. И этим даже в душе гордился. Как и гордился какими-то другими своими особенностями. И имел, в общем-то, на это право.

.....

При всем притом Вадик Шмеерсон отличался удивительной особенностью не замечать мнения окружающих в отношении себя. Ко всем он привык относиться лояльно. Поэтому даже не предполагал, как к нему будут относиться другие. Предпочитая считать, что те также будут относиться лояльно.

"А как еще возможно"--бывало, вопрошал он, размышляя о жизни.

Жизнь Вадику Шмеерсону виделась исключительно с положительными оттенками тональности. И даже если бы когда-то он понял что это не так, то вероятно предпочел бы тут же забыть подобное понимание. Потому что самое дорогое, что у него было - душевная свобода и равновесие. Этому его научил дедушка, Бенеш Аронович. И если поначалу мальчик еще не понимал, что ему пытаются втолковать дед, то потом подобное понимание, словно уже и ниоткуда, появилось в нем само. И закрепилось навсегда. Чему сам Винсент Шмеерсон был очень доволен.

.....

Шмеерсону-младшему хотелось простора. Быть может он даже мечтал стать директором московского представительства. А когда понял что руководство погрязло в коррупции - честно обо всем написал в головной офис.

В результате - московское представительство расформировали. И набрали совершенно других людей. Причем Вадик Шмеерсон тоже попал под сокращение. И его отозвали обратно в Нью-Йорк. Если бы он только знал, что так получится. Разве он бы не подписался тогда своим настоящим именем. А так он подписался... Он вообще не подписался. Но письмо послал по внутренней почте. В результате чего было ясно, что информацию излагает человек знающий. Но руководство не стало гадать кто это мог быть, а просто уволило всех. Кого переведя на работу в другие страны (фирма, в которой работал Шмеерсон имела представительства в 39 странах), а кого, как Шмеерсона, просто уволив.

Закусив удила от подобной несправедливости, Винсент Шмеерсон написал письмо дедушке, где подробно описал совершенное им.

Дедушка уволил руководство уже головного офиса, а заодно и отослал обратно вновь назначенных представителей московского офиса. Дедушка был акционером компании. Другими акционерами были такие же старики как он, которые слушали и уважали Бенеш Ароновича. В результате - Винсента не только восстановили, но и назначили главой московского представительства. А потом, после открытия офисов в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Сочи, Архангельске, Свердловске - главой российского представительства. Тем самым значительно повысив статус Винсента (он снова стал называться Винсентом) Шмеерсона. А дедушка, для закрепления его нового статуса, сделал так, чтобы у внука появились еще и акции предприятия.

Таким образом, Винсент Шмеерсон совсем неожиданно стал богатым и уважаемым человеком.

Но это его вдруг стало удручать. Ему захотелось вернуть то время, когда от него совсем ничего не зависело. Когда он мог жить по составленному для себя самим же расписанию жизни. И при желании -- не обращая внимания на эту жизнь.

Можно было сказать, что именно в России Винсент Шмеерсон "испортил себе мозги",--как однажды высказался дедушка, узнав обо всем этом. Но что мог поделать дедушка? Надеяться...

Впрочем, ему действительно оставалось надеяться, что с возрастом мозги внука вновь структурируются (в правильном направлении). А всякое безобразия исчезнет из его головы. И тому станет жить значительно легче, чем сейчас. Когда обуревали его какие-то необъяснимые (и ненужные) тревоги. И когда иной раз хотелось многого. А иной раз - не хотелось и ничего.

.....

Вадик Шмеерсон (теперь, в зависимости от обстоятельств, он представлялся Вадиком или Винсентом) понимал, что, быть может, именно жизнь в России является причиной его ненужных раздумий. Выходило так, что многое за последнее время было совсем не так, как ему хотелось. Потому что стал он вдруг подозревать, что изменяется его жизнь до неузнаваемости. Он совсем стал не узнавать себя прошлого. Все было каким-то новым, неизвестным доселе, и вполне может быть даже ему не нужным. По крайней мере, стал он подозревать... Он о многом стал подозревать. И причиной всех этих подозрений была все та же жизнь в России. В стране, которую Винсент Шмеерсон вдруг захотел покинуть. О чем честно и признался дедушке во время встречи с ним (для этого даже специально приехал в Израиль, в Тель-Авив).

Дедушка не одобрил планов внука. Ему хотелось, чтобы через какое-то время внук стал во главе всего концерна. К этому он его вел. И через какое-то время так должно было быть. Потому что сам Бенеш Аронович Шмеерсон к этому времени приобрел контрольный пакет акций концерна. И все, в общем-то, шло - пока все шло - по его плану.

Вот только желание внука все бросить и перейти на менее ответственную работу не вписывалось в этот план. И хотелось ему... В общем, Бенеш Шмеерсон поставил Винсенту жесткие условия: или тот продолжает работать и стремится к дальнейшему карьерному росту, или он делает так, что тот больше никогда не получит достойного ("он подчеркнул - достойного"!--и выразительно посмотрел на Вадика) места. И все, что его ожидает - работа продавцом.

От подобной перспективы Винсент поперхнулся кофе, и подумал что его дед слишком суров, раз...

Впрочем, додумать он не успел. Его дедушка, Бенеш Аронович Шмеерсон внезапно потерял сознание. Сбежавшиеся сотрудники (встреча происходила в офисе дедушки) вызвали врача (бригада реаниматологов всегда дежурила неподалеку; у дедушки был диабет). Дедушку привели в порядок.

Врачи все равно настаивали на госпитализации и проведении обследования в условиях стационара. Перед тем как дедушку увозить, он сказал внуку, что тот мудака, каких еще свет не видывал. И если до его возвращения из больницы он не одумается, то...

Винсент все понял, кивнул, и сказал, что дедушка может не волноваться: подобного больше не повторится. Ведь он, Винсент Шмеерсон, его внук. А значит докажет всем, что он мастер своего дела. И добьется всего, на что рассчитывал дедушка.

Бенеш Аронович явно был доволен словами внука.

И еще через время он назначил его управляющим офисами в Восточной Европе. "Пока в Восточной Европе",--уточнил дедушка, явно давая понять, что скоро внук возглавит весь концерн.

Огромный концерн. С миллиардными оборотами. А для этого Винсент должен еще немного набрать опыта.

И Винсент знал, что он справится. Ведь он мастер. Мастер своего дела. Независимо от того, в чем это дело заключалось.

31.08.2007 год.

рассказ

Принц

Конечно, он всегда мечтал о чем-то настоящем. Не против был даже совершить подвиг. Но вот разве мог он предположить, что все, что с ним случится в ближайшее время – будет настолько удивительным, что навсегда перестанут возникать у Ильи Голощекина какие-либо тревоги да сомнения. А все другие дела упорядочат свой бег. Причем произойдет это столь внезапно, что трудно будет говорить... Да уже и не нужно будет что-либо говорить. Останется только смотреть и слушать.

Все обстояло таким образом, что Илье Голощекин пришлось как-то сделать выбор в пользу... Ну в общем, выбор можно сказать так себе, пустяк да и только (как думал сам Илья).

Но оказалось, что все это на самом деле имело наиважнейшее значение. Да еще и оказалось, что по даруемым в результате всего благам – ничего подобного раньше у Ильи не было, и быть не могло.

.....

Несколько месяцев назад Илье исполнилось девятнадцать лет. Перед ним были перспективы найти достойное место в жизни. Причем, как знал Илья, найти еще было не так иной раз важно, как не потерять. Потому что оказываемое доверие может быть один раз. Потом тоже, конечно, может, -- но уже с натяжкой.

Илье такой шанс представился. Что он должен был делать? Ничего. Ровным счетом ничего, не считая того, что перед Ильей открывались некоторые перспективы. Воспользуйся он которыми, и жизнь его действительно могла пойти и стать достойной намного лучшей доли, чем была сейчас у него.

Илья недавно устроился на работу официантом. В ночной клуб. Внешне молодой человек всегда был симпатичен, поэтому довольно скоро одна из подвыпивших дам бальзаковского возраста предложила Илье перейти к ней на работу.

--Кем?—было попытался задать вопрос Илья, и получил легкий шлепок по губам.

--Ты будешь моим секретарем,--проворковала женщина, томно вздохнув и чуть закатив глаза (или наоборот, сначала закатив глаза, потом вздохнув).

Как только женщина подняла вверх глаза, Илья скользнул взглядом по ее внушительной груди. И подумал, что при необходимости готов и на большее (если женщина захочет).

А в том, что она захочет, уже можно было не сомневаться, потому как ладошка женщины обвела полукругом место, где под брюками скрывался его пенис (пенис готов был вскочить, но пока сдерживался плавками, которые Илья специально надевал на работу, зная что он всякое может увидеть, а излишне демонстрировать свои выпирающие части тела будет не совсем корректным). Сейчас Илья еще раз поблагодарил себя, потому что это позволило ему сохранить беспристрастным лицо, и полуофициальным голосом сказать женщине, что готов с ней встретиться завтра и обо всем переговорить.

--Зачем завтра?—не поняла женщина.—Поехали со мной,--неожиданно трезво произнесла она.

Илья, было, смутился, да тут же понял, что это была всего лишь вспышка трезвости, а на самом деле женщина была пьяна, и словно в подтверждение – тут же сникла, о чуть ли не расплзлась по Илье, подхватившем ее телеса.

--Ну что Вы, ну зачем вы...--было пытался произнести он, замечая что рука женщины шаловливо пытается влезть к нему в штаны.—Право, не надо...--пытался высвободиться Илья, жалея что уже присел за столик к женщине, и озираясь по сторонам, как бы не увидел администратор.

Администратор в это время зашел на кухню, выпить очередную стопочку водки. Поэтому Илью никто не хватился, а через время ему все-таки удалось высвободиться из объятий мадам, и он тоже зашел на кухню, получить очередной заказ, который должны были приготовить повара.

--Что, пристают?—проявил поразительную осведомленность администратор.

--Угу,--как можно безучастнее кивнул Илья, внутренне содрогнувшись.

--Ничего-ничего, пообвыкнешь,--улыбнулся администратор, намекая на то, что Илья только недавно заступил на работу, и все, что с ним сейчас происходит – для заведения привычное дело.— Это родственница жены хозяина,--пояснил администратор.—Она еще не такое тут вытворяет. Но приказ от шефа – по возможности во всем ей подчиняться. Иначе ведь можно и вылететь...--пояснил администратор.

--Угу,--все также безучастно кивнул Илья, про себя решив, что сам разберется, что и как ему делать.

--Ну смотри,--все понял мужчина средних лет, работавший в должности администратора.—
Мое дело предупредить.

Илья взял заказы, и пошел разносить.

Как и следовало ожидать, дама о нем забыла.

На следующий день Илья был выходной. Проснувшись днем, он подумал, что вполне может себе позволить просто поваляться в постели, почитать там книгу, посмотреть теле, да и вообще – отдохнуть.

Зазвонил телефон. Дав ему прозвонить определенное количество раз, и убедившись, что тот не смолкает, Илья недовольно натянул плавки (спал он обнаженным) и пошел в прихожую, с намерением снять трубку. Оказалось, звонили не по телефону, а в дверь.

Голощекин прильнул к глазку. На пороге стояла вчерашняя дама. Увидев, что глазок закрылся тенью, она показала рукой, мол, открывай-открывай.

Илья подчинился приказу.

--Я к тебе,--сказала дама с таким видом, как будто они только что расстались.

Голощекин отступил в коридор, пропуская женщину.

--Где у тебя душ?—спросила Вера Геннадиевна (Илья вспомнил, что так она представилась в клубе), наклоняясь и разувая туфли на каблуках.

Илья показал рукой месторасположение ванной комнаты, не в силах пока произнести ни слова.

--Че молчишь-то?—мимоходом бросила Вера Геннадиевна, заходя в туалет. Илья еще стоял на месте, как женщина вышла из туалета, и пошла в ванную.

--Занеси мне полотенце,--попросила она через время (Илья продолжал стоять в недоумении), чуть приоткрыв дверь.

Илья достал из шкафа чистое полотенце, корректно постучал в дверь ванной комнаты, и, придерживая ее ногой (чтобы она сильно не открылась), просунул в щель полотенце. Женщина успела схватить его за руку и втащить к себе.

--Че ты как неродной?—спросила она, наклонившись вперед, и вытирая свои длинные черные волосы. Ее объемные груди колыхались в такт телодвижениям.

Илья вышел. Через время, вышла Вера Геннадиевна, завернутая в полотенце.

--Ну что, давай пить чай?—сказала она, проходя на кухню.

--Подождите,--хотел воскликнуть Илья.—Я ничего не понимаю...

--У тебя чай-то есть?—спросила женщина, усаживаясь за стол, и доставая сигарету.

Голощекин поставил пепельницу и улыбнулся.

--Есть,--ответил он.

--Ну так ставь...--сказала Вера Геннадиевна, закуривая, и выпуская тонкую и длинную струйку дыма.—Только завари свежий,--попросила женщина.—Жуть как не люблю старую заварку,--призналась она.

Илья молча сделал все как она сказала. Потом взял сигарету, закурил, и уселся рядом, стараясь держаться бодрее, чем было состояние его души. Душа вообще трепетала, и спрашивала что происходит.

--Я и не знала, что ты куришь,--как бы между прочим сказала женщина.—Ну да ладно. Ты наверное хочешь спросить, почему я пришла?

Илья неопределенно кивнул.

--Жить,--ответила женщина.

--Что, простите?—не понял Илья (ему показалось что ослышался).

--Жить, жить,--улыбнулась женщина.—Ты ведь сам меня приглашал.

Илье было как-то неудобно признаться, что он не приглашал. Это и решило исход дела. Потому что оказалось, что Вера Геннадиевна действительно решила поселиться у Ильи. Сроком на две недели. И все две недели заниматься с молодым человеком исключительно сексом.

--На твоей работе я уже пояснила, что две недели тебя не будет,--пояснила она.

Илье захотелось встать и вышвырнуть даму вон. Он и так планировал проработать всего месяц-полтора, пока были летние каникулы (Илья учился в университете телекоммуникаций им. Бонч-Бруевича; сейчас было начало июля). Как говорится, немного подзаработать денег. А тут такое... Да и девушка у него была. Как говорится, существовала в природе. Правда, они еще не спали. Но ведь если разобраться, может и не это было главное,--подумал сейчас Илья.

--Вот две тысячи баксов на расходы,--выложила женщина деньги из сумочки (пока он думал что и как, она успела сходить за сумочкой, которую до этого оставила в прихожей).—Еда там, и все прочее,--пояснила она, словно бы не замечая растерянного лица Ильи.—Еще тысячу тебе на необходимые нужды,--достала она еще тысячу.—Бритву там купить, одеколон, ну в общем по мелочевке,--сказала женщина.—И сейчас пьем чай, одеваемся, и поедем...

Илья договорить не дал. И он сделал, как потом понял, единственно правильное, что и должен был сделать в той ситуации. Причем, он даже не донес Веру Геннадиевну до дивана, вступив с ней в половую связь прямо на полу (благо, что в родительской квартире, где жил Илья – родители на все лето уехали на дачу – везде были ковры, так что, можно сказать, влюбленным было мягко).

Ну а то, что именно этого в итоге и ожидала женщина (как потом она ему призналась), Илья Голощекин понял, потому что на него вдруг разом свалились все жизненные блага. Причем только уж очень злые языки говорили, что Илья отработывает в постели. На самом деле Илье Голощекину самому нравилась опытность светской женщины. Да и как-то быстро оказалось, что ее очень многие из сильных мира сего знают, любят и уважают. А потому Илья как-то быстро -- экстерном -- закончил университете (до встречи с Верой Геннадиевной только перешел на третий курс), получил в собственное управление ресторан, в котором когда-то начинал работать официантом, да и вообще много чего у него появилось (своя квартира, машина иностранной марки с водителем, и тому подобные всячины, которые могут считаться излишеством, но для той жизни, которую стал вести Илья Голощекин, они были необходимы и обязательны).

Да и вообще, уже по всему можно было сказать, что бывший студент Илья Голощекин, решив подработать летом, вытянул свой счастливый билет. Потому как... Да ведь он и действительно был счастлив. Также как счастлива была и Вера Геннадиевна.

А она и вообще вскоре вышла за Илью Голощекина замуж (дав ему свою фамилию – Разумовская). Потому что оказалось, что была когда-то у женщины мечта, встретить принца. Принц ей когда-то приснился во сне. Лицо у принца оказалось таким же, как у Голощекина. Точнее – лицо Голощекина оказалось точно такое же, как в девичьих снах Веры Разумовской, дочери бывшего партийного функционера, сумевшего влиться в новое время, и не только ставшего крупным бизнесменом, но и вовремя сумевшего перевести активы ряда предприятий за рубеж, попутно подкупив несколько крупных фирм на Западе (куда он вскоре и переехал).

А дочь его осталась в России. Искать принца. И теперь нашла...

05. 08. 2007 г.

рассказ

Сестра

1

Ей нравилось спать с мужчинами. Просто нравилось. И она не хотела себе изменять. Не собиралась. Даже если вдруг накалялись страсти, и ее называли блядью.

«Ну блядь и блядь,--рассуждала она.—Что с того».

Эльвира не боялась быть блядью. Она даже может внутренне хотела соответствовать значению этого слова. «Ну, блядь и блядь... Ну и что?»—смотрела Эля на очередного поборника нравственности. Не сомневаясь, что стоит ей только захотеть – и этот правдолюбец будет ползать перед ней на коленях. И вообще, пресмыкаться перед ней. Только лишь потому, что она в итоге возьмет его член в рот. И он успокоится.

Знавала она таких! Они только с виду кажутся строгими и неприступными. А стоит остаться с ними наедине, да еще если рядом соответствующая обстановка, и желание обладать вами начинает струиться из их глаз. И за это самое обладание они готовы и унижаться, и страдать, и выглядеть вообще явными дураками. В большинстве случаев даже не осознавая что это так.

Эля была высокая блондинка.

Полных лет ей было двадцать семь. И уже был четырехлетний стаж беспросветной половой жизни (до этого еще лет восемь – жизни хоть и половой, да умеренной). Когда в хаотичном порядке сменялись партнеры. И она даже иной раз не помнила, с кем спала вчера. И кто будет завтра.

Эле нравился секс. Секс и развлечения. В развлечения входили рестораны и ночные клубы. Ну, еще быть может шоппинги. Хотя вполне так могло получиться, что шоппинг скорее походил на продолжение работы. В том плане, что сначала ее трахали, а потом покупали какую-нибудь вещь (чаще покупала сама, на полученные в качестве благодарности деньги). И Эля, получив очередное вознаграждение за труд, садилась в свое серебристое «БМВ» (подарок очередного любовника), и независимо какие у нее были планы на день – обязательно посещала один-два бутика. Минимум один-два. Где-нибудь на полпути между домом – бутиком – рестораном – массажным салоном – фитнес-центром – салоном красоты и снова рестораном или ночным клубом (последовательность могла варьироваться, и в программу могли вноситься изменения) Эля знакомилась с мужчинами. В зависимости от ее желания, позднее эти мужчины или оказывались в ее постели, или же сначала она проверяла их покупательную способность, а уже после – отдавалась, или же отдалялась от них. Причем если дело заканчивалось постелью (ну, или начиналось с нее), то одновременно в одной постели могло оказаться и несколько мужчин (количество девушку никогда не пугало). Да и вообще, если она поначалу и раздумывала об этом, то это было очень давно, а ко времени повествования вопросов у нее уже не возникало. Жизнь проходила в радости и в развлечениях. Каждый новый любовник считал своим долгом удержать подле себя такую девушку. И щедро вознаграждал ее пребывание рядом. Что, впрочем, нисколько не влияло на желание самой Эльвиры. Она считала себя свободной девушкой. И с кем спать знала сама. Совсем не стесняя себя какими-то условностями да обязательствами. Сегодня она могла отдаваться вам в постели. А завтра послать вас подальше. По сути, ей был никто не нужен. Ни за кого она не держалась. Девушка знала, что очередной кавалер появится все равно. И если что, она заполучит любого. Даже вне зависимости от желания того. В той обстановке, в которой она жила, подобное было в порядке вещей. Так жили и остальные. Да и к чему сковывать себя какими-то условностями? Все было доступно. В том числе и любовь. Ну, или особенно любовь. А уж перед возможностью войти своим пенисом в ту или иную

женщину (если женщина того попросит и будет сексуально привлекательна как Эля) будет трудно удержаться, отказав себе в подобном удовольствии. Жизнь слишком быстротечна, чтобы лишать себя еще и этого,-- рассуждали мужчины, и без зазрения совести трахали девушку. а ей это нравилось. Спасибо, конечно, не говорила. Но деньги брала. В подтверждение радости.

2

На самом деле, конечно, все было не столь гладко. Периодически девушку мучили депрессии.

Эля не любила подобные состояния. Она заглушала их алкоголем и все новыми беспорядочными половыми связями. И пока она пила или отдавалась мужчинам, все было вполне ровно. Но стоило ей остаться одной... Тут уж было не до веселья. Грусть и тоска набрасывались на нее, разъедавая ее неуверенностью и страхом. А еще появлялась тревожность и чувство вины. Причем Эля как будто и понимала, что повода для этого не было. Но внутреннее беспокойство поглощало ее. И в такие минуты (минуты могли превратиться в часы) ей совсем не хотелось жить.

Нет, убить себя она бы никогда не решилась. Это был бы слишком отчаянный шаг, решиться на подобное. Но все же в душе ее было иной раз так хреново...

И в таких случаях самоубийство может быть и выход. Так считала Эля.

О подобных мыслях Эльвиры знал я. Эльвира была моей двоюродной сестрой. Жила она в Москве, я в Санкт-Петербурге. Одно время мы не виделись. Потом случайно встретились в каком-то клубе. Куда Эльвира приехала на выгул с очередным бой-френдом. Меня она пригласила на танец, еще не зная, что я это я.

Во время танца девушка намекнула, что готова уехать со мной. Поискав глазами ее столик, я увидел, что приехавший с ней мужчина занят, что-то увлеченно рассказывая проститутке, подсевшей к нему. Он был пьян. И я согласился уехать с его девушкой. Я почувствовал, что она хочет этого. Я посмотрел на нее. Она кивнула и улыбнулась. Рука Эльвиры потянулась к моим джинсам в районе пениса. Я задержал ее руку, и дал понять, что все будет. Но потом.

Чтобы «потом» не затянулось, решили уединиться в какой-нибудь vip-кабинке (хозяйин заведения был мой товарищ).

Боковым зрением я заметил парня Эли, которого куда-то уводила проститутка. Теперь моя совесть была чиста, и я с полным правом мог вступить в половой контакт с его подружкой.

Я взял ее за руку и повел наверх. Одну из кабинок (кабинет) Вася (товарищ) оставлял всегда свободной, для меня. У меня даже был свой ключ.

Когда мы зашли в кабинет, я заметил что там кто-то с кем-то сношался. По спине и лысому черепу я узнал Васю. Его брюки были приспущены. Вася посадил даму на стол, устроился между ее разведенных ног, и с силой врывался в ее тело.

Судя по тому, что его подруга постанывала, ей это нравилось. «Ну, или она имитировала радость»,-- подумал я.

Вася повернулся в мою сторону, кивнул в приветствии, и сказав что-то на вроде того, что должен непременно закончить начатое, продолжил фрикции.

В присутствии кого-то еще заниматься любовью я не хотел. Хотя и Васе, и его девушке, и девушке моей -- видимо было бы все равно.

Словно в подтверждение промелькнувшей у меня догадки, Эля опустилась на колени, и стала расстегивать мои брюки. Пенис возбудился и от действий Эли, и от увиденного зрелища, когда я посмотрел на девушку Васи, которая теперь стояла на четвереньках, а Вася пристроился сзади. Груды девушки Васи покачивались в такт движениям.

Что-то меня все же удержало от действий сексуального характера.

Я шепнул Эле, что лучше будет если мы сейчас поедem домой, и продолжим там.

Эля удивилась по поводу того, что продолжим, если мы еще не начинали. Но я уже увел ей, пожелав Васе успеха.

К этому времени бой-френд Эли уже хватился Эли и искал ее. Мы с ним столкнулись в коридоре. Я представился, сказав, что давно не виделся с... сестрой. Двоюродной сестрой (придумал я на ходу).

Договорить я не успел. Этот придурок бросился на меня. Я слегка пробил ему по печени. Бой-френд сразу как-то сник и обиделся.

Я неожиданно заметил на себе взгляд протрезвевшей Эльвиры. Быстро задав мне несколько уточняющих вопросов, она поправила юбку и блузку, и улыбнувшись, сказала что мы и по всей видимости брат и сестра. Я удивленно на нее посмотрел. Она назвала имя своей мамы. Сестра моего отца носила точно такое же имя. Я сказал, что это еще ничего не значит.

Эля назвала девичью фамилию матери. Это была моя фамилия. Я понял, что действительно случайно встретил свою сестру. И даже чуть не переспал с ней.

3

Мы стали общаться. Как брат и сестра. Как неожиданно нашедшиеся брат и сестра. Естественно, о сексе не могло быть речи. Хотя Эля и продолжала оставаться блядью, спав с мужчинами. Я об этом знал, потому что она обо всем делилась со мной, словно я был ее подругой. Я не мог сказать, нравилось это мне или нет. Хотя ее рассказы были интересны и поучительны. Тем

более помимо Эльвиры у меня были другие девушки, которые рассказывали мне о том же. И мне это наверное все-таки было интересно.

И что уж точно, я давал девушкам советы, которые по моему мнению вполне могли им пригодиться. Сами же девушки по отношению ко мне видимо руководствовались тем, что о том о чем они рассказывали, рассказать все равно хотелось, но ведь не всякому. Например подругам такого не расскажешь, потому что те ревнивы и завистливы. С моей же стороны не было никакой заинтересованности. Кроме как желания помочь. Искреннего желания.

Кроме этого я со многими девушками еще и общался посредством электронной почты. И я в какой-то мере любил их всех. И реальных и виртуальных. Ведь только любовь предполагает искренность. А разум позволяет не переходить через край. Хотя и можно было предположить, что кто-то из моих знакомых дам были бы не против со мной переспать. Но я старался этого особо не допускать. Хотя особо и не потворствовал, когда видел что со стороны той или иной девушки исходит искреннее желание, а не просто необходимость поставить галочку.

А как Эля?.. А Эля на удивление вскоре прекратила таскаться по мужикам.

И стала любить женщин.

Но я пока ей не сказал, что обо всем этом думаю...

10 ноября 2006 год.

рассказ

Одна из моих любовниц

– Ну, скажи мне что-нибудь хорошее, – попросила меня милая девушка. Девушку звали Нина. И она порядком мне надоела.

Я закурил. Ничего говорить не хотелось.

Нет, я бы мог, конечно, признаться Нине, что прихожу к ней только лишь, чтобы получить ее тело. А после мне она была не нужна. Скучно с ней. Да и «на люди» не выведешь. Нина была некрасива. Даже страшна. Никто другой на нее, может, и не позарился бы. Я же приходил, чтобы испытать некий экстрим. Представьте, что вам вдруг предоставляется возможность трахнуть монашку. А в постели монашка ведет себя как блядь. Ну разве не интересно? Да еще и как блядь с садо-мазохистскими замашками. Вы могли топтать ее ногами, привязывать к батарее и к трубам в туалете; могли бить ее, если она вдруг взбрыкивала и говорила что сегодня она видимо не может вам дать... Как бы не так. Я ее даже не спрашивал. Вернее, спрашивал лишь номинально. Притом, что обычно она была не против. Но в тех случаях, когда на ее лицо вдруг наслаивалась маска недоступности (на Нину действительно иногда находило) я испытывал дополнительное

удовольствие, чувствуя себя чем-то навроде завоевателя, получавшего доступ к телу поверженного противника.

В такие разы я ебал Нину с редкой жестокостью. Я словно бы намеренно (на самом деле, думаю, бессознательно) заставлял ее делать то, что – полагал – в ее душе должно было вызывать особое неприятие. Протест.

Иногда, если бы кто-то поднял глаза и всмотрелся в балкон на пятом этаже, то мог бы заметить ее обнаженное тело, прижатое к стеклу (балкон был застеклен). Одной рукой я поддерживал Нину, чтобы она не отклонялась назад, а другой шарил в ее манде. Я добивался того, чтобы девушке от страсти стало безразлично все кроме моего хуя, который она жаждала ощутить в себе. И когда я чувствовал, что момент настал, я распахивал створки балкона, и груди Нины вываливались на улицу и начинали свой танец, в то время как я накачивал ее сзади, периодически похлопывая по ляжкам, и шепча, чтобы она не сдерживалась и вела себя естественно.

А она уже и так была не в силах сдерживаться. И ее стоны доносились до тротуара, и некоторые прохожие, задирая голову, видели искривившееся от подступавшего оргазма лицо женщины, и ее груди (у Нины был четвертый размер) которые подпрыгивали в такт моим рывкам в ее тело.

Нас могли оштрафовать за нарушение общественного спокойствия. Но и мне и Нине в тот момент было все равно. Правда, если бы кто увидел только что стонущую и мечущуюся от ощущения разрывающего ее изнутри хуя девушку на улице, то совсем ничего бы такого о ней и не подумал. На вид это было скромное создание неопределенного возраста, укутанное в какие-то длинные одеяния с повязанными поверх шарфами, напрочь скрывавшие ее тело и делающего его бесформенным.

Если бы Нину хотели бы изнасиловать на улице, насильники бы прошли мимо. Таких не ебут.

На самом деле, если бы ее захотели изнасиловать, насильники испытали бы неопишное удовольствие. Это только внешне она казалась мрачной и неприступной. Как только ваш член входил в нее – девушка преображалась. Начинала шутить и смеяться. И вообще вела себя, как последняя блядь.

.....

С Ниной я встречался полгода. Она меня считала своим мужчиной. У меня кроме нее был еще десяток девушек, которых я периодически поебывал. Как минимум половина из них считала

меня своим мужчиной. Даже, наверное, строили на меня определенные планы. Может, надеясь в перспективе выйти замуж.

Никому из них я не говорил, что женат. Вообще-то я несколько раз был женат. Но тот мой брак был несколько загадочен, в том числе и для меня. Мы, вроде как, и жили вместе, но жили своей жизнью. Жена могла где-то шляется, возвращаться через несколько дней пьяная и измученная, просила что-то навроде прощения, и на какое-то время становилась обычной женой. Пока ее пизда не начинала беситься, и Светлана не пускалась в загул.

Я же надолго никогда из дома не исчезал. Мои любовницы думали, что я живу где-то на даче в Лен. области. Они знали, что я писатель, и что люблю работать на природе. Поэтому никто из них меня не искал, боясь отвлечь от работы.

Я их обманывал. Но этот обман давал каждой из них надежду на обладание мной. Это было нелегко вселять надежду сразу в стольких женщин. Но мне, на самом деле, это было не трудно. У меня два десятка книг. Почти сотня героев влюбляется, изменяет друг другу, живет вместе и порознь и всегда на что-то надеется. Все их судьбы я держал в голове. Поэтому еще десяток вполне там мог вместиться.

.....

Иногда Нина мне очень нравилась. Впрочем, точно также периодически мне нравились и все другие женщины. Я сознательно инсценировал эти всплески неожиданной любви. Но любить всех не мог. Сгорел бы к чертовой матери. А так, все как будто поддерживалось ровно. Приходил, ебал, разговаривал. Иногда влюблялся. В основном влюблял в себя. Ну и всегда старался поддерживать интерес к себе.

Хотя, может быть, такое подстраховывание было ни к чему. Из всех моих многочисленных герлз как раз остались те, с которыми я мог делать все, что мне захочется, а они бы все равно меня любили. Даже обожали. Некоторые уж точно.

Мне оставалось особо не наглеть (я бы, например, с удовольствием объединил в постели некоторых из них), и периодически выказывал по отношению к ним свою любовь.

Но что я о них, да о них. Сейчас я ведь пришел к Нине.

Нина, страшненькая, среднего роста, среднего телосложения, периодически чем-то притягивала меня. Чем? Да вполне может быть и тем, о чем я писал вначале. Но и помимо всей этой монашеско-блядской смеси, я чувствовал, в ней таилась какая-то загадка.

Мне вообще нравились загадочные женщины. Если я их быстро разгадывал – они мне надоедали. Если же, несмотря на время, которое я проводил с ними все равно оставался какой-то секрет?..

Наверное, этим секретом они меня и притягивали. Поддерживали мой интерес. Тем более, я периодически изменял им всем с другими женщинами. Но подобные связи были эпизодическими. И дальше одного-двух раз дело, как правило, не шло. Мне становилось скучно и неинтересно. А я не могу заниматься тем, что не интересно. Подобный процесс контролирует моя нервная система. И это позволяет мне постоянно самосовершенствоваться и идти вперед. Я и действительно не люблю останавливаться.

.....

Нина смотрела на меня отвлеченным взглядом. Иногда эта девушка становилась задумчивой. Если бы не мое психологическое образование, я бы подумал, что в ней развивается какая психопатология. Но я знал, что волноваться незачем. Вся эта задумчивость ее исключительное свойство характера. И не более. Да и к тому же я мог вывести ее из подобного состояния. Достаточно было незаметно подкрасться к ней сзади и вставить в нее член. С ощущаемым в себе членом, трудно изображать задумчивость. Если вы не полная идиотка, конечно. Но Нина (или Нинель, как я ее иногда называл) была не такая. Между нами тут же случался половой акт. И мне и ей это нравилось.

Что до меня, то мне вообще всегда нравилось заниматься любовью. Это я сделал неотъемлемым правом своей жизни. И периодически просто обязан был кончать в какую-нибудь пизду, рот или попу. Мог я предоставить свой член и заботливым рукам женщин. Чувствуя разливавшееся по телу удовольствие, когда они начинали играть с ним.

Игры заканчивались традиционными движениями вверх-вниз. Их ладошки плотно обхватывали мой пенис и со временем приводили меня к выбросу семени и случавшемуся при этом оргазму. Девушек я старался не задерживать. Я вообще не любил доставлять кому-то неудобство. Я был вежливый молодой человек. Когда я встречался с Ниной, мне было около тридцати. На какой возраст я реально выглядел, сведения были противоречивыми. Кто-то считал, что мне двадцать пять. Кое-кто полагал, что уже за тридцать. К такому разброду я относился философски. Для меня было важно, насколько себя ощущал я. В душе мне казалось, что уже сорок. Поэтому и вел я себя с моими многочисленными девушками как старший по возрасту. Возраст их колебался от восемнадцати до двадцати четырех. Слишком старых я не любил. Когда я сам стал старше –

предпочитал иметь любовниц не старше двадцати одного года. Восемнадцать – двадцать один, – считал я вполне приемлемым возрастом. Да и девушки этого возраста меня всегда любили. И влюбляясь сразу, сохраняли это чувство до тех пор, пока я не расставался с ними.

Но мне кажется, они любили меня и потом. С некоторыми из них я случайно сталкивался через годы. Годы изменяли их. Кого-то мне с трудом удавалось вспомнить. Но они меня по-прежнему любили. И даже если говорили обратное, я знал что это не так. Нет, я не глупец, и не витаю в облаках. Из моих книг можно понять всякое, но могу признаться, что я всегда достаточно трезво смотрю на мир. Если вам кажется другое, значит я намеренно пускаюсь в иллюзии. Значит в тот момент мне так проще. Значит так надо.

.....

Я попрощался с Ниной, сказав, что начинаю работу над новым романом, и какое-то время не буду появляться в Санкт-Петербурге. Это был хороший отмаз. Сам я мог после Нины поехать к другой своей любовнице. Но мог и действительно уехать на дачу. Я предпочитал действовать по настроению. Интуитивно угадывая, что мне на тот момент хочется, и полагая невозможным сдерживаться.

Нина кивнула. Я ее поцеловал.

Она смотрела в окно, провожая меня. Я старался, что бы все мои женщины думали обо мне только хорошее. И всегда меня ждали.

А я всегда возвращался к ним. И девушки об этом знали...

07. 10. 2006 г.

рассказ

Совесь

Так выходило, – что он не мог жить.

Да, да, – можно было смело считать, – что не хотел. Но насколько это было бы верно? Ведь правда, как известно, может всегда интерпретироваться двояко. А чаще, – в зависимости от того, как мы это хотим видеть, и будет вырисовываться картина действительности...

Виктор Баринов всегда казался жалким даже самому себе. Да и это не было необходимости скрывать. Он еще с детства ненавидел сам себя. А со временем, быть может, лишь как-то смирился с необходимостью подобного самоощущения; но так и не смог себя полюбить. Более того. В иные моменты, – Виктор Баринов себя ненавидел. И это притом, что никаких причин для подобной

ненависти – никогда не было. А, даже, наоборот – в Баринове можно было отыскать что-то, что могло заслужить и чью-нибудь похвалу.

Но вот только хвалить Баринова было некому. Уже третий год он жил затворником. На даче. Вернее даже нет. Это он считал свое теперешнее местожительство – дачей. А на самом деле – это был настоящий деревенский дом. Вот, правда, деревенька была уж слишком малочисленная (всего-то, 10-12 дворов осталось, а на самом деле – может и того меньше); да и отдалена от какой бы то ни было цивилизации настолько, – что Баринов мог быть уверен: никто случайно к нему не придет.

И это при том, – что и приезжать-то некому.

А если и было бы, – адреса Баринова все равно никто не знал.

Но и если бы и узнал, – вряд ли приехал бы.

И никто не приехал бы хотя бы потому, что за время своей цивилизованной жизни (а когда-то Виктор Андреевич Баринов жил не только в Москве, но и жил, что называется, настоящей светской жизнью), Баринов успел испортить отношение с каждым, кто имел к нему хоть какой-то интерес. И число таких людей в какой-то мере было пропорционально должности, которую Баринов занимал. Хотя уместно ли об этом говорить сейчас. Тем более, что сам Виктор Баринов – давно уже отошел от мирской жизни.

А все дело в том, что Баринов не просто поселился в деревне. Он строил храм. Точнее, – Баринов действительно всегда мечтал построить храм. Но сначала – он должен был построить храм – в своей душе.

Чем сейчас, в общем-то, и занимался.

И в какой-то мере можно было признаться, – что у него получалось. Пусть, конечно, это еще было и не так, как он хотел; но дело, по крайней мере, сдвинулось с мертвой точки (как, то было поначалу; когда почти месяц Баринов просидел, чуть ли не уставясь в одну точку). И, в общем, Баринов в какой-то мере мог быть даже доволен собой.

Но он себя ненавидел.

И ненавидел он себя за то, что всеми своими поступками (поступками – в прошлой жизни, ибо сейчас у него были все основания предполагать, – ну, хотя бы надеяться, – что жизнь его изменится), – загнал себя в угол. Ведь за тридцать с небольшим лет ему удалось совершить столько, что всей оставшейся жизни не хватило бы, чтобы искупить вину за совершенное когда-то.

И самое печальное было то, что сейчас у Барина не осталось не единого шанса искупить свою вину (перед людьми – которым он принес несчастья в результате их общения с ним). Этим людям уже не было. И у Виктора Андреевича Барина были все основания предполагать, что не стало их – из-за него. Из-за той боли, которую принес он им. Из-за тех страданий, на которые обрек их своими словами, делами, мыслями... Ибо даже мысль Барина могла убить их. Потому что знали они, – что Барин даже бессознательно ненавидит их. А ведь он это никогда и не скрывал. Но он не знал сам, почему получалось так. Почему он всегда предавал именно тех людей, которые его больше всего любили. Почему он всячески демонстрировал свою ненависть и презрение именно тем людям, – которые готовы были отдать жизнь за него. И так получалось, – что отдали...

И не было Барину в этом прощения. А он и не жаждал прощения. Он просто не мог допустить, чтобы кто-то должен был простить его. Потому что Барин не мог простить себя сам. А это было уже то непреодолимое veto, которое теперь накладывало отпечаток на всю жизнь его. Превращая эту жизнь в настоящую трагедию. И боль. Боль израненной души, которой, совсем не было прощения.

И в какой-то момент отчаяние настолько захлестнуло Барина, что он нашел единственный способ, который мог хоть как-то искупить вину.

И чем больше Барин думал об этом, тем больше он понимал (тем лучше он понимал), – что в этом и есть избавление от страданий.

Но даже и сейчас он понял, что в первую очередь думает не о каком-то искуплении (хоть это предусматривалось само собой), – а об избавлении от боли, от мук, от мук совести.

И это еще больше укрепило Барина в том, что он должен был поступить именно так.

Потому как не было прощения таким людям как он.

Так же как и не было у них права на существование. Права на жизнь. Потому что этой жизни – они не заслуживали...

15 октября 2005 год.

рассказ

Успешность

1

Ему очень хотелось, чтобы у него получилось.

Но он сам не верил в это. Слишком сильно руководил его действиями разум, чтобы можно было даже попытаться что-то сделать. Притом что он пытался. Всяческим образом и так и этак он

старался добиться ожидаемого результата. Это только с большой натяжкой можно было сказать, что он не верил. Верил, конечно же, верил. Но вот вера эта как бы была не настоящая. В душе-то своей он все понимал. Всяческим образом стремился понять. И после каждого такого стремления как бы оказывалось, что понимать начинал еще больше.

.....

Рифат Рескиев стремился к успеху. Можно даже сказать, что он и сам состоял из успеха. Из успешности, даже можно предположить.

Да и вообще уже получается, что какая-либо успешность была той цементирующей базой, на которой, собственно, и зиждилось все, ну или многое. И что уж было точно, это то, что Рескиев стремился в жизни добиться собственными поступками результата. Того результата, при котором, собственно, и было бы явно видно проявление его успешности. Это можно сказать, было той ключевой линией его поведения, с которой подходил Рескиев к разрешению любых жизненных вопросов.

Большинство таких вопросов носили спорный характер. Видимо Рифат сам себя запутывал. А иной раз - запутывал до безобразия. И уже все его попытки выпутаться начинали наталкиваться на непреодолимое препятствие. Причем со временем он понял, что вполне может научиться обходить эти препятствия. Как? Да просто не замечать их. Стараться все делать разумно, и на различные ситуации в жизни иметь свой ответ.

Ответ должен быть подготовлен заранее. Планировались различные жизненные ситуации, и к каждой из них подбиралось то или иное разрешение ее. Таким образом, достигался результат. Результат как бы тоже был запланирован заранее. После чего все становилось просто и сбалансировано.

Но все так зачастую оказывалось только в мыслях Рескиева (где все удивительным образом срасталось). Действительность была более печальной. Результат чего - участившиеся в последнее время сожаления Рескиева о случившемся. Причем, можно было предположить, что сам он - во время совершения каких-либо поступков, о которых чуть позже начинал сожалеть - тогда еще не ведал, что все получится в итоге столь печально. А даже как будто и стремился развивать тему дальше. Словно предполагая, что все у него действительно получится. Ну, или может получиться.

.....

Работал Рифат чиновником в Ростехнадзоре. Но никак не нравилась ему его работа. Хотя пока он и не решался ее менять. Каждый раз, когда подступали подобные размышления и уже вроде как зрело в его голове уверенное решение послать все к черту и изменить судьбу, находилось что-

то, что отводило его от столь опрометчивого шага. И тогда он пытался как-то решить вопрос по-другому. Ну, уже получается, смириться с происходящим.

А потом вновь - отдалялся он от принятого недавно решения; зачастую ругая себя при этом последними словами. Да он и вообще часто бывал к себе беспощаден. А если и принимал критику, то только от себя. Всех других старался не замечать. И даже делал назло обратное, если получалось, что он все равно начинал подсознательно подстраивать жизнь под какие-то новые шаблоны и порядки. Порядки, которые ему были вовсе безразличны. И прежде всего потому, что он им не верил. Считая, что во всем - и всегда - должен полагаться исключительно на себя. На свой жизненный путь и знания. Тем более к знаниям Рескиев стремился. Прочитывая тома литературы, ведя какие-то дневники и заметки, да и вообще... Ну, в общем, к знаниям Рескиев действительно стремился.

.....

Случилось так, что Рифат задумался о кардинальных преобразованиях в жизни. Для этого он купил новую тетрадь, ручку (плюс два стержня в придачу), и приготовился отмечать все некогда совершаемое в жизни, что позже приносило какую-то неприятность. Он задумал отмечать все жизненные события, а позже возвращался к ним, если цепочка размышления указывала на то, что это именно они виной случившегося.

Пока, впрочем, ничего не случилось. Хотя и задуманные действия его также пока не удавались. И прежде всего Рескиев запутал себя. После чего хотел было забросить не оправдавшее себя занятие, да надумал новый поворот в деле анализа происходящего с ним. Ну, то есть, он попросту перестал делать подобный анализ. Хотя и предпочитая все держать в голове, но уже не искать виновных.

Получилось.

После это Рескиев попробовал было возвратиться к письменному анализу, да тут же смирившись с тем, что ничего не получается, забросил это дело.

Хотя и просто жить не стал. И почти тут же придумал для себя нечто новое. Что, по его мнению, могло ему помочь в деле становления себя как личности. Ну, то есть, уже получалось, в успешности.

"А ведь, по сути,--подумал Рескиев,--одни шатания у меня всю жизнь".

И крепко задумался он над этими словами. Выходило что и действительно, еще многое предстояло ему сделать в этой жизни. И прежде всего, необходимо было как-то упорядочить жизнь. Чтобы исключить из нее какие-либо тревоги да пустые заботы. А в мире вокруг увидеть нечто доброе и что уж точно - позитивное. Того, что ему, быть может, в жизни больше и не доставало.

И как только понял он это, то уже всеми силами постарался действительно привести себя к чему-то доброму и положительному. И, как ни странно, попытался и вовсе исключить какую-либо оценку действительности. Подозревая, что это все ненужно и мелко. Тогда как главное он все время не замечает. Оно проходит стороной. И наверняка ведь где-то есть, существует, но каждый раз каким-то злым образом отдаляется от него. Он стремится к нему. А оно удаляется. Чтобы может быть уже никогда и не возвратиться. Хотя и считать так было бы совсем не верным. Потому что точно, что существует нечто, что обязательно должно его вывести наверх. К вершинам, к которым он продолжал стремиться. Ну, то есть, к успешности. Ведь это как ни крути до сих пор, несмотря ни на что, оставалось главным, что ему вообще когда-либо было нужно. Столь главным, что оно вполне могло вытянуть и все остальное. И привести к нужному знаменателю, подытожив то нечто, что вызывало пока еще разброд в его душе. И что уж точно - ни к чему привести не могло.

"Пока не могло",--сказал Рескиев, и его лицо осветилось решимостью довести начатое до конца. Прежде всего, требовалось еще раз все подробным образом проанализировать. Попытка исключить анализ тут же была признана ошибочной. Да и не могло быть иначе. Ведь Рифат был думающим человеком. И уже не таким молодым, чтобы был у него ветер в голове. Телосложение он имел крупное. По внешнему виду мог вполне сойти и за уверенного в себе человека. Ну а то, что в душе он таковым не был, это знал он сам. И стремился исправиться. Сейчас это было одним из пунктов плана выхода из сложившейся ситуации. И надо было во что бы то ни стало что-то делать. Быть может даже совершить невозможное. Чтобы после... Чтобы после уже не раскаиваться, что не смог ничего сделать. Вроде как мог (каждому в жизни дан шанс, другой вопрос как он этим шансом воспользуется), но не сделал.

И осознание уже этого стало подгонять Рифата. Причем за короткое время он сделал действительно многое. Научился, например, по-другому реагировать на какие-либо жизненные обстоятельства. Нет, не замечать те (как было подумал, что должен делать раньше), а наоборот - всячески погружаться в них. Чтобы после...

Чтобы после был уже исключительно положительный результат. Результат всего, что могло быть, могло произойти, что вообще еще будет. Ведь точно, что будет многое. Потому что просто так не могло ничего закончиться. А впереди могли его ожидать еще те этапы, которые ему предстояло пройти. И он их пройдет. Об этом уже знал Рифат Рескиев. Потому что стремился он стать успешным. И знал, что все для этого сделает.

За какое-то короткое время Рифату удалось начать новую жизнь. Притом что также удалось ему практически полностью изменить себя. Он даже похудел (до размеров средне статистического мужчины). В общем, преобразился.

И при этом работу как будто не только не бросил, но и полюбил. Просто он подумал, и попросил перебросить его на другой участок. Теперь в его обязанности входили проверки коммерческих предприятия. Взятки он не брал, но от подношений отказаться не мог. Таким образом, достаточно быстро поправил свое материальное благосостояние. И даже обрел некоторую гармонию в душе. И, прежде всего, уверенность. С начальством всегда делился. Поэтому знал, что-то всегда уберезет его, если что. И хотя попадал, таким образом, Рескиев в некую зависимость, потому что не мог он уже так просто, если бы захотел, соскочить (приучив начальство к подношениям), пока он об этом не печалился. Тем более, что уже придумал еще один план. Согласно которому он сможет и вовсе какое-то время не работать. Сейчас денег уже было достаточно на пару лет вполне спокойной жизни. Когда цифра дойдет до пяти лет - Рескиев планировал уволиться. И пожить в свое если не удовольствие, то, по крайней мере, пяти лет ему было бы достаточно, чтобы привести в порядок собственные мысли. Он только сейчас окончательно осознал, какое наступит тогда замечательное время.

И всяческим образом к этому времени стремился.

.....

Вскоре Рескиеву новая работа надоела. Он вдруг заметил, что мысль об успешности уже вроде как перестала возникать у него. И подобное посчитал Рескиев очень нехорошим симптомом. И даже подумал что ему, быть может, надо вообще как-то по-другому повернуть жизнь; обратить ее к себе исключительно лицом. И, по сути, принять вызов судьбы и жизни. Ну и, прежде всего, вернуть себе успешность. Причем добиться, чтобы впредь ничто не мешало ему...

"Да все нормально",--неожиданно подумал Рескиев.

Ему сейчас вдруг показалось весьма сомнительными все его тревоги и страдания. Нелепыми даже. И он понял, что попросту забыл выведенное когда-то -- самим же - правило. Суть которого сводилась к тому, что можно быть успешным или неуспешным, все люди находятся примерно в равных условиях, а все зависит от того, как вы считаете про себя сами.

И уже в соответствии с этими новыми параметрами его жизни, корректив в его жизни, можно было совсем по иному взглянуть на свою жизнь. "Причем действительно,--подумал Рескиев,--посмотреть на нее с позиции истины".

"Ну, то есть успешности",--тут же добавил он.

И ему сразу стало весело и свободно. А в душу пришел праздник. И там стали распускаться цветы. И больше как будто уже не было тревог и волнений. Потому что согласно теории Рескиева, волнения таковыми совсем и не являлись (речь о причине возникновения), пока мы сами не посчитаем, что в жизни произошло нечто, после чего нам необходимо волноваться. А произошло это или нет, самой природе человека все равно. Она ждет соответствующей команды от разума. Который, основываясь на опыте, реагирует тем или иным образом. Причем негативным уже как бы немного больше. "Попросту страхуюсь",--понимал Рескиев.

И приняв подобную установку, Рифат Рескиев и действительно почувствовал улучшение в жизни. Жизнь ему уже не казалась каким-то недоразумением. И все у него было в этой жизни успешным. А кто считал обратное - попросту ничего не знали. "Да, наверное, и не понимали",-- улыбнулся Рифат Рескиев, успешный человек.

31.08.2007 год.

рассказ

Полет

Алику Глобусову казалось, что мир вокруг – все время пребывает в каком-то полете.

Быть может так было от того, что Алик десять лет проработал бортпроводником на воздушном судне. Или, можно предположить, было неким отзвуком нереализованного желания Алика стать пилотом сначала космического корабля, а потом уже «хотя бы» самолета. Но его не взяли ни туда, ни туда. И тогда Алик решил стать бортпроводником.

Но уже прошло десять лет, с тех пор как Алик не поднимался в небо. Столь длинный срок совсем не чувствовался. Ведь Алик до сих пор еще летал. Во сне. Почти в каждом сне.

А еще Алик (почти в этом же сне) прыгал с парашюта. Неудачно. Потому что приземлялся каждый раз в отхожую яму. Вырытую прямо среди поля. И сколько бы Алик не дергал за стропила, сколько бы не угадывал направление ветра и прочие премудрости – успеха это не приносило. Алик падал аккуратно в нечистоты. Погружаясь почти с головой. После чего долго отмывался. Но так до конца у него никогда и не получалось. И повсюду Алика (с момента первых сновидений на соответствующую тему) преследовал этот ужасный запах. Запах нечистот. От которого, как оказалось, совсем невозможно было избавиться.

.....

Несмотря на то, что с момента «последнего прыжка» минуло несколько лет (и сон на удивление не повторился), Алик до сих пор находился в плену этой ужасной навязчивой идеи по поводу преследующего его запаха. И до нескольких десятков раз на день Алик принимал душ, в

надежде хоть как-то успокоить свои нервы. Причем, «успокоение» хватало совсем на незначительное время. После чего – все начиналось вновь.

Хотя, если бы только это.

Например, Алику всюду казалось, что его преследуют. Причем уже не какой-то там абстрактный запах, а, вполне даже, как ему казалось, реальное лицо. Он всюду видел это лицо. Лицо врага. Хотя и до сих пор еще ему не удавалось как-то четко его разглядеть. Черты были размыты. А потому на самом деле Алик еще мучился и от того, что не знал, как выглядит это лицо. Он только знал, что оно повсюду за ним наблюдает. И как-то спрятаться от него, в общем-то, было невозможно.

Ну, или – почти невозможно. И Алику, конечно же, удавалось иной раз обманывать этого весельного демона. Насколько, конечно, это на самом деле у него получалось в реальности. Потому что помимо сновидений и воображения, с недавних пор это лицо стало его преследовать и в реальной жизни. Хотя Алику и казалось, что на самом деле в реальности этого лица не было. И даже, быть может, не существовало.

И тогда он мог заключить, что все это (да и многое другое) было плодом воображения.

Результатом воспаленного невротами, страхами, и прочими девиациями – воображения одного моего приятеля, настоящую имя и фамилию которого я слегка, по его просьбе, изменил. И тогда он стал Аликом Глобусовым. А у меня если и была какая-то надежда, что состояние его изменится (хотя бы наступит улучшение за время моего написания, или хотя бы опубликования этого рассказа), то вскоре от любой надежды я вынужден был отказаться. Тем более что пока писал – у Алика случилось очередное обострение (теперь оно могло быть приурочено например к весне). И он мне показался совсем уж психически ненормальным человеком. Которого легче было пристрелить, чем вылечить. А тем более следовать его бредовым идеям, стремясь хоть как-то заглушить их, успокоив душу Алика.

Успокоить Алика было невозможно.

Так считал я. Но вскоре убедился что ошибался. Врачи выписали Алику такую дозу лекарства, от которого тот вдруг стал казаться вполне адекватным человеком. Внешне. И только мне он поведал, что ему стало еще сильнее хотеться в полет.

.....

И вскоре Алика совсем стало невозможно удержать или отговорить от подобных мыслей-мечтаний. Тем более что они все больше становились похожими на реальность. На суровую правду. Потому как Алик Глобусов действительно стал готовиться к полету. Причем, начинал готовиться – стоило ему только проснуться. И даже когда он спал, это было по его словам никакой не сон, а

самая что ни на есть подготовка к этому самому полету. Чертову полету,--как в сердцах не раз говорил ему я. Но разве Алик когда-нибудь слушал?

.....

А как-то я узнал, что полет состоялся.

Ну, как он проходил, я, конечно же, не знал. Да и, наверное, уже никогда не узнаю. Потому что Алик... не приземлился. А если ему и действительно удалось улететь (например, на другую планету; в это мне верилось с трудом, но один наш общий знакомый клятвенно заверял меня, что это очень даже возможно; знакомый, впрочем, был постоянный пациент психоневрологического диспансера), то по детско-юношескому фантастическому чтиву каждый знает, что время на планете земля и другой планете отличается. И наша жизнь – там иногда лишь миг,--вспоминал я слова Алика, бережно храня в своей памяти все, о чем он мне когда-то рассказывал.

И только через год я снова увидел Алика. И оказалось, что на самом деле он никуда не уезжал. Не успел. Весь год проведя на лечении в психиатрической клинике. И как будто даже излечился.

Но вот после своего излечения Алик стал совсем другим человеком.

Впрочем, и я, к тому времени уже закончил свою очередную монографию о расстройствах психики индивидов. И люди, подобные Алику, хоть на какое-то время стали мне неинтересны.

А совсем недавно (с момента последних событий прошло уже несколько лет) я совсем случайно нос к носу столкнулся с Аликом Глобусовым. И он заговорщески шепнул мне, что ожидается новый полет. И улыбнувшись, сказал, что подготовил место и для меня.

--Мы полетим вместе,--радостно произнес Алик, всем своим видом давая понять, что ни какие возражения не принимаются.

А я... а я понял, что все лишь только начинается...

19 апреля 2007 год.

рассказ

Еще, еще, еще...

Он жадно втягивал в себя ее вульву. Ему хотелось еще и еще. Она стонала, кричала, сжимала губы, снова стонала и кричала, и кончала, кончала, кончала.

Ее звали Ольга. Его Егор. Егор ебал Ольгу уже три дня. Два из них он только лизал. На третий вставил, было, свой член ей в рот, передумал, раздвинул ноги Ольги, и выебал ее. Потом еще и еще. Ольга была счастлива. Она разомлела от неги и свалившегося на нее наслаждения. Егор все еще методично обрабатывал вагину невесты (Ольга и Егор три дня назад подали заявление в ЗАГС), когда девушка внезапно представила на месте Егора себя. От этого она чуть не сошла с ума.

--Вот что значит ебля три дня без правил,--подумала она. И вдруг испытала такой сильный оргазм, что на миг все затуманилось в голове девушки. Ей не хотелось, чтобы Егор останавливался. Ей не хотелось вообще, чтобы все это когда-то заканчивалось. Ей только хотелось еще. И губы ее шептали «еще, еще, еще...»

Июль 2011

рассказ

Бег в никуда, или просто жизнь

1

Ему казалось, он знал все или многое.

На самом деле так обстояло дело, что он не знал ничего. Не знал, что его жена давно спит с другим. Не знал, что его подчиненные улыбаются ему только потому, что он им платит зарплату, а на самом деле обсуждают его «за глаза». Он не знал еще многое, узнав которое совсем бы не знал, как себя повел, учитывая что с детства был невротиком, и с годами не излечился от своего недуга, а лишь научился его маскировать. Да и то, как выяснилось со временем, маскировать неудачно, потому как все, кто имел нечестную душу и грязные мысли – пользовались этим человеком, фактически давно уже его себе подчинив. И если внешне он казался независимым, на самом деле это было не так. Совсем не так, учитывая что Игорю все труднее приходилось слушать то, что говорит ему его внутренний голос. И не потому, что говорил тот гадости (если бы так,--знал он,--не стал бы обращать на то внимание), а как раз из-за того, что Андреев понимал, что это есть самая настоящая правда. Та правда, от которой он бы хотел избавиться. И как раз та правда, которую он всю жизнь боялся.

Жизнь Игоря Андреева проходила в ключе незаконченных этюдов и не начатых партий. Даже если он к чему-то начинал стремиться, через время мог остановиться, потому что знал, что не добежит дот конца. И даже не то что устанет. А ему попросту надоест этот бег. Надоест подобное движение, потому что он уже увидит что-то иное, где, как покажется ему, сможет приложить усилия, но все же это тоже не будет так, а то что (и то как) так – он на самом деле и не знал.

Не знал, и в то же время всякий раз начинал сначала. Он начинал, думая, что должен когда-нибудь добежать-завершить начатое. Но всякий раз на его пути возникало нечто новое. И он уже не мог остановиться, чтобы не ухватиться за него. Зная...

Не зная... Не зная и не понимая уже ничего. А действуя скорее по какому-то внутреннему наитию. Которое, на удивление, ни к чему не приводило. А только еще больше запутывало...

2

Жил Андреев на стипендию жены-аспиранта и пенсию бабушки. И не от того, что сам не хотел работать, а скорее причина была в некой общей его «недоделанности». Тогда как все, что он любил и умел – разговаривать. Даже тему мог затронуть интересную. Да все больше такой разговор был на самом деле не о чем. И как понял он это, наверное и стал с тех пор бегать по жизни. Переходя с одной работы на другую, попутно переругиваясь, пока вот не устроился директором с небольшим штатом сотрудников в компанию по компьютерному обеспечению при как вроде бы крупной корпорации, да о своем месте работы Андреев предпочитал не говорить, а зарплату не приносил.

--А где твоя зарплата?—как-то осторожно поинтересовалась жена Люся, но Андреев посмотрел на нее таким удручающим взглядом, что девушка подумала, что лучше пусть будет муж жив-здоров да при деле, чем свихнется совсем. А когда он в конце года (через год после начала работы на новом месте) пришел с работы и с загадочным видом покрутившись около Люси достал из кармана пиджака и положил на стол небольших размеров бриллиант, Люся тоже хотела никак не отреагировать (за годы замужней жизни она научилась держать себя в руках), но то ли общая усталость-напряжение от жизни, то ли блеск каратов, но Люся не сдержалась и разрыдалась, уткнувшись мужу в плечо (для этого Люсе надо было немного наклониться, муж был ниже ее); а ночью, впервые за последнее время, отдалась ему с таким отчаянием, словно хотела навсегда поглотить его в себя, удержать, и больше не отпускать, чтобы он ничего не придумал нового да шокирующего...

Люся мужа немного боялась, как здоровый человек всегда слегка опасается любого невротика. Когда-то ей хотелось выйти замуж за сильного мужчину. Но, перебирая кандидатуры почти до тридцати лет, она вышла за первого встречного, ну или за того, кто показался ей заинтересованным в ее любви и поддержке.

Поддержка обернулась опасением сказать мужу лишний раз любое слово (дабы не вызвать приступ недовольства в его психике), а любовь была и вовсе мечтой, которую Люся как-то быстро

отодвинула в раздел несбывшихся, допуская, впрочем, про себя, что сама во всем виновата, и потому особо не переживая.

Бриллианту Люся радовалась недолго. Проснувшись на другой день и хватившись его, она принялась его искать по комнате (семья Андреевых, решив не жить с родителями, снимала небольшую комнату в большой коммунальной квартире на Лиговском проспекте), да почуяв неладное, позвонила мужу, и уже с первых слов его гундящего голоса догадалась обо всем. А Андрееву... Игорю Андрееву было стыдно за обман. Но он так и не ответил на вопросы жены: фальшивый ли был бриллиант, и куда он его дел, а еще через неделю подумав что все забылось, Андреев принес супруге набор золотых украшений.

Люся не знала как реагировать, и только округлившимися глазами смотрела на мужа, который по идиотски улыбался и не знал куда деть свои руки, наконец, попытавшись ими приобнять супругу, получил отпор, и успокоился.

Что до бабушки (которая передавала часть своей военной пенсии непутевому внуку), она предпочитала любить Игоря таким, каким он был. Да и старушке так было проще. В свои почти под девяносто она предпочитала без дела не вникать в передраги хитросплетений судьбы. А что до самого Игоря... Ну так тут как бы было многое вообще загадочно. Например, ходили слухи, что Игорь на самом деле зарабатывает неплохие деньги. Но будучи по характеру... Впрочем, тут был тоже вопрос. С одной стороны (в одной жизненной ситуации) он мог выглядеть человеком, который деньги не считает, транжиря их направо-налево. С другой, он берег каждый рубль. Правда чувствовал себя при этом последней сволочью, и когда наступал удобный момент – растрчивал все.

А еще он не умел радоваться жизни. И по всей видимости очень переживал из-за этого. Хотя и глядя на него было иной раз очень трудно заметить об его истинных чувствах. Но по всей видимости это еще смотря с какого бока смотреть. Да и по большому счету, не очень-то любил Игорь Андреев затруднять себя какими-то излишними размышлениями. То есть любил, конечно. Но еще и потому, что он почти всегда после этого как-то по особенному мучился да страдал, предпочитал лишний раз о лишнем не думать. Вопрос был – что еще считать лишним...

3

В один из дней Люся ушла от Игоря. Ушла в никуда. Потому как сколько он не искал ее (чтобы объясниться), у него ничего не выходило. Ну а когда он уже не знал что думать (думал повеситься), Люся вернулась, и они стали жить как ни в чем ни бывало. Она ему не напоминала о бриллианте и о том, что он, в общем-то, придурок. А он не спрашивал где же она отсутствовала

почти неделю. Разве что изредка поглядывая на супругу, Андреев замечал, что после своего возвращения у девушки иной раз как-то неестественно горят глаза. Но по доброте душевной списывал это на что угодно, только не на то, что появлялось в его мыслях. А в мыслях... В мыслях Игоря Андреева все чаще все поглощала одна мысль, что его жена обманывает его. И ведет двойную жизнь. Ну, или что наверняка, жизнь совсем не такую, какой жила раньше.

Но он старался об этом не думать.

Да и зачем лишний раз расстраивать себя. Ведь в жизни еще много будет такого, что он не сможет объяснить. И только позже быть может придет какое видение ситуации. Но то будет после. А он всеми силами стремился жить сейчас. Потому что и сам замечал, что несколько отличается от других.

--Но что ему, по сути, до всех этих отличий,--говорил тогда он себе. И был в общем-то прав. Полагая, что в будущем жизнь рассудит. А сейчас необходимо было просто жить. И по возможности радоваться жизни.

07. 02. 2008 г.

рассказ

Гарем, или многоженство

1

Я устал. Я трахал ее всю ночь. Я устал.

Я понимал, что устал скорее от того, что мне она не нравилась. Совсем. Но при этом подозревал, что обманываю себя. Она не нравилась мне внешне. Когда мы начинали трахаться, все исчезало. У меня и раньше-то не было неуверенности, но теперь из моего бессознательного вышла моя вторая сущность. И честно говоря, иной раз становилось страшно от тех гнусных сексуальных фантазий, которые я реализовывал с этой женщиной.

Алене было сорок. Внешне она выглядела на тридцать пять. Ей давали тридцать. Кто-то совсем уж по-пьяни путал ее со студенткой. Молоденькой студенткой 20-25 лет. Но ей было сорок. И она не скрывала свой возраст.

Алена была выше среднего роста, худенькая, с высокой упругой грудью, в меру развитыми бедрами, и не в меру развитыми ягодицами. Глядя на эти ягодицы, до них хотелось поскорее дотронуться. А еще больше хотелось развести их и ввести между них член. Который у меня стоял всегда, пока она находилась рядом. Я даже боялся на нее лишний раз смотреть. Но мое воображение словно без моей воли рисовало уже то сладострастие, в которое я мог окунуться. И я не выдерживал. А Алене, казалось, только этого и было нужно. Она вообще любила секс, можно сказать.

Моей жене было двадцать семь лет. Маленькая ебливая брюнетка. Очень любившая виноград, шоколад, шампанское и куннилингус.

Я даже не знал что больше. Видимо лучше, когда все и сразу. Жену звали Виктория. Алена была ее институтской подругой (обе учились заочно). Вместе они когда-то давали закадрить себя парням, и после отдавались им. Об этом мне рассказала Алена. Об этом я знал и от жены. Виктория, когда мы с ней только познакомились, отчего-то слишком многое мне о себе рассказала. С пьяну. Пила она много. Все больше водку и коньяк. Потом перестала. Перешла на вино, что в ее понимании уже было равносильно тому, что и не пить вовсе.

Алена с Викторией были не только подругами, но они были лучшими подругами. Когда Виктории исполнилось двадцать, она уехала из своего родного Зареченска в Санкт-Петербург. Я с ней познакомился в ночном клубе. Вернее, не просто познакомился, а считал что снял ее.

В итоге задержалась она у меня почти на восемь лет. Через семь лет нашего срока приехала Алена. С ней я переспал уже в день приезда. Жили мы в большом частном доме в пригороде Санкт-Петербурга. Дом купил я.

Когда я спускался со ступенек второго этажа, на лестнице (была ночь и темно; я шел покурить на улицу) меня поджидала Алена. И почти сразу стала делать мне минет. Я удивился. На втором этаже спала жена. На первом мы разместили Алену. Видимо Алене не спалось. Хотя и я, если честно, особо не вдавался в подробности. Я позволил Алене высвободить мой пенис из-под пижамных штанин и вставить себе в рот. Сосала она изумительно. По крайней мере, кончил я почти сразу. Не привлекая особого внимания и практически без шума. Это было начало. После этого я стал регулярно заниматься любовью с подругой своей жены. Другими словами, трахал ее там, где ловил. И мне и ей подобное нравилось. Ей даже больше. В свои сорок она была законченная блядь. Но уверенно косила под девственницу. По крайней мере, моя жена не раз удивлялась, мол, как изменилась ее подруга. Совсем не спит с мужчинами.

Алена сказала ей, что у нее исчезло либидо. Бесповоротно и в одночасье. Из вежливости я не позволил себе даже улыбнуться. А моя дура поверила и промолчала.

Алена мне понравилась сразу. Только я постарался не поддать вида. Если хотите получить удовольствие от секса с подругами жены, лучше выказывать легкое недовольство в отношении их вашей супруге. Лучше даже все обставить - для большей надежности - как мысли вслух. Подсознательно женщины сравнивают себя с другими женщинами. Если сравнение в их понимании будет не в их пользу, они могут насторожиться. И более внимательно следить за вами. Лучше, чтобы этого не происходило.

Что было до меня, то мне вообще всегда претил любой контроль. Я был свободным человеком и таким хотел оставаться.

В один из дней Алена с Викой разругались в хлам. Я вмешался и помирил их. Да так, что в ту же ночь переспал с обоими. В том плане, что они настолько помирились, что уже не хотели расставаться.

С тех пор Алена решила остаться у нас (до этого вроде как приехала то ли в гости, то ли ей негде было остановиться, в детали я не вдавался). Виктория такому событию обрадовалась. Я тоже. В моей судьбе приоткрывалась новая дверь. И мне было интересно, куда она приведет.

Пока эта дверь вела только в постель. В обычной жизни Алена была женщина неинтересная. Из нее иногда высвечивалось нахальство. Случалось, у нее начиналась истерика. Истеричных баб я не любил, и по возможности старался от них отдаляться. Ну, или - может ради эксперимента, или просто приходило такое желание - успокаивал их сексом.

На удивление, секс они любили, и отдавались с пылом настоящей страсти. Притом что раньше этой страсти я мог в них особо и не замечать. А теперь как прорвало.

Если же истерика начиналась вновь,-- я бежал сломя голову. Намереваясь непременно скрыться, пока все успокоится. Врача не вызывал. Кратковременное затемнение разума еще не болезнь. Но если бы вдруг такая дама что-нибудь сделала, ей могли дать скидку, ссылаясь на совершенное в состоянии аффекта. Поэтому спокойнее было просто прервать контакт. Хотя бы на время. А позже можно было сослаться на якобы срочно возникшие неотложные дела. Ну или придумать что-то еще. Тем более что если женщина успокаивалась, объяснений как правило она уже не требовала. Сама радуясь, что временно закончилась ее психопатия. И какое-то время (до нового приступа) она можем пожить спокойно.

Сейчас бежать было некуда. Это был мой дом, другого у меня не было, и убежать из него равносильно тому, чтобы стать бомжом. Потому что денег на новый дом (что предполагалось как следствие бегства) у меня пока не было. Снимать квартиру я не хотел. Деньги с продаж книг я переводил за границу. Когда-нибудь надеялся перебраться туда. Если не жить, то хотя бы пребывать большую часть жизни. Ну, или меньшую. Как получится.

.....

С какого-то времени к двум моим женщинам прибавилась третья. Дочь одной из моих предыдущих жен, приходившаяся когда-то мне падчерицей.

Девочка повзрослела и призналась в любви. С ее мамой я давно уже расстался. Но когда увидел Карину, невольно погрузился в воспоминания о молодости. Тогда я познакомился с молодой очаровательной девушкой с ребенком. Девушку звали Маргарита. Ребенка - Карина. Недавно Карине исполнилось восемнадцать лет. Она захотела жить со мной. Я признался, что у меня уже есть жена. Даже две. Карина видимо не поняла, потому что, поблагодарив за полученную

информацию, на следующий день снова позвонила. И сказала, что хочет придти. Вечером. И остаться на ночь. Мне было неудобно и перед ней и перед моими женами. Гаремы в России были запрещены. И к тому же я не знал, как отреагирует Виктория. Мне почему-то казалось, что и на наличие в моей жизни Алены у нее была некоторая тревога. Пусть внешне она старалась этого не показывать. А что будет теперь?

На удивление Вика отреагировала очень даже великолепно; и если бы не Алена, которая мне обо всем рассказала, я бы подумал, что на меня начинает наслаиваться иная реальность. Но на самом деле объяснилось все просто. Вика знала о существовании Карины. И не только знала, но и уже почти год встречалась с ней. Тайно от меня. И они занимались любовью.

Я понял, что не только с ее согласия, но и быть может по ее просьбе, Карина разыскала меня. И призналась в любви. И захотела жить со мной. В том числе и половой жизнью.

Я согласился. Моя постель могла вместить десятерых. Сейчас на ней спали только четверо. Я и три моих жены. К тому же любое подобное согласие исходило из весьма простых соображений. Спать с разными девушками легально, в том плане, чтобы они все знали о существовании друг друга, было гораздо лучше, чем прятаться и скрывать наличие половых подруг. К тому же я отчего-то подозревал, что будут еще девушки в моем доме. Ну а почему нет? Непременно будут и даже должны быть. Правда если будут, мне придется забросить свою работу и только трахаться. Но потом я подумал и понял, что работа сексу не помеха. Даже в том многостаночном варианте, который предусматривался со мной. К тому же работал я дома. У меня был кабинет, где я писал. Обычно по ночам. Часов до двух-трех я занимался любовью, потом уходил к себе, в кабинет, несколько опровергая фрейдовскую теорию о сублимации, потому что в последнее время, чтобы я мог что-нибудь написать, мне непременно требовалось вступить в половой контакт. Если же этого не происходило - писать было затруднительно.

Итак, я уходил в кабинет, и работал до утра. После чего спал. А проснувшись, развлекал своих женщин. Мы устраивали экскурсии. По магазинам. А кушали в ресторанах. Каждой своей женщине я выдавал в день определенное количество денег, и каждый месяц еще столько же, сколько за день, помноженное на тридцать. Я не был жаден. В некотором роде я, конечно, любил расчеты. Но и старался, чтобы проживающие со мной дамы ни в чем не нуждались. К тому же я оплачивал любые их покупки. А покупали они много, и в большинстве случаев всякой ерунды. Природа наградила их различными качествами. Но все эти качества в основном простирались в области секса. В остальном они были не только не практичны, но и можно сказать абсолютные дуры. А я, получалось, дурак, что потакал их слабостям.

Тем не менее, словно бы довершение всего, я купил им по машине. Мне не хотелось, чтобы кто-то из них чувствовал себя ущербно. К тому же я был бы не против, если бы нашли они себе

любовников. И я рассудил, что с машиной это будет сделать несколько проще. При этом постарался значительно увеличить их денежное пособие. И с недавних пор выдавал много и сразу.

Вскоре я не пожалел об этом. Мои акции, вложенные в ряд компаний, совсем неожиданно поползли вверх. А когда-то открытый небольшой бизнес (который я полностью отдал на откуп управляющему) стал вдруг приносить реальный доход. Ну, или может, перестал воровать управляющий.

А еще через время, со мной стали жить еще две девушки. Обоим было по двадцать пять лет. Студентки. Необычайно красивые и сексуальные. Я им оплачивал учебу, они со мной спали. Их привела Алена. А Карина собиралась, было, привести парня, да я сразу подобное желание пресек. И прежде всего потому, что всегда полагал, что должна быть дисциплина. И в женской армии мужчины были ни к чему. Все должны были подчиняться мне. А я за это платил им своим пониманием. Поэтому и каких-то проблем до сего времени не наблюдалось.

И Карина все поняла. И парню отказала (оказывается, в мой гарем просился он).

.....

Возможность появления в моем доме мужчины выявило проблему. Я вдруг задумался о том, что у моих женщин действительно кто-то мог появиться на стороне. Получается, даже желая этого, я все-таки привык, чтобы у них был только я. Всего у меня было несколько браков. До последнего, каждый брак был с одной женщиной. Ни от одного из браков не было детей. И только сейчас я почувствовал настоящее удовлетворение от наличия в моей жизни женщины. Точнее -- многих женщин. Потому что от каждой своей нынешней женщины я ожидал детей. Они все оказались беременны. Все пятеро. Причем "УЗИ" показало, что Виктория должна была родить двойню. Я готовился стать отцом сразу шестерых детей. И уже даже придумал имена. Жизнь намечалась стать весьма интересной.

2

Мои женщины были чем-то схожи. Алена была покладистая. Виктория всегда признавала мужскую гегемонию. Карина беспрекословно подчинялась мне. Две Ольги... Первая, высокая, худая, с колючим взглядом и мальчишеским лицом - была достаточно своенравная особа, уверенная в себе и привыкшая все, что попадало в ее поле зрения, подвергать сомнению. Другая Ольга - среднего роста, с большой грудью, такими же большими попой и бедрами (хотя при этом она на удивление не казалась толстой) скорее подыгрывала, чем действительно кому-то подчинялась. Ну, может, конечно, подчинялась, но не беспрекословно.

Всех пятерых роднила одна занимательная деталь: они млели от моего пениса.

То есть уже получалось, мой пенис выступал в роли волшебной палочки. И он действительно имел над ними необычайную силу. А так как вставал он при первой же необходимости, я чувствовал себя в роли шаха. Или шейха. Что уж точно, в моем случае было одно и то же.

А еще мне нравилось мирить моих женщин. Они ведь часто скандалили, сучки. Как и в любом браке (несмотря на неофициальное сожительство, наши отношения я считал браком) между влюбленными периодически возникают ссоры. Ну а у нас, со мной никто из дам не ругался. Они ругались между собой.

Мне доставляло удовольствие заранее находить причины подобных конфликтов. Я умирал кого лаской, кого и словом. Причем, мои женщины, всегда и во всем соглашались со мной. И даже не деньги или постель было главным. Они меня уважали и любили. А я по-своему любил каждую из них. А если бы их было даже вдвое больше - тоже бы любил. И на порядок было бы больше - все равно любил. У меня было много, может слишком много любви. К тому же любовь помогала мне писать. Чем я больше тратил, тем больше мне возвращалось.

.....

Я знал, что когда-нибудь кто-то из моих женщин от меня уйдет. Я каждой предоставлял свободу быть собой. Мне не хотелось никого из них сковывать ограничениями. И я вполне подозревал, что наступит момент, когда девушкам захочется большего. Я не следил за ними. Каждую из них сопровождал телохранитель. Телохранителей предоставил мой товарищ, Валерий, бывший майор войск специального назначения, который теперь заведовал охранным предприятием. Он сам вызвался прикрепить ко мне охрану. Я сказал, что пока защищу себя сам, а вот девушкам попросил организовать сопровождение, да и то, только после того как они забеременели.

Был у меня и знакомый психолог. Его задача была работа с подсознанием каждой из моих девушек. Он им попросту давал установки, что если они окажутся без меня - то у них разовьется тревога в душе и беспокойство на сердце. А наличие моей персоны было своеобразным ключом. То есть пока был я - ничего подобного у них не развивалось (ну разве что только для профилактики). Борис Львович (психолог) свой метод называл - "влюблять в клиента". И ему действительно удалось заложить в их подсознание мысль о моем непреложном участии в их жизни. Потому что, когда я уезжал за границу (периодически я куда-то уезжал), они звонили мне и умоляли поскорей возвращаться. Моим женщинам становилось плохо без меня. Но я не мог признаться, что и за границей (в странах наиболее частого посещения) у меня были жены. Которые тоже ждали меня. И любили. Искренне и по-своему.

.....

Настало то время, когда я запутался. Через пять лет подобной жизни у меня было одиннадцать жен. И тринадцать детей (двое из женщин принесли двойню). Всех жен я любил. И ни за чтобы не смог от них отказаться. Привык? Ну, может, и привык.

Но еще я понял, что вступил на тот путь, с которого мне будет трудно свернуть. И вообще уйти. Хотя ни сворачивать, ни уходить я не собирался. Я ведь сам выбрал такую жизнь. К тому же я нисколько не чувствовал, что меня разрывают на части. А моя потенция так вообще, только в последнее время (когда удалось выйти на максимальные обороты) заработала на полную мощность. И мне теперь хотелось только любви.

Я действительно наслаждался подобной жизнью.

И ничего не собирался в ней менять.

08.11.2006 год.

рассказ

Загадка

1

Я гладил ее волосы. Гладил ее руки. Гладил все, что, как считал, – принадлежало мне. Или – лишь мне одному. Но, пожалуй, самое загадочное было то, – что я так и не задумался, почему практически одно и то же – продолжается уже на протяжении нескольких недель. Нет, конечно же, желаемые картинки потустороннего бытия (принадлежит ли сон другому определению?) иногда нарушали, вторгаясь, какие-то иные моменты, – разыгравшегося подсознания. Но почти тут же я мог добавить, – что они совсем не нарушали единой (столь чудным образом сложившейся) цепочки сновидений. Сновидений, – где была только она... – И я, конечно...

И вот – действительно – наваждение... Поначалу не придав тому значения, – я уже вскоре заметил, что бессознательно ищу встречи с этой женщиной. В жизни. (Словно неким загадочным образом пытаюсь спроецировать ту, которая в сновидении – в реальную жизнь).

Скажите – чужак. Да я и сам бы так считал с удовольствием. Если бы только мог – получать это удовольствие. Удовольствие контроля над сознанием. Ведь какое это – безмерное счастье. Счастье, которое ощущаешь именно таким, и именно тогда – когда ты уже почти что напрочь, – потерял способность анализировать окружающий мир. Хотя бы не весь – а тот, что вокруг тебя.

И это – действительно трагедия. Потому как с недавнего времени – я заметил, что все (люди, предметы, животные...) начинают перемещаться вокруг меня в ином (чем прежде)

пространственном порядке. То есть их присутствие я как будто бы и замечаю. Но вот только уследить за направлением, – и, главное, найти оправданность, – движения, не могу.

Примерно тогда же у меня пропала способность различать время. Появились какие-то странные (самое мягкое слово, которое я мог подобрать) галлюцинации. Слуховые и зрительные. И я разом ощутил, – что все вокруг движется в каком-то хаотичном порядке. Нисколько не считаясь со мной.

Нет, конечно, может быть так и должно быть. Но почему не замечал, – я того раньше?..

2

С недавних пор я стал понимать, что мое сознание, причём самым коварнейшим образом, стало от меня буквально – ускользать. И вот сейчас думаю – что, наверное, совсем не может быть, чтобы этого не было и раньше. Да и, должно быть, было. Наверняка. И мне бы, наверное, придать этому значение раньше. Но... не углядел...

(Что вполне можно расценить, – и как некую форму защиты: закрыть глаза на очевидное. Ведь как, иной раз, хочется – пребывать в счастливом заблуждении. Словно ничего не происходит. Правда, предметы – уж слишком часто перестраивают свой (прежний?) ход. Но это так... в порядке вещей...).

Но вот чувствовал я, – что мне совсем не угнаться за временем.

Впрочем, – надо ли?.. Стоит ли вообще обращать внимание на нечто похожее?.. Разве плохо – и далее – пребывать в счастливом неведении, относительно того, что происходит? И что, – так или иначе, – касается меня. (Ведь, – хочется верить, – подобные «странности» относятся только ко мне?!). Но если я ошибаюсь?.. И за демоническим бегом – совсем не в состоянии разглядеть очевидное... Но тогда же... тогда, – это может означать, – что я просто схожу с ума. Перехожу в те измененные состояния сознания, которых – старался избегать – раньше. (Опасаясь, например, выпить что-нибудь спиртосодержащее. Главным образом, не в силах поручиться за последствия... подобного приема...).

А интересно, – что произошло бы со мной на самом деле?.. Хотя... пожалуй, – совсем даже не интересно... но уже тогда, любые подобные мысли могли свидетельствовать хотя бы о том, – что я еще жив.

Но вот только жив ли на самом деле?..

3

Все исчезало постепенно. Отказывало – одно за другим. В какое-то мгновение, я ощутил, что почти не помню ее. Ту, с которой был у меня самый настоящий сновидческий роман. Притом что

вскоре у меня, – и вовсе исчезли сновидения... Впрочем... сновидения, быть может, и остались... Но вот только я совершенно не помнил их...

Да я вообще мало что помнил. Как-то быстро все прошло; исчезло самым загадочным образом. Но что было самое странное, – это то, что прошло время и у меня не возникло сожаления. А еще спустя какое-то время, – я перестал и вовсе что-либо понимать... (А тем более опасаться какого-то своего нового состояния). Вернее – уже не только его; но и почти вообще всего, – о чем только можно предположить.

... Но если спросите, какое у меня будущее?... Признаюсь, – что не знаю...

И с сомнением добавлю – а нужно ли мне оно?...

27. 01. 2005 г.

рассказ

Так бывает

Миша Рыбкин знал, что у него не бывает проблем с женщинами. Ну, или точнее – их не могло быть. Это предусматривалось. Предполагалось. Можно было предположить, исходя из внешности Миши, и его какого-то особого чувствования женщин.

Небольшой проблемой, правда, было то, что у Миши как-то не было случая проверить подобное на практике. Но теоретически все выглядело хорошо. Более чем хорошо складывалось и в снах Миши. В своих сновидениях Миша вообще походил на секс-гиганта и был любимцем женщин. Они в него влюблялись, а он их удовлетворял. Без всяких условностей и ограничений занимаясь с ними многочасовым сексуальным общением. Причем Миша видел, что женщинам нравилось. Только однажды как-то возникли у Миши сомнения. Но они тут же рассеялись, стоило только какой-то из сновиденческих див взять в свои пальчики его скипетр с набухшим желанием.

И все. Мишу уже было не остановить. Он не только вертел обнаженную девушку в разные стороны, насаживая ее на свой огнедышащий фаллос, но и периодически передавал инициативу в руки самой девушки. И нисколько не пожалел об этом. Ибо то ли девушка ему попала из числа Марь-искусниц, то ли к этому располагали звезды, но Миша выглядел настоящим любовником. А его дама вообще кончала непрерывно.

Потом у Миши случился какой-то облом. Член вообще не стоял.

Он пробовал так и этак, был готов даже сам выступить в роли женщины, но к счастью, вовремя остановился. И в одну из очередных попыток у него все получилось. Чему, признаться,

Миша весьма обрадовался. Весь даже как-то изменился. Купил себе новую одежду, сменил имидж, стал уверен в себе, и еще более интересен окружающим.

И после этого уже нисколько не комплексовал ни по поводу... В общем – ни по поводу чего. А только радовался жизни, и этой самой жизнью наслаждался.

.....

В один из дней Миша встал как-то поздно, когда на часах уже был полдень, оделся не в пример обычного в совсем неприметную одежду, всунул в рот сигарету, прикурил, и вышел из дома.

Куда должен был лежать путь, Миша не знал. Можно сказать, что подобное с ним иной раз случалось. Миша делал немотивированные поступки, говорил невпопад, смеялся уж и вовсе подозрительно. Но все это через какое-то время принимало осмысленность. В этот же раз ничего подобного не намечалось. И вскоре Миша забрел в незнакомое место. К тому же у него остановились наручные часы. А на душе стало и вовсе подозрительно нехорошо. Намечалось разочарование в жизни. Такие состояния Миша не любил. Они не только не приносили ему ничего хорошего, но и обычно после этого с ним приключалась какая-то беда. А то и трагедия. Если предположить что беда носила характер чего-то кратковременного, а трагедия -- того, что приходило всерьез и надолго.

В этот раз Миша решил, что он не должен так быстро сдаваться. И даже обязан со всем этим начать бороться.

Вскоре был выработан план, и Миша был готов к борьбе. И когда он уже готов был начать эту борьбу, в его голове словно на миг все прояснилось. А Миша понял, что находится около своего дома. Только с другой стороны.

Он огляделся. Девятиэтажное здание сверкало светом в окнах. Только стемнело, а многочисленные соседи Миши уже включили свет, и стали заниматься повседневными делами: женщины готовить, мужчины смотреть телевизор и пить пиво.

Мише вдруг захотелось выпить. Он зашагал к дому, намереваясь открыть бутылочку коньяка, и утолить жажду.

.....

На удивление, в другой раз все повторилось. Миша вновь проспал до обеда. Потом его потянуло на улицу. Он прошлялся до вечера. Заблудился.

А потом в его голове случилось просветление, и он понял, что стоит около своего дома.

Подобное повторилось и на третий, и на четвертый, и на пятый день.

На шестой день Миша был осторожен. И хотя началось все как обычно (Миша проснулся за полдень), он никуда не пошел. Несмотря на непреодолимое желание куда-нибудь непременно отправиться. Но потом... Потом Миша заблудился в своей квартире. И хотя комнат было всего три, Миша поймал себя на мысли, что каким-то образом забыл их расположение. И ему показалось, что он вообще находится в другой квартире. Чужой. И это уже была трагедия. Потому что Миша по образованию был математик, и тут же вывел какую-то особую формулу зависимости. По которой выходило, что какие бы попытки он не предпринимал, ничего по настоящему у него не выйдет. А и вообще все в его жизни будет плохо. Даже более чем.

Миша опечалился. Допускать, чтобы на самом деле было так, ему не хотелось. Но и чего-то другого придумать он не мог.

В голову лезла откровенная ерунда. Миша достал коньяк и напился.

Не помогло.

На следующий день, проснувшись, Миша сразу начал пить. Но алкоголь не спасал. Да и это уже было понятно изначально.

«Что же делать?»—задумался Михаил.—«Ведь так, вроде как, все неплохо начиналось».

В то, что начиналось тоже как-то странно, Мише верить сейчас не хотелось. Но он понимал, что и чего-то хорошего с ним уже не произойдет.

У него началась апатия, и какая-то ярко выраженная не любовь к жизни.

«Что же делать?»—сказал Миша еще раз.

На удивление, ему уже вообще не хотелось, чтобы что-то с ним происходило. Но и так же не хотелось, чтобы осталось все как было. И Миша понял, что сейчас он по настоящему запутался. Спрашивать себя что делать – больше не хотелось.

Неожиданно Миша подумал, что самым разумным будет вообще забыть о том, что с ним случилось. И представить, что ничего такого и не произошло.

И уже как только он так представил, у него началось явное улучшение состояния.

А потом и вовсе исчезла всякая ерунда из его светлой головушки. А член Миши налился какой-то невиданной доселе энергией. И впервые за долгое время Мише захотелось женщину.

Но женщины поблизости не было. И Миша занялся любовью с самим собой.

«А что? Тоже форма релаксации»,--подумал Миша, сосредоточившись на процессе.

«Ну, по крайней мере, так бывает»,--согласился с ним автор.

13. 01. 2007 год.

рассказ

Жизнь в радость

Насколько он, конечно, мог быть уверен в словах. В своих словах. Причем, сказанным только что.

Вроде как конкретный вопрос неожиданно привел Олега Дмитриевича в некоторый тупик. Он вроде как и верил в то, о чем говорил недавно. Да вот теперь – отчего-то стал сомневаться.

--Сомневаться не надо,--доброжелательно произнес доцент Чепурной.—Главное, чтобы вы были уверены в том, что все это действительно так. Согласны?

Олег Дмитриевич замешкался. Он вдруг поймал себя на мысли, что на самом деле не знает, уверен ли он? Вроде как уверен. Но ведь могло выйти, что и не так. И тогда...

.....

Олег Шмелев уже вышел из аудитории (где он только что сдал очередной экзамен, входящий в кандидатский минимум), а вопрос по-прежнему, все тем же пронзившим его невольным сомнением, жег грудь. Хотелось выпить воды. Ледяной.

--Лучше взять минералку,--решил Олег, направляясь в бар, находящийся неподалеку от учебного заведения.

В баре минералки не было. Зато был коньяк и хорошее вино.

Олег взял кофе с коньяком, и уютно усевшись за столиком, задумался.

По всему выходило, что те сомнения, от которых он уже думал что избавился – вновь захватывали его. И пока вроде как не было от них беды (а вред на начальном этапе еще был незаметен), но Олег отдавал себе отчет, что это был только начальный этап. А значит то, что могло случиться с ним позже, может привести к не очень желательным последствиям.

От последних последствий, помнится, Олег избавлялся год. И то, в итоге ему пришлось сменить место работы (раньше Олег работал преподавателем географии в школе – теперь поступил в аспирантуру и стал подрабатывать ночным сторожем), потерять семью (жена ушла, гордо хлопнув дверью, и обозвав его неудачником), отношения некоторых знакомых (ряд бывших знакомых стал вдруг от него прятаться), да и вообще наверное – многое поменять в жизни. Если не все.

С тех пор прошел год. Олег за этот год пересмотрел жизненные ценности, и был уверен, что ничего подобного произошедшему, когда он неделю стоял перед воротами школы прося милостыню, не случится. Еще хорошо, что школу он тогда выбрал соседнюю. Где его никто не

знал. И лишь только случайно проходивший мимо директор уже его школы, обратил внимание на удивительную схожесть нищего со своим худосочным и угловатым подчиненным.

--Это Вы?—удивленно спросил директор, внезапно растерявшись, и не зная как реагировать.

--Я...--обескуражено произнес Олег Дмитриевич.

Потом последовал серьезный разговор в кабинете директора. И увольнение. За действия, порочащее имя учителя.

Правда, в трудовую директор ничего не написал. Пожалел.

--Действительно неудачник,--вспомнил Шмелев слова жены, которые сейчас оказались невероятно схожими как со словами директора, так и с собственными мыслями Олега. Он ведь и на самом деле был неудачник.

.....

--Это смотря с какой стороны повернуть,--задумчиво сказал доцент Чепурной (из памяти Олега все не выходил разговор с ним в аудитории, когда, быстро приняв ответ Олега, Чепурной неожиданно разговорился с ним о жизни).—Ведь так может случиться, что судьба наоборот – благосклонна к Вам.

--Благосклонна?..—не понимаяще повторил Олег.

--Вот-вот,--для надежности еще и кивнул доцент Чепурной.—Жена ушла – так значит она своим уходом решила сподвигнуть вас на какие-то жизненные свершения. С работы уволили – так значит судьба решила, чтобы Вы повысили квалификацию. Защитили кандидатскую. Что еще у Вас произошло?—Чепурной с любопытством уставился на аспиранта, будучи готовым тут же на месте разрешить любую его трудность.

И Олег понял это. И действительно почувствовал силу, мощь, и трезвость мысли доцента. Почему же он тогда не ответил Чепурнову, на вопрос, что он об этом думает? Ведь он действительно прав,--понял сейчас Олег.

По сути, все в его жизни было так. Сумбурно и неправильно. А иной раз – и до смешного нелепо. Он стремился к каким-то целям. Даже, иной раз, достигал те.

А потом все в одночасье рушилось. И приходилось начинать или сначала, или заходить с другого края.

Ну а фактически -- стоять на месте. Потому как периодически Олег ведь возвращался к некогда уже завоеванным позициям.

Олег вспомнил слова Чепурнова. Выходило, все же прав был доцент. Ошибался Олежек Дмитриевич (как ласково называл его уже немолодой доцент Чепурнов, Станислав Аркадиевич). Не с той плоскости смотрел он на поступки и ситуации в своей жизни. Не так. Все на самом деле было хорошо, правильно, и закономерно. А он же видел только негатив. Тогда как через отрицание ведь совсем не всегда можно придти к истине,--вспомнил Олег слова Чепурнова на одной из лекций. И в разговоре с ним Станислав Аркадиевич тоже высказал схожие соображения. Причем выходило так, что Олег Шмелев просто проводил неправильное тестирование реальности. И в итоге выходил у него неверный отчет. Ошибочный. Необходимо было пересматривать всю методологию исследования,--сказал тогда Чепурной.—Иначе вы молодой человек (Олегу было двадцать семь) наворотите бед. Сломаете жизнь себе, и здорово испортите ее остальным. Окружающим,--уточнил Чепурной, видя несколько озадаченное лицо Олега.

А Олег тогда и действительно растерялся. Он уже начал все понимать. Понимать всю ошибочность собственных размышлений.

А сейчас, сидя в баре и уже допив кофе и коньяк (и докуривая сигарету, собираясь после уходить) понял, что ему необходимо делать. Причем уже практически не надо было что-то пересматривать. Все было хорошо и правильно. Имена такая должна теперь быть у него установка. И тогда жизнь станет в радость.

С этими словами Олег Дмитриевич Шмелев и вышел из темного мрака полуподвального помещения, где располагалось кафе, на свежий апрельский воздух. Термометр показывал восемнадцать градусов тепла. Светило солнце. Вокруг стайкой прошли стройные и улыбающиеся девушки-студентки с укорачивающимися к лету юбками. Олег тоже улыбнулся.

--Жизнь в радость?—на всякий случай переспросил он себя.

--В радость,--ответил, и улыбнулся.

Жизнь была действительно в радость. И незачем было это скрывать,--подумал Олег, и пошел, улыбаясь прохожим и окружающему миру.

23 июль 2007 год.

рассказ

Видимость

Он предпочитал смотреть всегда вдаль.

Он видел небо, видел мир, замечал окружающих людей, да и вообще, если разобраться, не мог пожаловаться на то, что был обделен вниманием. Хотя и, если разобраться, сложно было сказать, где здесь была правда. Скорее всего, правда всегда нечто поверхностное, то, что каждый

видит с позиции своего внутреннего восприятия действительности. И Василий Мишкин верил и знал что это так.

Василий Мишкин был чуть выше среднего роста, обычной комплекции, носил окладистую бороду (она, по его мнению, придавала ему солидность), коротко стриг усы (оставляя тонкую полоску над губой), заплетал длинные волосы в косички, работал секретарем у шефа-гея (хотя сам геем не был), и все чаще задумывался о будущем, которого не было.

Точнее - все чаще ему начинало казаться так. Тогда как раньше он считал почти исключительно иначе. И сейчас почти невозможно сказать, когда произошел в душе его переворот, но он произошел. И вот после этого Василий Мишкин все чаще стал задумываться о жизни, и вскоре уже думал о ней каждый день. Даже, можно было сказать, что фактически жизнь его проходила в каких-то загадочных размышлениях. Природу которых Мишкин пока постигнуть не мог, но всячески стремился достигнуть хоть какого-то понимания. Отчего ему казалось, что в его жизни произойдут великие перемены. Притом что сейчас,-- полагал Мишкин,-- трудно было еще что-то предсказывать. Но то, что так когда-нибудь произойдет - верил. Верил искренне, и даже может быть до одури.

Притом что иной раз начинало казаться ему, что он совершает ошибку. И хоть характер подобной ошибки до конца не просматривался, а черты не распознавались, Мишкин вдруг и действительно начинал, было, чего-то опасаться, как вдруг все исчезало. И уже через минуту он оказывался не способен вспомнить нечто, что действительно могло бы так испугать его.

Но такие минуты уже не расслабляли его. Василий вообще всегда оставался сдержанным в проявлении собственных чувств. И если разобраться, по настоящему узнать -- к чему он стремился - было практически невозможно. Разве что за небольшим исключением следовало допустить, что не стремился он ни к чему, а просто умело маскировал внутреннюю никчемность да неумелость.

Но Василий так не считал. А узнал что о нем думают другие - от шефа-гея. И с тех пор стал шефа опасаться.

Если сделать еще набросок портрета Василия Мишкина, то, пожалуй, следовало бы признать, что был Василий до удивления ответственным человеком. И если он получал какое задание - можно было не сомневаться, что он его выполнит. Выполнит, отчитается о выполнении, и будет жить в предвкушении нового задания.

Косвенно это могло как раз свидетельствовать об его никчемности (несамостоятельности). Так тоже о нем кто-то подумал (но не сказал). Ну а сам Василий....

Сам Василий себя на самом деле любил. Он даже придумал себе несколько разных имен, и называл себя время от времени по-разному.

Но это не меняло,--как предположил шеф-гей,-- сущности Василия.

По природе Василий был человек больше замкнутый, чем общительный. И хотя иногда он любил компании, но если присмотреться, выходило, что сами компании он подбирал таким образом, чтобы слушали его.

Иногда он действительно любил оказываться в центре внимания. И при этом было известно (от самого Василия), что больше всего ему нравилась тишина. Этакая постоянная тишина, когда никто бы ему не мешал, и он мог в течении долгого времени оставаться наедине со своими мыслями.

Собственные мысли Василия никогда не напрягали, в отличие от мыслей окружающих, которых он если и слушал (а он слушал), то почти всегда тяготился подобным "выслушиванием". Но что-то все равно уберегало его от того, чтобы окончательно замкнуться в себе. И видимо потому, иной раз словно намеренно он стремился оказываться в центре внимания. Быть может, чтобы не считать себя одиноким?

Он действительно задумывался об одиночестве. Но это, скорее всего, были лишь его надуманные мысли. Потому как одиноким он совсем даже не был. И хоть жил один, к нему периодически приходили различные женщины. Которые, впрочем, если и приносили ему тепло и уют, то это было как бы временно, и что уж точно - не могло стать постоянно, потому что Василий умел держать себя в руках. И как только подозревал, что идет в проявлении своих чувств дальше чем необходимо - делал шаг назад.

Он всегда умел делать шаг назад. Можно даже сказать, что как раз этим шагом Василий Мишкин был и характерен. И видимо как раз этим шагом он выделялся, отличаясь от большинства тех, кто о подобном вовсе не задумывается.

А он думал. Он вообще много думал. И хоть смыслового оттенка во всех этих раздумьях было не больше чем казалось, тем не менее, подобные размышления со временем изменили его. И Василий Мишкин стал если не окончательно умным человеком, то производил видимость такового.

Он вообще понял, что не обязательно быть тем или иным - достаточно показывать, что это так. Хотя и подозревал, что подобное возможно лишь при краткосрочных контактах.

Но ведь он и не стремился к каким-то длительным отношениям. Он, если разобраться, вообще мало к чему стремился. И потому уже из-за этого периодически испытывал определенный дискомфорт. Хотя и, опять же, старался не показывать вида.

Если спросить самого Василия о его жизни, о том какой она была в его представлении, то после начавшегося ответа первоначальный вопрос вообще мог уйти в иную плоскость восприятия реальности, а то даже и запутать самого Василия. И при этом можно было предположить, что Василий так-то уж и не стремился добиться скорого разрешения каких-то (как возникающих, так и давно существующих) вопросов. Такое разрешение если ему и было необходимо, то не сейчас. Да и

ответ, можно было бы предположить, он знал заранее. Когда допуская многое - не замечал совсем мелочи. Или же наоборот - его внимание включалось на мелочи, и упускало главное. Тем самым со временем у Василия Мишкина выработалось свое понимание действительности, которое, как предполагал кто-то из его знакомых, вступало у некое противоречие с реальным положением вещей. Мишкин вообще стремился в такое время собственного бытия не замечать это реальное положение вещей. Так ему было проще. Спокойнее. Да и вообще, что самое любопытное, он чувствовал себе увереннее, когда происходило это именно так. Так, а не иначе. Не иначе, потому что иначе его не только бы не устроило, но и могло увести в некую плоскость неправдоподобия относительно той реальности, которая была. А этого ему не хотелось. Василию вообще было спокойнее, когда была только видимость каких-либо положений вещей; притом что он знал, что в иные разы как раз такая видимость может сойти и за самую настоящую правду. И так, по его мнению, становилось возможным потому, что какой-либо одной правды на самом деле не существует. По крайней мере, он в это не верил. Не верил еще и от того, что знал, что у различных людей всегда будет правда своя. Причем у одного и того же человека правда может меняться в зависимости как от его психического состояния, так и от времени, с которым изменяете все, в том числе и человек. И в этом диалектическом взгляде на мир Василий Мишкин был уверен настолько явно, что мог, наверное, убедить многих. Но не убеждал. Даже не пытался этого делать. Как и вообще не пытался с кем-либо спорить серьезно и долго. Василий вообще тяготел к некоторому одиночеству, предполагая, что в таком своем состоянии ему будет наиболее спокойно, и вообще - свободно. Свободно жить. Свободно существовать. Свободно,--хотя к самой свободе он никогда особенно не стремился.

Но уже тут можно было предположить, что этого на самом деле ничего не было. Что была только некая видимость ситуации, продиктованная определенной необходимостью.

И как раз в пользу этого говорило еще и то, что определенная видимость незримо присутствовала во взглядах Василий Мишкина на мир. И потому наличие этой видимости, даже можно признать - умение спрогнозировать наступление ее, Василий Мишкин ставил себе в заслугу.

И от понимания подобного ему становилось душевно комфортно, внутренне уютно, и необычайно спокойно. А это уже, по его мнению, было вообще самое важное.

07 июня 2008 год.

рассказ

Загадочное желание

Олег Петрович Кузовлев проснулся в необычайно плохом настроении. Можно, конечно, не вставать с постели. И если б это только было возможно. По крайней мере, никаких движений

делать не хотелось. Но надо было. Хотя бы потому, что в один прекрасный момент (вернее, момент даже вовсе не прекрасный; а то и наоборот – очень даже отвратительный) он дал себе зарок не обращать внимания на схожие (так часто в последнее время возникающие) случаи, после которых он чувствовал себя, надо заметить, отвратительно. Ну, прямо как сейчас.

Олег Петрович натянул штаны; продел ноги в стоявшие рядом с кроватью тапочки; и, бросив взгляд на валявшуюся на стуле футболку («одену потом») – зашагал в ванную.

Вот уж как месяц он жил один. С одной стороны, это как будто бы его радовало. Как минимум, – ни к чему не обязывало. Семейные обязанности, там, и прочие такие дела. Но уже с другой стороны, – подобное положение, накладывало и некий отпечаток на быт; внося в него свои (и порой не слишком приятные для мужчины, – если он не профессиональный повар, гей, или потомственный полотер) коррективы. А так как Олег Петрович не был не тем, ни другим, и ни третьим, то за тот месяц, пока от него ушла жена («...все!.. больше не могу тебя, сволочь, терпеть...»), квартира пришла практически в полную негодность. Повсюду валялись порошковые бутылки (в основном, пивные), одежда, вообще, – свисала (со стульев, шкафа, спинки кровати) такими замысловатыми завихрениями, – что будь Олег Петрович дизайнером, еще можно было предположить, что это некий поиск какого-то своего (неприменно отличного от других) стиля.

Но дизайнером Олег Петрович не был. А был он – преподаватель одного из городских вузов. (События – в Санкт-Петербурге). Причем работал – на кафедре психологии; что, должно быть, вдвойне интересно. (В плане предполагаемых вопросов о связи – теории и практики). Но интересно это могло быть для кого угодно; только – не для Олега Петровича. Его вообще сейчас интересовало совсем другое. Вот уже как месяц, – Олег Петрович хотел... сменить профессию. Причем, он собирался стать... мусорщиком.

Именно мусорщиком. Подобное желание уже месяц как не отпускало Олега Петровича. С ним он ложился спать. С ним просыпался. О нем думал в перерывах между лекциями. И даже во время лекций, неожиданно прервавшись и долго (пока смешки и шепот в аудитории становились до неприличия громкими), – думая о чем-то своем.

Но самое удивительное, что, пожалуй, и сам Кузовлев – не знал причины возникновения у него подобного желания. Притом, что само желание было. И от него практически некуда было деться. Оно преследовало Олега Петровича, буквально, ходило за ним следом (а в иные разы даже опережало!).

И вот, ведь, какая штука: не мог Олег Петрович никому рассказать об этом. Не с кем, – ему было поделиться, таким, в общем-то, невероятным событием в его жизни.

Но – хотелось! Невероятно – хотелось. Порой, – до боли, до страха, до отчаяния. И ведь не сказать, чтобы у Олега Петровича не было друзей. Нет. Были и друзья, и коллеги, и даже – родственники.

Да вообще, Олег Петрович был очень даже общительным человеком.

Но... тот круг, который сформировался вокруг него (или – в который – был допущен он), – совсем бы не понял: столь загадочного (как минимум!) желания Кузовлева.

И чтобы это означало?..

Крах!

Крах всего, – к чему так планомерно (ушли годы; ушли – вместе с близкими друзьями, и «предавшими» женщинами) приближался Олег Петрович.

И теперь, когда нужно делать выбор, Олег Петрович оказался бы просто не понят. Никем.

А, значит, остался бы один. Чего – допустить он никак не мог.

Нет, конечно, со временем, вокруг Олега Петровича сформировался бы новый круг. Пусть и не такой как прежде, – но и один бы он не был. Но... все это уже было не то... Да и было бы – что-то похожее – интересно Олегу Петровичу. С его слишком резкими переменами настроения. Мигренями. И жуткой – подозрительностью.

Но вот что на самом деле интересно (и чего, по правде, никто от Олега Петровича не ожидал), – он разрешил таки сложившееся (и затянувшееся) противоречие!

И причем самым простым способом.

Он стал работать мусорщиком. (Ночью). И продолжал трудиться преподавателем психологии – днем.

А так как ночная работа была не каждый день, – то у него было время осуществить и свою еще одну «мечту». Впрочем, – это уже другая история.

04 мая 2004 г.

рассказ

Трудовая деятельность

«Значит, работа не пыльная, приехал, забрал, уехал...»-- инструктировал меня шеф, готовя в командировку. Первую в моей жизни командировку. Он об этом не знал. Зачем травмировать.

Суть командировки относительно проста: приехать, забрать, уехать. Ну, в смысле, привезти то что забрал -- шефу. «Забирать» я должен был баксы. Почти поллимона. Два дипломата. Запечатанные.

И шеф и его помощник (который должен был ехать со мной) немного волновались. Вернее, шеф – меньше. Помощник – больше. Я не волновался совсем.

«Нет, ты посмотри на него?— пытался обратить внимание шефа на меня помощник.— Ты точно в нем уверен?»— спрашивал он, заглядывая шефу в глаза.

«Василич, отъебись»,-- попросил шеф.

«Очень ценный комментарий,-- подумал я.-- Во-первых, я узнал как зовут этого надоедливого человека, с которым я должен был обменивать товар на деньги. Василич... А во-вторых, еще раз подтвердилось, что шеф мне симпатизирует».

«Ты не обращай внимания на этого пидора,-- обратился ко мне шеф.— Он с тобой едет только потому, что в подобную командировку ездил не раз и знает кому что там нужно дать и где взять,-- таинственно в пол голоса («чтобы не услышал «пидор»,-- как я подумал) сообщил шеф.— Главное помни, что ты подчиняешься только мне. И остальных можешь посылать на хуй. Окей?— посмотрел на меня Палыч, мой шеф, у которого я уже как месяц работал личным телохранителем (было начало 90-х и мне тогда было чуть больше двадцати лет). «Вся жизнь впереди»,-- улыбнулся Палыч, когда брал меня на работу. Я с ним готов был согласился.

Значит, задание было следующее. На нескольких машинах мы должны были вести из Питера (куда я недавно переехал из Краснодара и где нашел первую работу) во Владимир какой-то груз. Там сдать его «нужным» людям, получить деньги, и вернуться обратно. Все должно было пройти тихо, спокойно, и без выебонов -- как сказал-попросил Палыч и посмотрел на меня. Я понимал что в какой-то мере он рисковал тем, что посылал меня. Меня он еще толком не знал. Но видимо и никого другого не было. О том что командировка была ответственная я мог судить по тому, что перед поездкой Палыч выдал мне небольшой револьвер. Попросив стрелять только в исключительных случаях.

Начало 90-х. В стране бардак. Очередной расцвет криминала. На дорогах и в городах бал правили ОПГ. Менты старались особо не высовываться. Ну, по крайней мере, вы могли почти безбоязненно ходить с оружием. Ну, или как в моем случае -- ездить с ним.

.....

До точки мы добрались без происшествий. Правда я не сомневался, что Василич отчего-то не влюбил меня, а потому инстинктивно опасался его, ожидая какой-нибудь беды. Но на одной из стоянок мы почти подружились. Остановились мы для приема пищи. И оказалось, что я с собой

никакой пищи не взял. Шеф сказал что по дороге много столовых. А Василич, оказывается, принципиально не ел в столовых; и вместе с нанятыми для перевозки водителями-дальнобойщиками они остановились на трассе. Перекусить. Тогда же, заметив что у меня с собой нет еды, он и поделился со мной тем, что собрала в дорогу его жена.

Мне стало неловко что я о нем плохо думал. И как раз за разговором он объяснил свою позицию. Оказалось, знал он Палыча лет двадцать. Работал с ним, когда тот начинал еще с кооперативов. Был, можно сказать, не только помощником, но и ближайшим заместителем («помощник и заместитель суть одно»,-- подумал я). А меня видел в первый раз. Палыч ему ничего про меня не рассказывал, и тут появляюсь я (выразительный взгляд из-под густых бровей на меня). И тоже ничего о себе не рассказываю. В итоге, вопросов было больше чем ответов. А отсюда и тень недоверия,-- пояснил мне Василич.

«Давно вы знакомы»?— еще раз спросил он.

Я неопределенно кивнул.

«А, знаю,-- махнул рукой Василич.— Палыч всегда был такой. Сам хуй скажет, и другим велит молчать... Вечно играет в какую-то секретность...»

Видимо подумав что сболтнул лишнего, Василич поспешил уйти, сделав вид что чем-то очень важным интересуется у водителей (те после обеда стояли немного обособлено и курили). Я усмехнулся, подумав про себя что, по всей видимости, Василич неплохой мужик. Вот только суетиться ...

.....

До места доехали без приключений. «Плечевые» приключениями ведь не считаются? Хорошие такие девушки. Правда я ограничился только минетом. Да и пока у меня сосали, в голове нет-нет да и всплывал вопрос: «а где эти подлюки моются после клиентов»?

Но видя как шпарит свою проститутку водитель, я понял что подобный вопрос не актуален. Система отлажена. Волей обстоятельств я стал винтиком этой системы. Можно было, конечно, отказаться; но видя губы девушки вытянутые в дудочку, я подумал «а почему бы и нет»? И дал ей пососать свой член. Пусть побалуется...

.....

Товар мы сдали, деньги получили. Василич было вцепился в дипломаты, но я помнил что Палыч сказал что за бабки будет спрашивать с меня. Поэтому отстранив немного недовольного помощника шефа, я взял дипломаты в обе руки, и быть может впервые ему жестко сказал, чтобы он не выебывался и занимался своим делом. А дело у него теперь было одно: следить чтобы водители

нас доставили обратно, и договариваться с ментами на трассе (Василич – бывший сотрудник органов. «Менту, хоть и бывшему, с ментом договориться легче»,-- решил Палыч.)

.....

Палыча мы встретили прогуливающимся около его дома (старик намеренно вышел нас встречать -- Василич позвонил ему сразу после того как въехали в город -- хотя и разыграл удивление, пояснив, что ждал нас в другой день, а сейчас просто прогуливался (?)).

«Денек отдохни с дороги,-- сказал он мне,-- а потом есть новая работа».

«Новая работа» это командировка на Северный Кавказ. В Майкоп. Как я понял, тоже забирать какие-то деньги (ну то есть, в моем случае, сопровождать полученные деньги). Хотя Палыч, видимо решив разнообразить мои впечатления, пояснил что я должен отыскать «одного гада». «Гад» кинул приятеля Палыча на деньги. Я был должен эти деньги с него стясти. Уже, получается, дополнительно к другим деньгам. Почему я? Потому что я знал «гада» в лицо.

.....

В Майкопе я бывал не раз. Неподалеку от него, в станице Кужорская, родился мой отец. Город тогда (события пятнадцатилетней давности; сейчас я давно уже в том городе не был) я знал неплохо. Ориентировался, по крайней мере. Хотя Палыч мне выделил специальную сумму для разъездов на такси. Так что заблудиться я не мог.

Позвонив предварительно отцу и спросив адрес его брата (дядя Ваня, мой двоюродный дядя), я уже знал, что остановлюсь у него.

Меня поразил город. В 90-е годы там было не очень хорошо. Сравнение с Питером было еще более поразительным. Скажу, например, что тех денег, на которые я мог в Питере доехать из одного района в другой, в Майкопе хватало на целый день езды по городу. И еще оставались щедрые чаевые таксисту. Водки в магазинах не было. Вернее она была, но по каким-то талонам и с огромной очередью обозленных мужиков и начавших спиваться женщин. Водку я брал у все тех же таксистов. Дороже чем в магазине, но раз в десять дешевле, чем я покупал в Санкт-Петербурге. Не город, а сказка. Я подумал было, что за те деньги, которые есть у меня, могу заказать целый полк проституток, но Василич (он поехал со мной; ему было известно у кого, помимо «гада» еще забирать деньги) меня отрезвил. Сказав, что пришла информация, что «гад» будет на квартире у родителей. По возрасту я подходил к друзьям «гада». И должен был заявиться к его родителям,

якобы как Питерский знакомый, а на самом деле засесть в засаде. В случае непредвиденных обстоятельств, я помнил, Палыч разрешил мне пригрозить «гаду» револьвером.

Когда я поинтересовался у Василича, почему бы не выследить «гада», и не схватить его около отеческого дома, не заходя в тот, Василич только сердито на меня посмотрел. Я понял что существует какая-то часть плана, в которую меня не посвящают. Поэтому извинился и сказал что мол все понял.

На самом деле я не понял ни хуя.

.....

«Гад» нас наебал. Он не пришел. В тот же вечер мы встретились с приятелем шефа. Зам. прокурора одного из районов. Адыгеец по национальности. Как я понял, информация была от него. И еще я догадался что кинул «гад» тоже его.

«Понимаешь,-- смотрело на меня добродушное прокурорское лицо.— Дочка захотела пианино. Жена захотела видеоманитофон. Сын захотел игровую приставку. Где брать? У нас не купишь. В Краснодаре? Мне предложили у вас в Петербурге. (Предложил «гад»). Я приехал. Этот черт (черт -- это тоже «гад») еще спрашивает меня: «ты хочешь видеоманитофон с ушами или без ушей»? «Э-э-э,-- отвечаю,-- я простой человек. Какие уши»? «Да ты что?-- отвечает он.--Весь Питер покупает только с ушами. Это круто!» «Ну, я и говорю ему, давай, мол, все как полагается. И манитофон с ушами, и видеоприставку, и пианино». («Я сдерживал смех. Но не смеялся. Адыга было жалко»).

Дальше интереснее. «Гад» назначил встречу прокурору на вокзале. При нем товар погрузили в вагон. Вагон запломбировали. В накладной был указан адрес доставки. И прокурор с чистой совестью выехал в Майкоп, позвонив жене и дочери, что везет им гостинцы.

Я начал потихоньку смеяться.

«Ты прав!— сказал адыг.— До Майкопа вагон не дошел. Начальник милиции вокзала мой земляк, с одного тейпа, мы вскрыли все вагоны. Ни-ху-я!»— отчетливо произнес заместитель прокурора.

Стал неприлично смеяться Василич. Я и прокурор подхватили смех.

.....

В Питер мы вернулись только с теми деньгами, которые получил Василич. «Гада» мы так и не нашли. Его родители (отец ветеран и мать пенсионерка) честно признались, что сын их плут и мошенник, два раза был в заключении. «Напрасно вы ему поверили»,-- вздохнул его отец (Василич

рассказал по какому поводу мы его ищем). Мне стало жаль стариков. Василичу нет. Он был уверен что родители несут ответственность за то, какими становятся их дети. Я с ним не согласился.

Да, чуть не забыл. На полпути к Питеру, в наше в купе подседа девушка. Девушка ехала в Питер к парню, который служил где-то в Пушкине. Как я понял, парень трахнул ее, пообещав жениться. А потом уехал и забыл.

Всю поездку я «утешал» девушку (у проводника для этих целей даже купил упаковку презервативов). А в Питере, стоило мне зайти домой (дома, кстати, ждала жена), раздался звонок. Звонила девушка (кажется, звали ее Лена. А может Катя.) Мы условились встретиться на Финляндском вокзале. Я уже подумывал предложить ей остаться в Петербурге, снять для нее комнату, да сделать ее постоянной любовницей. Но девушку на вокзале не нашел. Или она не пришла, или мы потерялись.

Больше она не звонила. А я через месяц развелся с женой и стал работать администратором в ресторане, который открыл шеф. Командировки прекратились. Они уже были не актуальны. Доход Палыч стал получать с увеселительных заведений, открыв со временем их три. Там же имел возможность, никуда не выезжая, наслаждаться жизнью и я. Музыка, деньги, водка, девочки... Каждый день и в неограниченных количествах. Для двадцати лет вполне достаточно...

10 октября 2006 год

рассказ

Содержанки

Нет, конечно, я мог спросить их: «а на хуя вы мне нужны? Такие вот, ебанные-переебанные!»! Но с другой стороны, вроде как и неудобно. Все-таки жили мы несколько месяцев душа в душу. Девушки ни разу не ответили отказом ни на одно мое желание (к слову сказать, уж я не зверствовал). Да и вообще, как они меня сейчас заверили, и дальше не готовы останавливаться. Не останавливаться в своем стремлении максимального удовлетворения моих извращенных желаний.

«Вот же суки! Кто интересно первый из них признался в извращенности моих желаний? Сандра? Или Роза? Сандра?.. Роза?..»,-- я повторил их имена, словно пробуя на вкус. Сандра и Роза...

Имена были вымышленные. На самом деле девушек звали Вера и Надя. Но после того как они вставили себе силиконовые груди, им захотелось изменить имена. А с ними и жизнь. Кто они были до этого? Так... Менеджеры салона связи... «Не желаете ли подключиться?.. О, у нас есть большой выбор телефонных трубок... Какую компанию вы желаете выбрать?..» А кто они теперь? Порно-

дивы. И всего-то что было нужно - изменить грудь со второго размера на четвертую у Сандры и с третьего на пятую у Розы. Девушки хотели отличаться друг от друга. Хотя по мне они были одинаковы. Я их даже путал. Выходя из положения просто тем, что не называл их по именам. Два месяца я ебал их каждый день, не называя при этом по имени. Да и зачем? Хуй ведь мой вставал на их сиськи, рот, попу. К чему имена? Справлялся и так.

«Мы больше не будем»,-- попросили девушки. И встали на колени. Эти стервы знали, чем можно было меня разжалобить. Из одежды на них остался пеньюар. Прозрачный. В руках каждая держала ремень. Поймав мой взгляд, они повернулись ко мне своими попками.

Пришлось наказывать.

Нет. Садистом я не был. Я даже наоборот – был идейным борцом за нравственность. Но девушки неделю назад сбежали с одним новым русским. Прямо с ночного клуба, куда я повел их. Вернее – почти каждую ночь мы втроем где-нибудь проводили; в тот раз были в ночном клубе. В прошлый – в другом ночном клубе. В позапрошлом... впрочем, в позапрошлый я водил девочек в ресторан. Но в целом тенденция прослеживалась. Бары, рестораны, казино. Ночные клубы вот... Развлекались в общем. Но в отличие от них, которые развлекались постоянно, я все же еще и работал. Ну или почти работал.

Лет десять назад вложив деньги в один, как тогда считалось, убыточный проект, я теперь жил на проценты от прибыли. Проект оказался очень даже удачным. И как только пошли деньги, я ушел со своей последней официальной работы, и стал просто жить. Жить, наслаждаясь жизнью. А почему бы и нет?

.....

Неделю назад мои девочки сбежали с новым русским. Чем зацепила их эта гнида, не знаю. Деньгами? Так я ведь в деньгах им особо не отказывал. Две-три-четыре тысячи давал в месяц на каждую. Долларов. Красотой? Так с его рожей только мыть сортиры. Да и то работать по ночам, чтобы не пугать клиентов. Ну так чем же?

Мое подсознание подсказывало мне, что он мог взять их хуем.

Но я с ним не соглашался. «Как и когда они могли разглядеть его хуй»?— приводил я свой единственный довод. Подсознание ничего не отвечало. Да и что оно могло сказать? Что он им показал свой хуй, пока танцевал медленный танец? Или когда подловил девочек возле туалета? Но тогда (в случае с туалетом) он должен был быть не новым русским, а каким-нибудь извращенцем. И хотя одно другому не мешало, я все-таки был уверен что у извращенцев мысли больше заняты иным, чем накоплением капитала. Чем? «Да извращениями, черт возьми»,-- выругался я. Хотя я мог

и ошибаться. А потому, подумав какое-то время о том «чем же эта гнида оказалась лучше меня», согласился лишь с одним: девочкам захотелось новых ощущений. Я понимал, что это не единственная версия. Но мне было удобно считать так. Да и какая разница? Они ведь вернулись.

Сандра и Роза все еще стояли на четвереньках в ожидании экзекуции. Бить я их расхотел. В последнее время я почувствовал, что становлюсь каким-то задумчивым. Излишне задумчивым. Много из того что меня радовало, уже надоело. То, что когда-то любил – стало вызывать неприязнь. А что ненавидел – неожиданно понравилось.

Такое состояние мне не нравилось. В таком состоянии я становился очень мрачным и напивался. По мере того как становился мрачным – напивался. И, в конце концов, перед тем как уже был готов послать всех на хуй – засыпал.

«Ебанная жизнь!» – воскликнул я.

Но на жизнь было грешить рановато. «Во всем, что происходит с нами, виноваты мы сами»,-- вспомнил я сказанную кем-то фразу. С этим я мог не соглашаться. Мог соглашаться. Это ничего не меняло. Настроение у меня уже испортилось. А потому я, велев девушкам одеваться, сказал что сегодня мне нужно остаться одному, а завтра непременно мы все обсудим. Хотя когда уже уходил в свою комнату подумал, что ничего завтра обсуждать не буду. Нечего было.

Мне вдруг захотелось спать. Я подошел к бару, налил полный стакан коньяка, залпом выпил, закурил, и плюхнулся в кресло. «Когда я докурю, должен был наступить сон»,-- подумал я. Сгореть я не боялся. Комнату я никогда не запираю. А ночью, зная мою привычку курить в постели, все обязательно проверит служанка. Служанка была хорошая женщина. С ней я занимался любовью в отсутствие девушек. «Чем, интересно, сейчас занимаются девушки»,-- подумал было я, но продолжение мысли не последовало. Я уснул.

.....

На утро девушки уже дожидались меня в бассейне. У меня был большой дом в пригороде Питера. И я предпочитал жить там. Хотя с таким же успехом мог жить и в своей квартире в центре. Или, например (когда хотел на время скрыться от людских глаз), я уезжал в деревню под Всеволожском. Там мне принадлежал настоящий деревенский дом. Покосившийся от времени, с полуразрушенным забором, и семидесятилетним стариком-сторожем, бывшим владельцем дома.

Жители деревни по-прежнему считали старика владельцем и хозяином. «А кем тогда считали меня?» – совсем некстати подумал я. Иногда ко мне в голову приходили совершенно бредовые мысли. Как бы я хотел избавиться без них! Но это было невозможно. Мои мысли были следствием той жизни, которую я для себя выбрал. И хоть жил я ей недолго, но... (Здесь я ошибался. Всякая

дрянь лезла в мою голову и раньше. Но мне хотелось – опять же, бессознательно – считать, что подобное стало происходить недавно. В тайной надежде, что если это наступило недавно, то вскоре может и закончиться. Наивный человек...)

Девочки уже плавали в бассейне. У них были хорошие тела. Обоим было по двадцать три года. Блондинки. В прошлом мастера спорта по большому теннису. Красивые.

.....

Силиконовые груди девушки вставили на мои деньги. Теперь, если я бы бросил девушек, они с легкостью нашли бы богатого мужика. Который за лицемерие их красоты и обладание телом – мог взять девушек на содержание. Об этом знал я, и об этом знали они. Но мы предпочитали о подобном не разговаривать.

.....

Работать девушки не хотели. Да им это было и не нужно. Вся их нынешняя работа должна была сводиться к одному: поддерживать свою внешность. То есть тело и лицо. Но девушки пошли немного дальше. Видимо для разнообразия, они изучали английский язык. Посещали какие-то косметические курсы (исключительно «для себя»). Собирались овладеть искусством тайского массажа. В общем, чем заняться они находили с поразительной настойчивостью. Причем держались все время вместе. Начав дружить еще со времен занятий в спортивной секции.

Как они попали ко мне? Их передал один мой знакомый. Он уезжал на ПМЖ за границу, и посоветовал, что не знает кому пристроить своих подружек. Я тогда как раз только развелся со своей очередной пассией, и предложил в качестве кандидатуры себя. Знали мы друг друга давно. Даже, быть может, когда-то дружили. В общем, он согласился. Девушки согласились тоже. Тогда же я и предложил им уходить со своих работ, и перебираться ко мне в загородный дом. «Их тела должны быть под боком постоянно»,-- подумал я.

Девушки восприняли предложение с энтузиазмом. К тому же им понравилось не работать. Бляди? Ну а почему бы и нет?! Тем более что бляди мне всегда нравились. С ними было просто. И мне всегда было безразлично, когда они начинали выебываться (каждая женщина, знал я по опыту, периодически начинает выебываться), я применял к ним наказание. Блядей я брал за волосы и бил. А потом трахал. Они успокаивались. «Вообще же,-- полагал я,-- если женщина нормально отъебана, она становилась доверчивой и податливой». Это инстинкты природы. Если хотите, архетипическая составляющая. Филогенетическое наследие. Опыт предков. Мужчина охотник, женщина –

потенциальная добыча. Жертва. Мне нравилось, когда девушки на алтарь жертвенности отдавали свое тело. Женские тела я любил. И мог ебать их до изнеможения. До их -- или до моего.

.....

Сандра и Роза меня любили. С таким же успехом, как я знал, они любили всех мужчин.

Когда-то что-то нарушилось в их мозгах. С тех пор они были ориентированы исключительно на получение любви от мужчин. От разных мужчин. Один, два, три... ничего не значило. Не считалось. Сандра и Роза (ну и имена же они себе выбрали!), как я понял, страдали легкой формой невротического заболевания, выражающегося в том, что они периодически начинали испытывать тревожность. Тревожность они испытывали если рядом не было мужчины. Чтобы заслужить его любовь («срабатывало дальше у них в мозгах») – они должны были этому мужчине отдаться. После чего на какое-то время успокаивались.

Все это говорило о том, что я был у девушек не первый и не последний. Но на тот момент моей жизни они были моими содержанками. И мне и им это нравилось. Вернее – мне это нравилось. У них пока не было выбора, поэтому нравилось тоже.

А потом моих девушек увели. Кто? Почему? За что?..

Я мог задавать себе любые вопросы. Но к чему изводить себя? Они ведь честно признались, что покидают мой дом и уходят к другому мужчине.

Я их отпустил. Но сначала избил и изнасиловал. Им нравилось мое насилие (и Сандра и Роза как-то признались в этом сами). И вообще я им, по всей видимости, нравился.

Но точно также им нравились все остальные мужчины. Я был бессилен против природы. И природа заставляла их ложиться под разных партнеров. И этот процесс был необратим. Поэтому я с ними расстался. «Содержанки»,-- подумал я. «Содержанки...»

Почему-то напрашивалось совсем другое слово. Но я от него отрекся. «Содержанки»,-- повторил я.--Просто содержанки...».

11 октября 2006 год.

рассказ

Минута слабости

Практически было ничего не понятно уже с самого начала.

И ведь вроде как стремился Бахвалов к чему-то; да видимо ошибка состояла в том, что он неправильно расставлял ориентиры. Отчего, таким образом, запутывал себя невероятно. И даже

можно предположить, нисколько того и не желая - шел по неведомым тропинкам в никуда. Откуда, быть может, даже не было и возвращения.

А если даже возможность одного он и предполагал, то только на определенном этапе; после которого фактически все равно уже ничего не было. Ну, или могло быть - но как бы в перспективе.

Что почти равносильно провалу. После чего все могло начаться сначала. А могло и вовсе закончиться на этом. И тогда бы пришлось...

Даниил не знал, что будет тогда. Он лишь мог предполагать, что в таком случае все как бы будет не совсем так, как он того желал. Но если даже предположить нечто подобное, он все равно мог верить в истину. Притом что в той самой истине... В истине все были равны. И это было правильно.

.....

Даниил Бахвалов был молодой человек, двадцати четырех лет, среднего роста, с горящим взглядом, слегка закрывающемся чубом черных волос, улыбкой до ушей, и стремлением понять истину.

Истиной было предназначение Бахвалова. Сейчас он работал прорабом на стройке, и явно подозревал, что это не есть его "потолок". Ведь, несмотря на техническое образование (инженер-строитель) в душе Бахвалов был гуманитарий. Но вот проблема пока состояла в том, что сам Бахвалов не мог себя заставить что-то самостоятельно решить в своей жизни. И словно бы подсознательно (а значит неосознанно) надеялся на других.

Другими были все кто угодно, только не те, кто действительно способен был данную проблему решить. Причем уже как бы не уместно было говорить, что Бахвалов чего-либо не осознавал. Осознавал. Да вот считал он, что еще не пришло то время, когда он действительно сможет что-либо решить уже окончательно. И даже если это время было уже на подходе, это словно бы все равно еще как бы совсем не значило. Не значило, что в ближайшее время все станет на свои места. И даже так получалось...

Ну, в общем, Бахвалов на самом деле давно уже запутался во всем. Но понимал, что должен разобраться в себе, после чего ему станет значительно легче. Жить.

.....

Какие-либо разногласия с собой начались у Бахвалова давно, продолжались тоже получается долго, и пока прекращаться не собирались.

Расстраивало ли его это? Да. Расстраивало.

Собирался ли он изменить ситуацию? Да. Собирался.

Но вот действительно ли он этого хотел?

Когда Бахвалов рассказал о подобной (своей) проблеме одному из близких друзей - тот сначала внимательно посмотрел на него (смерил его взглядом), а потом пошутил, что Даниил сам хочет того, чтобы его жалели.

--С жалостью ты получаешь своеобразный заряд энергии,--предположил Данилин друг, чертежник, увлекающийся на досуге астро-психологией.

--Ты не прав,--буркнул в ответ Даниил, и решил с этим другом на какое-то время отношения разорвать.

Он так часто уже поступал раньше. Можно сказать, что чуть ли не все его друзья прошли через период определенного отторжения со стороны Бахвалова. При этом через какое-то время сам Даниила делал шаг навстречу. Причем вел себя так, словно отношения между друзьями не прерывались. Да и все, по его мнению, было окей.

--Ну, может оно и было окей,--предположил тот самый друг, с которым Даниила сначала разорвал отношения, а через неделю (довольно малый срок; обычно Бахвалова хватало намного дольше) попытался общаться, словно ничего не произошло.--Да только теперь я не желаю общаться с тобой. И вообще считай...

Договорить ему Даниил не дал. Он набросился на друга, повалил на землю, и стал душить, предварительно слегка надавав ему тумаков по ребрам.

--Сволочь,--выдохнул, высвобождаясь, разгневанный друг, который, впрочем, уже не был другом, а если кем и стал по отношению к Бахвалову - так только злейшим врагом.

--Ну и катись,--как ни в чем не бывало, произнес Бахвалов, решив, что если так - то он тоже не станет держать себя какими-то обещаниями да уверениями в вечной дружбе. У него и так было много друзей. Правда, можно предположить, что периодически друзья менялись. Но вот тут-то как раз Даниил Бахвалов пока не подобрался к какой-то закономерности происходящего. Предположив только (когда-то давно, и с тех пор он стоял на подобном мнении), что все складывается таким образом, каким это и должно было быть.

Причем вопрос действительно мог показаться проблематичным. Хотя и только с учетом того, что все способно было когда-то закончиться в один миг. А миг этот как бы все время (каждый раз - стоило хотя бы подумать об этом) отдалялся. Отчего,-- понимал Даниил,-- ему еще рано было сдаваться. Хотя бы потому, что как все еще будет на самом деле - он не знал, мало верил в какой-то негатив, да и вообще - стремился к чему-то такому, после чего все бы в его душе (хотя бы там, подумал Даниила, а после разберемся) стало как-то по-другому.

.....

Так получалось, что было у Даниила Бахвалова нечто, что, в некотором роде, задерживало его развитие.

И получалось так, что он, быть может, и стремился что-либо преодолеть в своем понимании жизни; да ничего не выходило у него, потому как знал он за собой одну неприятную вещь: стоило ему только по серьезному включиться в какой процесс - так тотчас же находила на Бахвалова некая сонливость да тоска. А наступающее за этим отторжение - уводило его от реальной действительности в выдуманный мир. И через время как будто возвращаясь обратно, Даниил все равно чувствовал, что все не то, да не так. Причем как будто нельзя было говорить, что со временем у него могло получиться иначе. Время-то как раз проходило, да ничего не изменялось. И даже можно предположить - что с этим самым временем Даниила привык к своему состоянию. Когда он если и делал что-то, то уже изначально знал о существовании определенного предела. После чего все могло и действительно остановиться в любой миг. И даже можно предположить - Бахвалов, уверовав, - ожидал этого мига. Словно уже заранее будучи подготовленным к каким-либо последствиям. И принимая те как нечто обязательное, и даже может быть необходимое. В то время как в других ситуациях он бы еще воспротивился подобному.

Но других ситуаций не наступало. Бахвалов оказывался готов только к такому положению дел, когда все что случалось с ним - им самим не замечалось. Ну, то есть, оно замечалось раньше. А теперь словно бы уже и наоборот. Как бы и не был готов Даниила ко всем свалившимся на него пертурбациям психики. И даже если он к чему после этого и стремился (намереваясь добиться оно), то, что уж верно, ничего толкового у него не выходило. А может даже и становилось уже следствием всего этого, закрепление в сознании Бахвалова некой установкой на минутную слабость (название, кстати, придумал сам Бахвалов).

Суть подобного сводилось к тому, что Даниил Бахвалов никак не был в состоянии преодолеть некий пограничный рубеж, за которым начиналось бы если и не счастье, то, что уж точно, путь к благоденствию.

И уже словно бы оказывалось, что Бахвалов верил в искреннее подобное предназначение свое. Словно бы оказывалось так, что ему и действительно было необходимо все это. Ну а когда...

Когда наступала минутная слабость его, так тут уже как бы и без вариантов. Бахвалов словно бы и сам рассуждал о том, что подобное наступало вполне закономерно. И со временем даже оказывалось, что если бы его вдруг не было - Даниил сам бы выдумал что-то похожее на до этого периодически переживаемое. Потому как уже оказывалось, что не мог он без этой минутной слабости.

Слабость, впрочем, постепенно перерастала в нечто большее, и растворялась по жизни.

И уже оказывалось, что не мог Бахвалов жить иной жизнью. Находя какое-то особое очарование в происходящем. И со временем даже подмечая что-то новое и до удивительного прекрасное.

18.11.2007 год.

рассказ

Выбор

1

Я знал, что не все девушки бывают красивыми. Знал, что среди красивых встречаются бляди. Но я влюбился в этих двух сестер, как последний дурак. И, как последний дурак, стремился к сексу с ними. С двумя. Сразу.

Дурак. Я подозревал, что все, что стало происходить со мной с тех пор, как я повстречался с ними, не иначе как глупостью и не назовешь. У меня было отложено десять тысяч долларов на покупку машины. Десять тысяч мы потратили за неделю. Я добивался своей девушки несколько месяцев. Она (действительно еще девушка) готова была первый раз в своей жизни переспать с мужчиной. Мужчиной был я.

Застав меня в постели с этими двумя блядями – моя девушка бросила меня. Но перед этим... она присоединилась к нам. И оказалась она вовсе даже и не девушка. И просто водила меня за нос. Дурак.

Я устал оказываться дураком. Но и при этом понимал, что судьба мне предоставляет шанс более трезво взглянуть на жизнь. Увидеть ее в таких ракурсах, которые раньше я игнорировал. Дурак? А вот тут уже нет. Почему же дурак? Ведь я оценил этот шанс. А потому и не заканчивал свой эксперимент. Да и зачем мне его заканчивать? К этому времени сестры вели со мной разгульную половую жизнь. Веселую жизнь. Мы кутили в ресторанах. Снимали номера дорогих гостиниц. Разъезжали на лимузине, который арендовали по интернету.

.....

Следующая неделя принесла уже пятнадцать тысяч долларов расходов. Я старался не обращать внимания на деньги. Когда одна из сестер попросила пять тысяч долларов, я не задумываясь дал ей. Когда другая попросила столько же – я дал тоже. Потом они вместе попросили десять. Я снова дал. К концу месяца мы потратили около семидесяти тысяч долларов. Я задумался. Два месяца назад я продал бизнес. Бизнес мне приносил шестьдесят тысяч годового дохода. По пять тысяч чистой прибыли каждый месяц. После продажи бизнеса у меня на руках оказалось двести пятьдесят тысяч. Долларов. Могло показаться, я продешевил. Так думали другие. На самом

деле я знал, что любые деньги, которые смогу выручить от продажи – уже хорошо. Я уезжал в Аргентину. На пять лет. Таково было условие моего двоюродного деда, который сбежал в Аргентину после войны. Он был нацистский преступник. Ему повезло умереть до того, как узнали о его преступлениях в годы войны.

Кажется, он занимался пропагандой. Аргентина была страна, где могли укрыться нацистские преступники. Мой двоюродный дед на всякий случай выдал себя за бизнесмена. Он занимался алмазами. Когда он умер, у него осталось пятьдесят миллионов долларов. Один миллион он завещал любому родственнику из России. С одним условием: тот должен был приехать и прожить в Аргентине минимум пять лет. После этого он получит миллион. В 22-м году родители деда бежали на пароходе из Красной России. Осели они вначале во Франции, а потом перебрались в Германию. В 33-м его папа примкнул к нацистской партии. Мой прадед сделал карьеру как сын партийного функционера. Его адвокат мне рассказал, что до самой смерти дед верил в идеалы нацизма. Я на всякий случай сказал, что не фашист. «В завещании не сказано что вы должны поддерживать фашизм», – сухо выдал мне справку адвокат. Я кивнул. Меня все устраивало. Я подумал, что за миллион можно было сказать, что я немножко симпатизирую нацистам. Чтобы порадовать деда. Что не сделаешь за миллион?

Я собирался получить этот миллион, во что бы то ни стало. Я уже много раз созванивался с адвокатом деда. Они ждали меня. Я должен был уезжать через полтора месяца. Месяц я прокутил с блядами. Оставалось две недели. Я подумал, что если растрочу все свои деньги, то мне не на что будет жить в Аргентине. Свой миллион (а я уже не сомневался что он мой) я смогу получить только через пять лет. Голодать эти пять лет я не хотел. Но и оставлять девушек-сестер мне не хотелось. Высокие, худенькие блондинки, и главное – очень-очень красивые. На их лицах невинность сочеталась с блядством. В зависимости от ситуации вы могли подумать и то и другое. А еще вернее, считали так, как вам было удобно.

.....

За неделю до отъезда девушки предложили зарегистрировать брак с одной из них, а другая просто бы жила в семье. На правах второй жены. Неофициальной. Об ожидавшем меня миллионе они не знали. Я задумался. В Аргентине мне не хотелось, чтобы что-нибудь меня связывало с Родиной. Но и порвать с моими путанами я просто так не мог. Мне не оставляли выбора. С девушками я мог вытворять все что угодно. Реализовывать свои самые гнусные фантазии. Они изначально были на все согласны. Притом что, как будто действительно были в меня влюблены. И

хотя к любви я относился весьма и весьма скептически, почему-то им хотелось верить. Я планировал «верить» до отъезда. После их предложения планы могли измениться.

«Насколько важно, что они тебе предложили то, что в принципе мог бы ты им и сам предложить?» – спрашивал себя я.

Отвечать на вопрос не хотелось.

«А какова вероятность того, что если бы они не предложили тебе, ты бы сам сделал такое предложение?»

Ответа я не знал. «Скорей всего нет», – пытался ответить я. Но что-то меня удерживало, чтобы говорить неправду.

Я понимал, что начинаю запутываться. Мне хотелось любви. С девушками-сестрами я получал ту форму любви, к которой всегда бессознательно стремился. Я был извращенец. Извращенец, который боялся признаться себе в этом. С этими девушками чего-то бояться я перестал. Но и взять их с собой не решался.

.....

За день до отъезда я рассказал девушкам о предстоящей поездке. По их личикам трудно было догадаться, поедут ли они со мной, если я предложу? Если бы я рассказал об ожидавшем меня миллионе, выбор им было бы сделать легче.

О миллионе я молчал. По условиям завещания, если у меня ко времени, когда я узнаю об ожидавшем меня миллионе, не будет жены – я должен буду ехать один. В завещании не оговаривалось, могла ли у меня быть любимая девушка. Оказалось бы подозрительным, если бы девушек оказалось две.

«Через пять лет забирать сестер смысла не будет, – подумал я. – Они уже будут не такими как сейчас. Да и я стану другой».

Что мне было делать? Я решил уехать один, и додумать уже в Аргентине.

В день отъезда я узнал, что в случае брака их папа сделает меня приемником в своем бизнесе. Папа у девушек был губернатор одной из северо-восточных областей и владелец контрольного пакета акций нескольких крупных предприятий. Женившись, я мог получить гораздо больше миллиона. А мог и не получить. А аргентинский миллион был реален.

Я подумал, что было бы неплохо и уехать, и стать родственником губернатора - миллионера.

«Мультимиллионера», – уточнила одна из девушек.

«Но для этого тебе нельзя уезжать, – улыбнулась другая. – Приемник папы должен жить в России».

Мне захотелось послать их всех на хуй. И аргентинского дедушку с его хитровыебанным завещанием. И потенциального тестя-мультимиллионера. И даже себя.

У меня начиналась депрессия. В таком состоянии я замыкаюсь в себе. И ни с кем не хочу общаться.

«А что если нам...»,— задумчиво произнес я, но не договорил. Мне не дала договорить одна из девушек. Она стала делать мне минет. Другая раздвинула свои длинные ноги и готовилась заняться любовью сама с собой. С помощью фаллоимитатора.

Я выебал поочередно их обоих. Завтра я должен был уезжать. Решение я еще не принял.

2

Адвокат покойного деда, у которого я попросил еще две недели чтобы «доделать незавершенные дела в России», готов был по-русски послать меня на хуй. Но дал мне неделю, чтобы все завершить и приезжать. Больше отсрочки, сказал, не будет.

Три дня из недели я провалялся в постели. С девушками. Еще день потратил на поездку к их папе в Москву (тот управлял своим регионом из столицы).

Будущему тестю я понравился. Он мне нет. Но я убедился, что папа у девушек был действительно богат. Все говорило о том, что я должен был оставаться в России. Но мне было неудобно перед памятью дедушки. Я хотел попросить у адвоката еще неделю. Он не брал трубку. Когда я начал подумывать, что может аргентинского дедушки и не существовало вовсе, адвокат снял трубку. И сказал, что если я не приеду через два дня – мой миллион достанется тем, кому отошли по завещанию сорок девять миллионов. «Кому?»— поспешил выяснить я давно мучивший меня вопрос. Адвокат положил трубку.

Папа девушек пригласил меня в круиз по своему региону. Девушки стали уверять в гостеприимности папы.

Мне было тридцать два. Девушкам двадцать один. Потенциальному тестю сорок восемь. Его новой жене восемнадцать. Маме девушек сорок, и она жила во Франции с другим мужем. Муж мамы девушек был французский киноактер. Миллионер. Я подумал, что было бы неплохо, если бы девушки мне предложили жить во Франции. А их отчим дал бы мне миллион. «Ну, вдруг у него у самого их немного?» – задумался я. И понял, что я уже готов думать о чем угодно, только бы не делать выбор.

А выбор мне делать было надо. Или становиться мужем одной из них, спать с ними обоими и пользоваться благами от их папы как родственника, или бросать все и уезжать в Аргентину. Пять лет жить хуй знает как, но получить свой ебанный миллион долларов. Чтобы оставшуюся часть

жизни не думать о деньгах. Все и сейчас? Или все – но потом? Гарантировано потом, или под вопросом сейчас? Тесть мог не захотеть отдавать мне часть акций, назначив мне какой-нибудь испытательный срок, за который разочаруется во мне или узнает, что я ебу двух его дочек сразу и выгонит меня. Или убьет. Или за это время убьют его. Закажут партнеры или конкуренты по бизнесу, например. Его также мог неожиданно снять с должности президент. А то и вовсе посадить за какие-нибудь финансовые нарушения. Олигархом быть в России опасно. Да мало ли что еще могло произойти с папой девушек. Например, его новая жена могла когда-нибудь так ему «дать», что любвеобильный папаша отпишет все акции на нее.

«Если уже не отписал», – совсем некстати подумал я. И уже потянулся к телефону, чтобы звонить адвокату и сказать, чтобы он меня встречал в аэропорту, как подумал о том, что этого всего с папой девушек могло и не случиться. И в одном случае я мог сразу пользоваться его деньгами и поддержкой, а в другом... а в другом меня смущали те пять лет. Чем я буду заниматься? Я не только не знал никакого иностранного языка («на каком интересно говорят в Аргентине»? – подумал я), но у меня не было никакой профессии. Вернее, своей профессией я не мог зарабатывать. У меня был диплом об окончании философского факультета университета. По профессии я не проработал ни дня. В России. Как бы я зарабатывал философией в Аргентине было для меня загадкой.

«Никак!» – единственный ответ. И я с собой соглашался.

.....

Мне необходимо было принимать решение. День-два-три-неделя-месяц ничего бы не решило, если бы я не решил сейчас. «Любая отсрочка ни к чему не приведет», – подумал я. И в который уже раз с собой согласился. Но и какое-то решение мне было сделать невозможно. «Все – сейчас, или все – потом»? – думал я. «Под вопросом сейчас, или точно – но после»? – пытался я сделать выбор.

В голову стала лезть откровенная хуйня. Я ругал себя, что мне предоставляется шанс разом обеспечить свое будущее. Но при этом как бы умалчивалось, что таких шансов на самом деле два. И мне необходимо было выбрать один из них.

Но был еще один, третий шанс. Можно было действительно послать всех на хуй, на оставшиеся деньги открыть бизнес в России, и просто жить, зарабатывая деньги, пить, гулять, знакомиться с девушками...

Я понимал, что я уже так не мог. Я буду постоянно думать о миллионе долларов, который мог получить в Аргентине. Всех девушек буду подсознательно сравнивать с девушками-сестрами (и

выбор будет в пользу сестер). А также буду ругать себя за то, что не стал зятем губернатора-мультимиллионера.

Я устал. Я вымотал себя. И изводил своими придирками девушек-сестер. Я уже умолял, чтобы они разругались со мной, и тогда бы я с чистой совестью уехал в Аргентину, в Буэнос-Айрес, где ждал меня адвокат с миллионом.

Девушки говорили что любят, и будут любить меня несмотря ни на что. Когда их били или унижали, им только нравилось. Они дополнительно возбуждались от этого. Вы могли накричать на них, а потом засунуть руку в пизду любой из них. Пизда была мокрая от возбуждения. Им нравилось, когда их привязывали и стегали ремнем. Им нравилось, когда вы мочились на них, а потом заставляли сосать свой член. Они были в восторге от анального секса. Они приводили вам проститутку, и наблюдали как вы ебете ее. От этого они тоже возбуждались.

Если у вас не стоял, они позволяли делать с собой все что вы пожелаете, и от такого извращения у вас не только стоял, но и стоял так, что вы могли своим членом пробить стену. Если бы надумали врезаться в нее. Вместо этого вы врвались в их тело. И ебали, ебали, ебали. И вам это нравилось. И были в неопишемом восторге сами девушки. Ну как я мог от всего этого отказаться?

Я позвонил адвокату, и сказал, что не приеду. Я позвонил потенциальному тестю и сказал, что согласен стать его родственником. Адвокат и «тесть» послали меня на хуй. Все это оказалось спектаклем, задуманным отцом той девушки, которую я бросил, когда стал встречаться с сестрами. Он был уверен, что я буду изменять его дочери. И мог убедить ее в этом, только подложив под меня других девушек. Ему подвернулись сестры. На самом деле это были две профессиональные актрисы, великолепно справившиеся со своей ролью. Их якобы папа – был тоже актер. И вообще все в этом действии были актеры. В том числе и адвокат. Вот только папа у недооцененной мной девушки был настоящий. И был он простой русский миллиардер, олигарх. Но я-то об этом не знал! Та девушка, которую я бросил, ничего мне о своем папе не рассказывала. Да и не была она похожа на девушку, у которой папа олигарх. Теперь я понял, что это все было задумано этим ебаным олигархом. Ее отцом, который отнял у меня все. Я даже растратил деньги после продажи бизнеса. Но самое печальное, этот мужчина отнял у меня мечту. И веру. Теперь я никому не верил...

04 октября 2006 год.

рассказ

Бег в неизвестность

Он готов был признать, что многое в своей жизни совершал не так, что это было не правильно, что вообще, то, чего он касался – шло вразрез того привычного хода, к которому было, быть может, даже предрасположено. Точнее – это он считал, что было предрасположено. Считал, опять же, полагаясь на ту критичность, которая возникнув однажды, стала как-то подозрительно развиваться в нем, и к настоящему времени достигла некоего высочайшего предела, хотя и, по мнению Филиппа Воскобойникова, это был еще не предел.

--И действительно, где тот предел?—не раз вопрошал себя Филипп, но судя по тому, что он при этом отвечал, можно было допустить, что ответа у него пока не было. Не было, и может даже быть не могло,--казалось тогда ему, но он не отчаивался, и продолжал собственные попытки, словно бы ненавязчиво стремясь достигнуть того понимания, к которому, в общем-то, и стремился.

Приближая себя, таким образом, к вопросу понимания собственного бытия, Филипп Воскобойников как-то удивительно воспротивился уже этому; и при этом, решил пока продолжать свои рассуждения в том же духе, потому что знал, что если прекратит – все исчезнет. Исчезнет, прежде всего, общее понимание подобного вопроса. Исчезнет, может быть, и еще что-то важное, к чему он неким таинственным образом стремился, но чего пока достигнуть не мог.

--Еще не время,--говорил он тогда, понимая, что когда наступит это время, он на самом деле или не узнает, или легко спутает его со временем другим.

И от того уже получалось, что Филипп Ренуарович (папу назвали в честь известного художника) немного сокрушался по поводу этого. Хотя и старался не показывать вида. По крайней мере, внешне.

Филиппу было 30 лет, работал он диктором областного телевидения одного из провинциальных районов России, недостатки малого роста компенсировал за счет высокого кресла и достаточно поставленного голоса, а по натуре был трус, хотя и трусость камуфлировал тоже чем-то, и, по словам коллег, был всегда приветлив, дружелюбен, и вообще, судя по всему, наделен различными положительными качествами.

Но была при этом у Филиппа одна черта, которая не позволяла Воскобойникову расслабиться ни на минуту. И иногда, расслабляясь на доли секунды, он словно бы вспоминал о чем-то, и вновь становился исключительно собран.

Кто-то считал (из его близких знакомых, которые не знали, сути, о нем ничего, но путем сопоставления о чем-то догадываясь), что эта собранность была следствием какого-то проступка, который совершил Воскобойников в прошлом.

Сам Воскобойников, впрочем, умело обходил какие-либо острые углы, касаемые его жизни, да и вообще, очень хотел (и всячески к этому стремился), чтобы его воспринимали исключительно в сегодняшнем времени. Словно бы времени прошлого не было, да и по отношению к Воскобойникову можно было предположить, что это было так. По крайней мере, так ему очень хотелось.

.....

Однажды Филипп Воскобойников надумал влюбиться. Объект возможной страсти (возможной, потому что окончательно он еще не решил кто будет этим «объектом») Филипп намеревался выбрать в ближайшее время. Но при этом решил подойти к подобному вопросу весьма ответственно, потому и не считал, что должен торопиться. Филипп вообще с недавних пор практически исключил какую-либо спешку из собственной жизни. Ну, или же стремился снизить ее до минимума.

В любых вопросах, по мнению Филиппа, спешка была не нужна. Она вообще могла иметь весьма негативные последствия, учитывая то обстоятельство, что Воскобойников не очень знал, к чему он на самом деле должен стремиться, разрываясь между будущим и самым что ни на есть настоящим (то есть происходящим с ним в реальности). Это настоящее...

Это настоящее, по мнению Филиппа Воскобойникова, вызывало в его душе порой совсем противоречивые чувства. И если с одной стороны, он стремился жить исключительно чуть ли не в будущем, то в другом случае – был благодарен тому прошлому, что у него было. И от того мог признаться (исключительно и только себе), что, по большому счету, платил иной раз двойную ставку за жизнь, запутываясь в происходящей реальности. Запутывался часто он в том, каким должен быть на самом деле. Запутывался иной раз даже в том, каким он был раньше. Он вообще, следовало признать, частенько запутывался. И может быть потому, когда подобное начинало как бы перехлестывать через край, предпочитал значительным образом ускорять жизнь. Да еще и так, чтобы уже невозможно было по настоящему догадаться ни об истинном предназначении пути, ни стремлении самого Филиппа к чему-либо.

Притом все время он действительно куда-то бежал -- даже если двигался шагом. Это вообще была весьма характерная деталь подобного движения Филиппа. Впрочем, может быть ему было так проще. И наверняка (предположим) начинало видеться то нечто, к чему он, в общем-то, и стремился.

И в такое время действительно виделась Филиппу некая безбрежная даль.

И он бежал к ней, бежал в нее, с бессознательным и сознательным желанием погрузиться вовнутрь, и может быть остаться там навеки. Этот мир, этот иллюзорный мир, который виделся

ему, был самым желанным в сравнении с тем, что возникало в воображении Воскобойникова раньше, и, наверное, что вообще могло возникнуть. И Филипп, понимая, что это так, действительно стремился в эту неизвестность. Хотя и до конца еще не осознавая, так ли ему необходимо подобное.

Но бежал. И, по всей видимости, был как раз и характерен таким бегом. Бегом в неизвестность. Веря, что когда-нибудь добежит. Для него становилось очень важным добежать. А что уж будет после – не задумывался. Запрещал себе думать. Понимая, что сейчас, мысли об этом могут ему только помешать.

07 июня 2008 год.

рассказ

Возвращение

Владимир Ипполитович Безвременьев (самым внезапным и коварнейшим образом), обнаружил, что прежний ход вещей, ему, как будто, и не подвластен. И ведь, вроде как, и нельзя было ничего поделаться. Быть может потому, – что для этого требовалось найти ту точку отсчета, с которой стабильный (до сих пор) круговорот жизни – принялся идти: в одном ему известном порядке. Или просто, что было уже значительно вернее, – беспорядке. Потому как – как же это еще называть? (Причем, стоило заметить, что какого-то особого – так сказать, суматошного порядка – еще, вроде как, и не было. Просто, в одночасье... все словно стало с головы на ноги. Ну, или – с ног на голову. В зависимости, от того, как у кого стояло раньше).

В общем, Владимир Ипполитович заметил... даже нет... Владимир Ипполитович, как-то странно обратил внимание, – что привычный закон мироздания – как бы разом потерял свою актуальность. И, теперь, кажется (может, действительно, пока только кажется), – что все самым неожиданным образом изменилось.

Первым «звоночком» было необъяснимое желание Безвременьева перечитать старые книги из собственной библиотеки, насчитывающей несколько тысяч томов. Да, не абы какие – а те, которые аккурат (и не только самим Владимиром Ипполитовичем) относились к так называемой детско-юношеской литературе. Жюль Верн, Даниэль Дэфо, Герберт Уэльс, Чарльз Диккенс, Фенимор Купер... и кроме них: Бальзак, Стендаль, Мериме, и тому прочие (включая многочисленных русских классиков XVIII-XIX вв.) – неожиданно завладели его сознанием. Причем, что поистине оказалось удивительным, Безвременьев (как будто бы) ощутил прикосновение к тайне... той тайне, завесу над которой приоткрывает любой нормальный подросток 12-14 лет (а то и значительно раньше, например, большинство из перечисленных автором сам Безвременьев прочитал еще в 8 – 10 лет), – и после... к ней (тайне) уже не возвращаются. И не потому, что как-то там, разочаровался в некогда любимых книгах. Совсем даже

нет. Просто он, – перешёл на другой, следующий, этап в своем интеллектуальном развитии; и вполне объяснимо, – что уже там, – появились другие, новые авторы. (И у нашего героя, до сих пор, все шло самым, как говорится, надлежащим образом. Тем более, что, в какой-то мере, чтение книг он сделал своей профессией, работая преподавателем на кафедре мировой литературы одного из недавно открывшихся Питерских ВУЗов. А до того, – тоже не бездействовал; занимаясь наукой – филологией, – и защитив кандидатскую диссертацию, – что в его тридцать лет – в принципе, было неплохо).

Столкнувшись с подобным своим желанием – Владимир Ипполитович, самым незавидным образом, опечалился. Что случилось? Почему он, как-то вдруг, стал испытывать наслаждение от той литературы, к которой, (как надеялся), – уже никогда не прикоснется? (Ну, может, только разве, чтобы вспомнить какие отдельные моменты из прочитанных книг: пожурить, там, сына-школьника, или проверить некоторых студентов, выбравших в качестве темы – что-нибудь из подобных произведений...).

Но, что было поистине, самым печальным – доцент Безвременьев испытал «необъяснимое» (в его нынешнем образе – «знатока» литературы) удовольствие «от прочитанного». При том (а это было, пожалуй, уже – не вторым «звоночком», – а первым «симптомом»), к действительно «интеллектуальной» прозе, – он, вдруг, самым неожиданным образом охладел. А что было еще точнее, – вдруг как-то разом, – перестал ее «понимать». Практически в одночасье, она стала (для него) – «скучной» (если не сказать – занудной), и «неинтересной».

А, ведь, было время?!. Когда с удивительнейшим наслаждением (и даже – трепетом) он открывал томики: Кафки, Борхеса, Кортасара, Воннегута, Джойса, Набокова, Белого, Мариенгофа... Буквально зачитывался произведениями Камю, Сартра, Кундеры, Маркеса, Стейнбека, Бэнкса, Гари, Аксенова, Довлатова, Битова, Сологуба...

Куда все ушло?..

Все куда-то безвозвратно ушло... Этой прозы, Безвременьев, теперь (в лучшем случае) не понимал; в худшем... в худшем он, – вообще не мог прочитать ни строчки; задаваясь вопросом, – «о чем здесь написано»?..).

И ведь, быть может, ему бы следовало с кем поговорить?.. Спросить совета... А то, – и просто поговорить; чтобы, по реакции собеседника, (например), – попытаться понять: что же это с ним, с Владимиром Ипполитовичем Безвременьевым, происходит...

Но вот в том-то и дело – что-либо подобное почти изначально исключалось. И не потому, что Безвременьев чего-то опасался (хотя, бесспорно, было и это; причем он не то что опасался, а

самым настоящим образом боялся; именно – боялся); и даже не потому, что Владимир Ипполитович не знал, как ему правильно – подойти к чему-то подобному. Совсем нет. Вернее – не это было главное. Основным (тем, что напрочь перекрывало, возникшее было, желание) было то, что у Безвременьева, просто, не было на примете человека, с кем он мог бы так просто взять, да пообщаться.

Одних он считал – завистниками (а потому – сразу обманут, навредят, разнесут дурную весть по институту и городу); других – откровенными дураками (не поймут, испоганят смысл, исковеркают правду); третьих... впрочем, третьих-то уже и не было. Но даже, если б кто случайно и объявился бы, – то он сразу же оказался бы зачислен в стан и первых, и вторых, и воображаемых третьих, четвертых, пятых... десятых...).

Что было делать Безвременьеву?.. Сложилась довольно парадоксальная ситуация, которую он, вдруг, наметил разрешить, причем, самым неожиданным образом.

Пойти к независимому психиатру!?

И уже, как будто бы, и действительно сделал это...

Но неожиданно задумался. «А что, если этот, так называемый, «независимый» психиатр – окажется: очень даже «зависимым»; чьим-то братом, племянником, сыном, знакомым... И уже от него, – еще прежде существовавшая тайна, – перестанет быть таковой. И все выплывет наружу. (А перспективы последствий, – Ипполит Матвеевич боялся намного больше, чем самих последствий. Но это так. К слову...).

И беда еще была в том, – что, сколько бы Безвременьев не пытался думать «над возникшей проблемой» – она, как будто бы, не только не исчезала, но и даже – стала как-то усиливать свое влияние. Множась, и таинственным образом, увеличиваясь в размерах.

И вот это уже была настоящая беда.

Безвременьев хаотично бродил по комнате. Суматошные мысли рождали такие же варианты; которые тут же отбрасывались, призывая к ответу новые.

Но уже все было действительно бесполезно. А, ведь, когда-то?.. лет пять – шесть назад... не тогда ли – впервые можно было задуматься?.. не тогда ли, – он впервые почувствовал, что с ним что-то происходит... (...поездка в трамвае... не купленный билет... контролер... отказ Владимира Ипполитовича предъявлять билет; требование штрафа... снова отказ; и, – в итоге, – спасение бегством...).

Ему бы тогда, – обратить на это внимание. Но, не на это, конечно... А на то, что случилось потом. А потом, – Безвременьев купил проездную карточку; и, при следующей поездке, всяческим образом, – не один раз тыкал ее под нос – поначалу удивленному, а после всерьез обеспокоенному

кондуктору; а после, Безвременьев и вовсе выскочил из транспорта; обругав его чьим-то прихвостнем...

Вот бы задуматься Безвременьеву тогда?!

Тем более, что при последующих поездках... впрочем, – самих поездок: не стало. Все расстояние от дома до метро, Ипполит Матвеевич ходил исключительно пешком.

Но, – завидев (уже знакомого) кондуктора в окне проезжающего трамвая – Безвременьев (каким-то загадочным образом) преображался: подпрыгивал вверх; желая обратить на себя внимание кондуктора – вытягивал руку, со все тем же проездным билетом; и, по настоящему, успокаиваясь только тогда, – когда видел его перепуганные глаза. Ходили слухи, – что вскоре, тот даже сменил маршрут. Пока его и там, случайно не нашел Безвременьев.

В общем – задуматься бы Владимиру Ипполитовичу тогда... Но...

Кстати, через какое-то время, – Безвременьев неожиданно успокоился; стал ездить в трамвае; сразу покупая билет; и нарочито – на всем протяжении поездки – уставясь в специально заготовленную газету.

И вот, теперь... Теперь, Безвременьев стал неожиданно замечать, что постепенно погружается куда-то в бездну. Или нет. Какое же это погружение?... Это скорее – возвращение. Возвращение обратно, в детство. Туда, где у него не было никаких забот. Там он был под более чем надежным прикрытием обезумевшей от любви к сыну матери (продолжающей нянчиться с ним не только, когда он уже учился в институте, но и даже когда женился); от почти схожей любви – отца (бессменно – начиная со школьных лет – сопровождавшего его на все экзамены, в том числе и институтские); от любви сослуживцев отца (занимавшего достаточно крупный пост в министерстве культуры), заискивающих перед: «чудо – мальчиком», притом, что никаким-таким чудом, – он никогда не был).

И уже хотелось ему в этом самом детстве остаться. И придумывались тысячи обоснований – не возвращаться обратно.

Да и зачем?..

И тогда уже, – зачем и нам тогда надоедать Владимиру Ипполитовичу Безвременьеву нашим (излишним?) вниманием?... Оставим его в том состоянии, которое уже почти всецело заполнило его... Ведь главное, – чтобы человек был счастлив...

25 января 2005 г.

рассказ

Тяга к искусству

Можно было предположить, что он сам себя загонял в ловушку. Ведь если посудить, все поступки, характеризующие его в последнее время уже, так или иначе, свидетельствовали именно об этом.

--Что может быть слаще,--казалось ему,--чем нахождение того, к чему наиболее предрасположен.

--Подходи, подходи,--говорил, усмехаясь, дьявол, видя как еще один из глупых человек насаживается на его крючок. Вступая на путь пьянства и разврата.

Яков не хотел всего этого. Все происходило словно бы вынужденно. Когда он, желая потворствовать какому-то внутреннему желанию, не заметил, как затянулся на его шею галстук порока. И он вроде как и еще оглянуться не успел, а уже оказался по пояс в трясине. И уже словно бы не зависимо от его какого-то желания - не желания, осознания - не осознания погружался все глубже.

--Спасите,--вскричал человек. Но из горла раздавалось лишь хлюпанье. Как словно бы птица била крыльями по воде.

--Сучий потрох,--выругался Илья и проснулся. Во сне он почему-то был Яковым. Но это пугало меньше, чем сам сон. Причем, если бы только он мог вспомнить, какую сон имел предысторию. Не имел. Казалось Илье, что и не имели ничего общего картины сна, с происходящим наяву.

Наяву Илья был удачливым бизнесменом. Владельцем крупного пакета акций в золотодобывающей отрасли. Правда, основное предприятие находилось в Амурской области. И часто ездить туда Илья Семенкин не мог. Да и незачем было. Там работала достаточно слаженная команда, во главе которой стоял брат Ильи Семенкина - Сергей (у брата была равнозначная доля -- доли им подарил папа -- и брату нравилось контролировать процесс).

Илье подобное никогда не нравилось. Также как и вообще не нравилось заниматься чем-то, к чему душа не лежала.

Чем же он хотел заниматься?

Музыкой.

Илья Семенкин хотел заниматься музыкой.

Но проблемой было, что хотел он заниматься музыкой по-честному. А каких-либо природных способностей у него не было. В этом-то и была вся беда.

Брат Ильи Семенкина, прознав про его желание, попросил напеть какие-нибудь песни (выслав текст и музыку, записанную по типу караоке). Илья поначалу послал брата подальше (они

были ровесники, обоим по двадцать семь), но как-то находясь в подпитии (когда Илья пил - он пребывал в особом состоянии, настоящем волшебстве духа), спел.

Потом прошло какое-то время, позвонил брат, сказав, чтобы Илья оказией передал записанный диск.

Илья передал (в Москве находилось что-то типа центрального офиса, поэтому происходила периодическая циркуляция сотрудников из Москвы в Амурскую область, прииск "Центральный", гордость предприятия, когда-то приватизированного их отцом). А еще через какое-то время в эфире крупной радиостанции услышал песню в исполнении себя. Правда песня здорово отличалась от той, которая, как он помнил, была на диске (копия диска у Ильи сохранилась). Сейчас все было подчищено, вытянуто, отрежиссированно... Гладко, в общем.

Илья нашел только что услышанную песню на диске и включил. Его голос то догонял мелодию, то обгонял ее. Ритм был заметно сбит. Иногда создавалось впечатление что исполнитель вообще жил отдельной жизнью от музыки. В общем - лажа,--понял Илья, и позвонил брату.

--Ты что, не рад?--не понял брат, тяжело задышав в трубке (Илья помнил, что когда брат нервничал, он дышал).

--Рад,--успокоил он его, и повесил трубку.

Настроение оказалось испорчено.

--Неужели я полная бездарность,--угадывал Илья порывавшиеся вырваться в сознание мысли.--Неужели все так плохо,--на самом деле произнес он.

.....

Не прошло и года, как Илья уже сносно играл на нескольких музыкальных инструментах. Правда, для учителей, приходивших к нему, это было настоящим испытанием силы и духа (приходилось наступать на горло совести и пониманию искусства, как формы реализации природного дарования). Но они отработывали свой хлеб (платил Илья значительно больше, чем их другие ученики). И в душе закрывали глаза на хроническую неспособность молодого человека к музыке (сносно играл - это значит периодически попадал в ноты; в сравнении с начальным результатом -- уже было что-то). А кое-кто из учителей и лелеял надежду, что когда-нибудь Илья сам скажет, что больше не надо приходить.

Иного способа отказаться от денег не было (правда, кто-то из мастеров гордо отказался, прослушав попытку игры Ильи. Но Семенкин тотчас же предложил такие деньги, что не согласиться было почти невозможно, и мастер видимо решил: "чем черт не шутит").

К сожалению, черт продолжал шутить. Выручало только то, что сам Илья был весьма скептически настроен к своим способностям. Этого он пока не говорил, но для себя Илья установил

три года срока. За которые он должен будет или научиться играть, или действительно послать все к черту, как предложил ему брат, услышав как-то игру (брат, в отличие от Ильи, учился в музыкальной школе по классу баяна. Школу не закончил, но играть научился).

Еще большей проблемой было желание Ильи наконец-то запеть. Как ни странно, здесь он определял для себя больше шансов (хотя на самом деле шансы были равны - их вообще не было). И мучил уже других учителей (по вокалу), в надежде, что они все же сумеют поставить ему голос.

Как-то попался опытный преподаватель вокала, который научил Илью искусству попадать в ноты. Петь научить было невозможно, но подпевать Илья уже мог. К концу третьего года он умел играть на фортепьяно и подпевать себе.

Но Илья хотел большего. Он объявил крупную премию тому, кто сумеет из него сделать настоящего музыканта. Настоящего,--значит талантливое? --уточнил один из учителей, промолчав о том, что талантом его подопечный как раз не обладает.

--Настоящего, значит настоящего,--стоял на своем Илья, которому скоро должно было исполниться тридцать лет, и который хотел на юбилей записать несколько песен в собственном исполнении.

--Настоящего так настоящего,--согласился учитель, увидев какую сумму премии нарисовал Илья на бумажке, которую держал на уровне глаз учителя.

--А может мне сыграть за вас,--хотел было спросить учитель, да вспомнив сумму премии решил промолчать. Илью вообще предпочитали не расстраивать. Когда-то он занимался боксом. И при случае мог...

Впрочем, вскоре выяснилось, что и занятия боксом для Ильи были весьма условны. Он вроде как и занимался им, но учитывая полнейшую непригодность к данному виду спорта, его результаты были минимальны. Хотя и можно было допустить, что если он разозлится -- сможет больно ударить. Весил Илья под центнер, и хотя был откровенно толст, какая-то сила у него наверняка была. Пусть и условная.

Подошел юбилей. Собрав гостей (в загородном коттедже собралось до полусотни гостей, Илья не любил слишком большие компании), и дождавшись пока те в меру выпьют, покушают, и натавнуются - он взял микрофон, и объявил что приготовил сюрприз.

Компания замерла в ожидании.

Всех попросили занять свои места ("согласно купленным билетам",--пошутил тамада, приглашая гостей рассаживаться; "дурак",--подумал про него Илья). Разнесли необходимые составляющие для прослушивания музыки (то есть еду и напитки). Илья Семенкин сел за фортепьяно (профессионально отбросив фалды фрака - получилось слишком театрально), проверил

микрофон, и запел. Все поразились чистоте его голоса. Потом Илья еще и заиграл. Вместе с пением это произвело ошеломляющий эффект на всех присутствующих.

Ему потом еще долго аплодировали и просили спеть на бис. Он кланялся, уходил за импровизированную сцену, и выходил вновь. И снова пел и играл. И снова все хлопали и выкрикивали приветственные послания. Некоторые особо сентиментальные, и к тому времени уже порядком подпитые, дамы плакали слезами счастья. Все было хорошо и замечательно.

И наверное могло быть еще лучше, если бы все было по настоящему. А по настоящему... по настоящему играл учитель (который перед самым юбилеем все же решился озвучить свое предложения, от непроговаривания которого у него уже давно расстроился сон). А пел... пел сам Илья. Но его голос все же пришлось вытягивать на компьютере. Хотя и от самого Ильи требовалось немало: надо было должным образом выучить текст песен, чтобы попадать в ритм, беззвучно открывая рот тогда, когда это требовалось.

Впрочем, даже если бы он где-то и ошибся (на удивление - он не ошибся), никто из собравшихся подобного бы не заметил. Слишком много выпито. Да и обнаружение истины не соответствовало моменту. Ведь все пришли чествовать именинника. И были настроены соответствующе. Ну, разве что, за исключением жены одного из приглашенных, как говорили, когда-то неплохой пианистки, все время порывавшейся о чем-то сказать собравшимся. Но она была столь пьяна и еще раньше всем запомнилась своим вызывающим поведением (ее муж был заместитель министра в правительстве столицы), что на нее никто не обратил внимание.

И можно было со всей ответственностью заявлять, что праздник состоялся.

Правда, на душе Ильи поначалу было не совсем спокойно. Но несмолкаемый рев оваций в его честь (совпавший с салютом) не только успокоил молодого человека, но и заставил поверить, что он действительно заслужил все это. Ну а почему нет? Ведь юбилей!

06.08.2007 год.

рассказ

Студенческие дела

Перебллись все в царстве разврата. Друг друга трахали во все места, девочек ебали преимущественно в попу и в рот, мальчики давали им пососать свои полуобрякшие от длительного секса члены, в общем, все было настолько занимательно, что Вероника на миг задумалась, туда ли она попала?

Веронике было 20 лет, она только недавно перевелась в госуниверситет из универа своего города, на третий курс как и предполагала (пришлось доздать пару экзаменов), поселилась в студенческом общежитии, и что тут началось!

Сначала к ней подкатил местный охранник, причем сразу с предложением взять у него в рот. Вероника подумала что шутка. После охранника с подобным предложением подошел студент пятикурсник. Он так и сказал, что с пятого курса, она новенькая, он всех перебал и хочет теперь с ней.

У Вероники промелькнула мысль, что это все розыгрыш. В Башкирском университете, где она до этого училась, ничего подобного не было и не могло быть. Но Санкт-Петербург видимо другой город, подумала она, и чудом избежала поползновений еще одного любителя острых ощущений, который сразу после приветствия полез к ней в трусы.

--Нет, тут и правда черт те что,--ужаснулась девушка.

Честно сказать, ей хотелось, чтобы ее отъебали. Новые подруги (с которым она успела пообщаться за те несколько дней пока переводилась на факультет) давно ходили, по их словам, ебанные и перебанные, но чтобы вот так сразу, взять в рот у незнакомого парня? Вероника этого не понимала. Она даже на время забыла, что в бытность ее учебы в родном городе, ей очень нравился анальный секс. Попка ее была упругая, манила своей красотой, и Вероника с удовольствием наслаждалась, когда какой-нибудь ее друг вгонял свой член между ее ягодиц. Но, во-первых, это был ее друг. Во-вторых, об этом никто не знал. А в третьих, чтобы вот так, на людях сосать... Нет, этого Вероника и правда не понимала.

--Послушай, что ты кочевряжишься,--подошла к ней новоиспеченная подруга и соседка по общежитию Зоя.—Знала бы ты как классно когда тебя ебут, да еще если не один хуй, а несколько.

Вероника удивлено посмотрела на подругу. Высокая, стройная, Зоя не производила впечатление бляди. Но видимо внешность оказывалась весьма и весьма обманчивой.

--И что, прям сразу и в рот,--спросила Вероника.

Зоя посмотрела на нее удивленно, потом словно что-то поняла, улыбнулась, и, вздохнув, сказала: «почему же в рот. Можно и куда захочет».

--А куда он захочет?—хотелось спросить Веронике, но она постеснялась.

--А уж если захочет в рот, значит в рот,-- то ли угадав ее мысли, то ли вспомнив что-то свое, произнесла Зоя. После чего вздохнув и бросив на прощание что-то типа: «не строй из себя целку», удалилась.

Вероника задумалась. Такого расклада она не ожидала. Да, ей хотелось ебаться, да, она любила это, да, у нее в Башкирии остался молодой человек и два друга, но чтобы вот так сразу... Все-таки она этого не понимала.

--А что тут понимать,--ошаршила Веронику ее сестра, которая заканчивала университет и которая, собственно, переманила Веронику в Питер.—Что тут понимать. Пока молодая – ебись на право и налево. Станешь старая – и твоя дряблая пизда будет никому не нужна.

Вероника задумалась о подобной перспективе. Она представила свою мать, которой было уже пятьдесят, и пизда которой видимо и правда была старая и дряблая. Такая пизда не могла удержать в себе хуй,--отчего-то подумала Вероника, и от этих слов ей сначала стало стыдно, а потом захотелось, чтобы ее отъебали прямо сейчас, чтобы убедились, что ее пизда как раз упругая, и крепко, очень крепко обхватывает молодой и упругий хуй.

Вероника огляделась. По коридору шел студент с соседнего курса. Некоторые лекции были смешанные, и обладающая хорошей памятью девушка вспомнила молодого человека. Но вот как подойти?

Молодой человек подошел сам.

--Привет,--сказал он.—Ты не хочешь потрахаться?

--Тут и правда все сумасшедшие,--промелькнуло в голове девушки. Тем не менее она сдержалась чтобы произнести это вслух, и утвердительно кивнула.

--Хочешь!--обрадовался парень.—Пойдем тогда ко мне в комнату. Пока никого нет,--добавил он, когда Вероника послушно пошла за ним.

Зайдя в комнату, молодой человек сразу достал и продемонстрировал девушке свой член. Член был не очень больших размеров, но показался Веронике настолько привлекательным, что она сразу опустилась на колени и взяла его в рот.

Парень застонал.

--Выеби меня по-настоящему,--попросила Вероника, дождавшись пока член парня увеличился в размерах, и повернулась к нему спиной.

Парень, не долго думая, вогнал хуй в ее попу.

--Так сразу и в попу,--подумала было Вероника, но сразу же накотившее наслаждение перевесило другие мысли и она отдалась любви.

После этого парня были другие. Вероника как-то быстро вошла в коллектив. Она пользовалась спросом у парней. А мысли, что когда-нибудь ее пизда будет старой и никому не нужной, отгоняла от девушки ненужные сомнения. Позволяя наслаждаться сексом.

Август 2011

рассказ

Свет в окне

1

И видел он свет.

Свет лился из окна.

Теплой весенней безлунно-безветренной ночью это казалось по-особенному завораживающим.

Евгений Горстков около окна стоял уже час. И если вначале ему еще приходили разные мысли в голову (с общей направленностью - поскорей уходить), то зачем он остался -- Горстков не знал. Верил ли он во что-то? Верил. Но то, во что он верил, не относилось к общей проблематике его нынешних действий. В том плане, что он попросту уже мало что понимал.

И видимо то, что он простоял час, и то, что все это время было ему относительно хорошо, говорило лишь о том, что он должен быть благодарен небольшой бутылочке коньяка, к которой прикладывался (за время своего стояния); да пачке сигарет, которая уже подходила к концу.

"Забавно",-- подумал Горстков. Подумал он и еще о чем-то. Но мы-то знали, что ход мыслей Горсткова иной раз начинал так петлять, что следить за оным было не только не нужно, но и вовсе не интересно. Разве что можем сказать, что в какую-то минуту Горстков подумал почти одновременно о женщине, и том, почему не выключается окно, и о том, что делает хозяйка квартиры, в которой светится окно, и о том, что завтра на работу, и даже о том, что у него заканчиваются сигареты и коньяк. Ну, коньяк еще полбеды (на улице Евгений много пить не любил), а вот сигарет было жаль. Ведь ночью их еще надо было купить. А в незнакомом месте на местности было ориентироваться весьма трудно.

Зачем Евгений стоял и смотрел? И почему не делал попыток войти в парадную да подняться на третий этаж, где была квартира?

Ну, входить к незнакомым людям в час ночи было не совсем удобным. К тому же Горстков не знал, была ли женщина одна. И как она вообще отреагирует на его приход.

Ну а что касается того, почему он тут стоял,-- так это объяснялось просто. Евгений Горстков, рослый симпатичный мужчина двадцати семи лет, возвращался домой из офиса (работал директором сети небольших магазинчиков), и вдруг заметил силуэт красивой женщины в окне. Женщина имела отличную фигуру с развитыми формами и была обнажена. Причем, стояла перед окном то боком, то спиной. Но уже по фигуре Горстков понял, что ему как раз необходима такая женщина (он был одинок; были знакомые женщины, но все не то). Поэтому он извлек из внутреннего кармана пиджака бутылочку коньяка (взял по случаю последнего дня рабочей недели), и пригубил. Потом закурил, и пригубил еще и еще. (Это было начало.)

Видимо сказалось все вместе: усталость, конец недели, не склонность к явному алкоголизму, весна, наконец. В общем, он почувствовал, что его слегка подразвезло. Ну а так как считал подшофе идти к даме неприличным, решил какое-то время постоять внизу, ну а потом уже не сомневался, что решится познакомиться.

Пока стоял, захотелось выпить. Выпил. А потом уже стал пить, ожидая, что в его голове все как-нибудь сложится само. И он поймет, что, собственно, должен делать.

Пока не складывалось.

Тогда Горстков... Впрочем, он пока отгонял от себя какие-то решительные меры. Сколько раз уже оказывалось, что женщина была не та. Или фигура дурацкая, или лицо, или ума не было, ну или тот зашкаливал, превращаясь в излишний сарказм. В общем, нормальных женщин (заметим, "нормальность" в представлении различных мужчин отличалась) пока Горсткову не встречалось. Поэтому вполне объяснимо, что и сейчас он подсознательно боялся ошибиться.

Ну а так как время почти всегда идет в любовных делах только на пользу, решил Евгений подождать, постоять пока, попить чуть-чуть, да перекурить это дело.

Потом уже курил, обдумывая ход вероятных шагов к сближению с дамой, а иной раз и просто курил, наслаждаясь погодой и ароматом табачного дыма.

В общем, ничего толкового он не делал. Хотя в иных случаях и размышления можно назвать делом правильным, да и вообще -- необходимым. В том случае, конечно, если размышления эти несут какую-то смысловую нагрузку. Да и вообще - оправданны. Чего, к сожалению, не наблюдалось у Горсткова. Ибо думал он уже вообще черт знает о чем. Что, как бы, и не трудно. Стоит только задуматься, отпустить разум, выйти, то есть, из под его контроля,-- и уже в голове рождается смесь чего-то одновременно необходимого, и занимательно-беспорядочного. В общем, хаос.

Однако не совсем правильным будет сказать, что в голове Горсткова царил такой уж хаос. При всем присутствующем негативе, просматривался общий ключ. Потому что Евгений периодически возвращался к размышлению, какие шаги должен предпринять, чтобы познакомиться с незнакомкой. Ведь в том, что он желал с ней познакомиться, Евгений не сомневался. Он мог бы даже с ней переспать. Если бы судьба как-то по особенному отнеслась к его инициативе.

Но пока он не решался остановиться ни на одной приходящей в его голову модели предстоящего поведения. Все как-то было не так. Вроде как и можно было просто подняться, представиться, наговорить комплиментов, да и уже далее, в зависимости от ситуации, или уйти, взяв телефон, или сразу договориться о встрече на ближайшее время. Ну, или - оказаться (тоже сразу) быть посланным куда-то вдаль. И гордо уйти, не споря, и веря, что оставляет незнакомку в недоумении.

"Но ведь так могло и не случиться",--подумал Горстков. А дама могла вообще оказаться с мужем или любовником. И что уж точно, он бы тогда не только оказался нехвата, но и сразу бы лишил себя попытки заполучить эту женщину. Потому что явно, что еще раз после этого

встречаться она с ним не будет. А просто так надоедать дамам (без взаимности) он не хотел, не любил, да и вообще - не мог.

Оставалось ждать.

2

Но он ведь не мог ждать всю жизнь. А, несмотря на то, что прошел час, Евгению уже казалась, что проходила жизнь. Его жизнь. А ведь Евгений Горстков был очень деятельным человеком. Можно даже сказать -- предприимчивым.

И что уж точно, не привык сидеть на месте. Не то, что сейчас...

.....

Раньше Евгений Горстков как раз сидел на месте. Закончив университет Профсоюзов (известный питерский вуз) по специальности логистика, молодой человек не спешил с головой погружаться в работу. Тем более что какой-то работы у него не было. Так, наметки какие-то, ни во что серьезное пока не выливавшиеся.

Но, тем не менее, так было только поначалу. Провалив дурака почти полгода, Евгений Горстков нашел сразу несколько работ. И выбрав из них наиболее высокооплачиваемую, стал отдавать себя новому в жизни делу. Да так, что вскоре оказалось, что это его захватывает удивительным образом. И ни о чем, кроме как о работе, он как вроде бы и не думает.

Потом захотелось как-то устроить личную жизнь. Далее мы уже знаем. Не получилось. В том плане, что не попадалось что-то более-менее путное.

И вот чуть более часа назад, проходя мимо какого-то дома (он и улицы такой раньше не слышал; да и сейчас обратил внимание на табличку с адресом только через полчаса ожидания) он вдруг почувствовал, что то, что он видел, и есть то, что ему нужно.

При том что почти ничего он и не видел. Ну да, широкий таз и большие высокие груди. Ну да, прекрасный силуэт. Вроде как рост под стать его (у Евгения было 190 см.). Но пока не больше. Для большего как раз требовалось сделать еще один шаг (точнее - серию шагов): войти в подъезд, подняться на третий этаж, и позвонить в предполагаемую квартиру. Тем более что это необходимо было или делать сейчас или пока вовсе не делать. Время давно зашкалило за полночь, и, собственно, в любой момент дама его сердца (если предположить - а ему так хотелось - что это дама его сердца) выключит свет и уляжется спать. Выключенный свет будет свидетельствовать о том, что на сегодня все. Отбой. И быть может бессознательно он и ждал выключения этого света, который пока еще горел, явно удивляясь нерешительности Евгения.

И как только Горстков подумал об этом, то неведомая сила потянула его к парадной.

.....

Он нажал на кнопку звонка. И только сейчас понял, что не выработал модель поведения. Другими словами, он не знал что будет должен говорить.

Решил положиться на интуицию. И действовать вообще - исходя из увиденного.

Дверь открыл мужчина.

"Извините,--как мог вежливо (хотя сердце стало предательски колотиться, а в голову биться мысль, что он идиот) спросил Евгений.--Я случайно проходил мимо и видел в окне женщину. Я правильно попал"?

Мужчина непонимающе смотрел на него. Был мужчина в пижаме, имел средний рост и испитое лицо.

"Женщина...--выдал из себя Евгений.--Мне необходимо увидеть женщину, которую я видел в окне".

Мужчина все также продолжал смотреть на него, а в голове Евгения уже прокрутилась цепь возможного объяснения своих слов, и он придумал, чем может объяснить свой приход.

"Я режиссер,--спокойно соврал Евгений.--Мы сейчас снимаем картину, где как раз не хватает актрисы, похожей на вашу жену...",--нашелся он.

Мужчина кивнул, и нерешительно открыл дверь, словно приглашая войти.

Ну, или Евгению показалось, что приглашая. В любом случае он вошел.

--Женщина...--начал Евгений, видя, что мужчина смотрит на него, не двигаясь с места и почти не моргая.

--Вера!--громко позвал женщину мужчина, обращаясь в одну из комнат.--К тебе пришли.

.....

Женщина Горсткову не подошла. Она имела пустое бесцветное лицо, а при свете оказалась ряба и некрасива. Он успел только извиниться, громко предположив (обращаясь к женщине и мужчине; причем ему показалось, что мужчина был явно не прочь его побить), что видимо просто ошибся квартирами, а может, - многозначительно заметил он, - и домами.

И уже спускавшись по лестнице, почувствовал себя в таком дурацком положении, что после этого пил все выходные, с трудом отойдя к первому рабочему дню (это при том, что женщину он встретил в пятницу, а в субботу ему тоже надо было идти на работу).

Но и после этого он еще долго душевно болел. И считал себя идиотом.

А такое состояние он очень не любил. Оно не предвещало ничего хорошего. Да и вообще, как бы сигналило о том, что он идиотом и является. Без вариантов.

И от этого было очень грустно Евгению. И потребовался почти месяц, прежде чем он уже окончательно отошел от случившегося с ним инцидента.

А после, проходя мимо домов, он уже никогда не смотрел на зажженные окна. Предпочитая даже не замечать, что там живут люди, и тем более женщины.

Так ему было спокойнее. А спокойствие он с недавних пор полюбил. Предпочитая его суете окружающего мира.

10.09.2007 год.

рассказ

Родственные связи

Он устал казаться дурачком.

Несмотря на годы (Валентину было тридцать), его так воспринимали все.

«Всеми» для Валентина, в первую очередь, были жена, ее старший сын (Валя взял женщину с мальчиком; мальчик был ему почти ровесник), ее младший сын (та же история, за исключением возраста. Младшему было двадцать пять), и ее средний сын (среднему было двадцать семь).

Вале было все равно, сколько было детей у Лены (Лене было пятьдесят четыре года; выглядела она на тридцать). До него Лена жила с мужем, которого застрелили бандиты (муж был предпринимателем). Валя тоже был предпринимателем. С Леной познакомился в ночном клубе. Там пьяная Лена показывала стриптиз, и отплясывала чечетку. В форме красноармейца. Вале очень понравился такой подход. Сразу после секса (секс состоялся в кабинете клуба), Валя сделал Елене предложение. Он всю жизнь искал такую женщину. Раскрепощенную, и не зависимую ни от каких условностей. Да и к тому же, умную.

После начала семейной жизни, Валя узнал, что у Лены было трое детей, а ум, был скорей не умом, а хитростью. Пусть и военной. Потому что заполучила она мужчину, которого, быть может, и не могла себе позволить ранее (в сказки про мужа-предпринимателя Валя сразу не поверил). Ну а может и могла (тогда пришлось бы верить). Но искала как раз такого.

Несмотря на возраст, Валентин занимал весьма ответственную должность в крупной частной нефтяной компании (с блокирующим пакетом акций у Вали). К тому же у его папы был свой бизнес с семизначными цифрами в виде чистой прибыли (после уплаты всех выплат и налогов). А сам Валя был аристократически красив, в меру умен, но в любовных вопросах наивен как ребенок. До Лены у него было только две женщины. Да и те, переспали с ним случайно (секс был поспешный и нелепый, так что через время Валя и не мог с уверенностью сказать, был ли он).

В принципе, Валя так-то уж и не мучился от недостатка женского тепла. Точнее, всегда стремился показать свою независимость от женщин (от их отсутствия в его жизни).

Но в душе он страдал. И Лена как-то сразу это поняла. И после танца (медленного танца, на который сама же его и пригласила), повела Валу в кабинет.

В кабинете Валя разделась, дав на себя немного посмотреть, а потом повернулась, и наклонилась. Валя не удержался. После этого они поженились.

.....

Сейчас Валя проклинал все. Он проклинал себя, проклинал свой поход в ночной клуб, проклинал свою несдержанность при виде обнаженной и доступной женщины. Он вообще был бы склонен продолжать ругать себя, если бы в комнату (у Вали была большая пятикомнатная квартира) не вошла Лена, и не предложила заняться сексом. Она все делала прямо и открыто. Предпочитая не скрывать своих желаний. А Вале... Вале было как-то по особенному трудно удержаться от подобных предложений Лены. И вскоре он сам не заметил, как оказался на ней. Вернее, под ней. Потому как, усевшись на него, Лена стала отплясывать танец любви.

.....

Валентин стеснялся спросить Лену про детей. Он был бы вполне в состоянии снять детям отдельную квартиру (даже каждому по квартире). Но Лена настояла, чтобы ее дети жили с ней. А Валя, впервые за время общения с ней, понял, что он, собственно, ничего не может противопоставить напору этой женщины. Причем, если поначалу ее диктат компенсировал секс (то что Лена позволяла вытворять с собой), то вскоре Елена перестал спать с Валентином. Что он совсем не знал, как расценивать. Но терпел. Достаточно быстро принявшись заниматься тем же, чем и занимался до встречи с Леной. Онанизмом.

Только наедине с собой Валя чувствовал себя человеком. А Лена... Лена начала всячески унижать Валентина.

А потом прошло совсем небольшое время, и Лена уже принялась откровенно презирать его. Так же как и ее дети. Валентин вообще боялся Лениных детей. Каждый из них был выше и крупнее его. И мог бы запросто его побить. И младший (ростом младший был под метр девяносто; Валя не дотягивал до метра семидесяти), завалившись домой как-то под утро и пьяный, даже в шутку предложил Вале попробовать ударить его. Так сказать, наказать.

--Так Вы же потом ответите?—предположил Валя (детей Лены он называл на Вы; впрочем как и всех людей; он был вежливый молодой человек).

--Угу,--кивнул детина.—Сделаю из тебя отбивную. И подам на стол маме,--рассмеялся он.

Валя успел забежать в туалет, где и просидел до возвращения Лены из ночного клуба (Лена решила не отказываться от отдыха. Вале давно уже было не до него).

А потом у Вали появились подозрения, что дети Лены, совсем даже не ее дети. Ну, то есть он допускал возможность, что у нее могли быть дети. Но как-то не укладывалась тридцатилетняя внешность Лены в возраст, когда женщине было начало шестидесяти. Да и тридцать-то ей можно было дать тоже с натяжкой. Так, двадцать семь-двадцать девять максимум.

И как-то уж очень быстро (и случайно) Валя узнал, что Лене на самом деле тридцать семь лет. А эти «мальчики» были совсем ей не дети. Но тогда кто?

Думать о плохом Валентину не хотелось. Хотя он с недавних пор и стал подозревать, что Лена спит с «мальчиками». Пусть и не с тремя сразу, но двоим уж точно она дела минет (закрывавшись периодически с каждым из них в ванной, якобы помочь помыть спину). А как-то, проходя мимо комнаты «старшего сына» (у каждого в этой семье была своя комната), когда там находился хозяин комнаты, Валя услышал весьма характерные стоны Лены. Она стонала также, как когда-то стонала в кабинете, когда Валя, обхватив роскошные бедра развернувшейся спиной, и отдававшейся ему женщины, вгонял лузу в шар.

Валя тут же поспешил пройти мимо. Тогда у него еще только появились первые подозрения. Которые усилились, когда чуть позже (заняв наблюдательный пункт возле приоткрытой двери в свою комнату), Валентин заметил как Елена, выскочив из комнаты, из которой раздавались стоны, шмыгнула в ванную. Правда из той комнаты вслед за ней никто не вышел, но Валентин и так знал, кто там был. И у него это все как-то стало не укладываться в голове. И только потом, когда, набравшись смелости, и рассказав о своих подозрениях папе, Валя через время получил информацию от секьюрити папы (папин бизнес охраняло папино же охранное агентство) об истинном возрасте Лены. И о том, что якобы ее дети, были хоть и детьми, но не ее. И с Еленой Степановной Жаровой они не были связаны никакими родственными узами. Что означало, что Валентина попросту все это время обманывали (с Леной он успел «прожить» почти полгода).

Но папа Вали был спокойным и рассудительным человеком. И он подумал, что, конечно же, за такой обман и Лену и ее псевдо детей следовало, как минимум, наказать.

Но он также увидел, что после встречи с Еленой (и подобного любовного поворота с ней), его сын, Валентин, необычайно изменился. Резко и как-то вдруг. Сразу став взрослее и даже как-то умнее (да и жизненно опытнее).

И папа Вали решил не предпринимать в отношении Лены никаких санкций. А детей ее и вовсе послать на все четыре стороны. (Правда после не удержался, и выслал из города; у папы Вали были весьма обширные связи). Но саму Лену...

Лену папа оставил. Причем самым неожиданным образом он стал сам спать с ней. А сама Елена Степановна, на удивление (сколько не посылал папа детективов, они не нашли ни одной измены) стала преданной Валиному папе. Правда с Валею Лена больше не встречалась. Папа отослал Валентина в Англию, в одну из своих фирм. Руководить. Посчитав, что мальчик уже вырос.

01. 07. 2007

рассказ

Подарок судьбы

Думал ли Шагаев, что ему еще когда-нибудь будет так хорошо?

Перед ним сейчас открывались необычайные перспективы. Все, о чем ранее он только мечтал, сейчас можно было потрогать. Даже руками. Потому что он стал вдруг обладать такими богатствами, что разом оказалось, что все его недавние проблемы, а то и намечаемые с кем-нибудь скандалы – столь пустяжны, что ему стало о них даже стыдно вспоминать.

Но он должен был вспоминать. Это было одним из условий того человека, который дал ему все – в обмен на желание наблюдать за преобразованиями Шагаева. Прежде всего за трансформацией его психики. Когда сознание разом и бесповоротно отвергло все, что существовало когда-то. Все к чему он тайно стремился. Все, за что сражался с невидимыми врагами, которых вы не можете различить и увидеть в жизни, но которые периодически появляется на вашем пути. Иной раз они идут рядом. Иной раз -- поодаль. Но факт остается фактом: они с вами. Вы ничего и не можете сделать без их власти. И базируются они как раз в вашем подсознании. Там их штаб-квартира. А уже в сознании, можно сказать, что просто база.

Хотя и с этой базы они-то как раз и управляют вами.

И после того, что произошло с Шагаевым, все словно разом открылось перед ним. Весь мир открылся по-новому. Предстал перед ним не шумом парадных участников, а самой что ни на есть правдой. Но эта правда была исключительно его. И ему совсем не надо было кому-то показывать ее, говорить о ней, да и вообще – ему многое теперь делать было не надо. И он почувствовал себя человеком. Впервые за многие годы почувствовал себя человеком.

«И ведь многого действительно не требовалось»,-- рассуждал Шагаев. Он о многом теперь рассуждал иначе. Совсем по-другому, чем прежде. Прежде его сознание словно было чем-то скованно. Что-то ему мешало, все время мешало. А теперь, очистившись, и сбросив надоедливую ношу бытия, Шагаев разом изменился, став другим человеком.

«Ну и что, что теперь его будут не узнавать знакомые и даже товарищи»,--как предупредили Шагаева перед началом эксперимента. Для него это было теперь действительно ничто. Ведь он

разом, разом – добился всего, к чему раньше только подбирался. А то и, быть может, только намечал подобраться. А тут разом – и все. Ну не подарок ли?

.....

Не знал Реваз, за что ему такой подарок. Но знал, что достоин его. Конечно же, достоин. И даже стремился всяческим образом доказать, что достоин.

Но ему сказали, что никаких доказательств не требуется. А надо чтобы Реваз Шагаев ни о чем не думал, и просто наслаждался счастьем.

И это все было условием эксперимента. Причем Реваз даже не стал до конца выслушивать все пункты эксперимента. Да ему и сказали, что это все равно не имеет никакого значения, прослушает он до конца, или нет. Потому что с этих самых пор -- все теперь у Реваза будет хорошо и правильно. И никто никогда не будет доставлять ему боль и страдания. Как было еще до последнего дня, когда Реваз получил выговор на работе за то, что не сообщил о приходе проверяющей инспекции (Реваз работал администратором на заводе, который разорившись, сдавал теперь цеха в аренду; должность Реваза – контроль за исполнением условий аренды со стороны администрации завода; то есть, попросту, он был связующим звеном между арендодателем и арендаторами).

И теперь Реваз Шагаев знал, что ему не нужно идти на завод. Что он стал свободным человеком. А деньги ему платят за то, что он такой. Умный и красивый. Ну, в смысле – честный и добрый. За умом Реваз хоть и гнался, догонял не всегда. Ну а красоты пока тоже не намечалось. Была полугрузинская-полуказахская внешность (папа грузин, мама казашка). Был всегда заинтересованный взгляд (смотреть на Реваза невозможно было просто так; хотелось обязательно или положить копеечку перед ним, или дать в морду. Чтобы не пялился), иногда на губах его проступала полуулыбка. Волосы в 37 лет стали поседевшими на висках. Ну и вообще, впечатление он производил более-менее умеренное. Ровное, можно сказать. Особенно если бы излишне не разглядывал собеседника или просто попутчика (в маршрутке, например).

Ну а вообще – сейчас все же было главное не это. Главным как раз было то, что Реваз получил счастье. Подарок судьбы. И он пока не знал, насколько долго задержится перед ним этот подарок.

И хотя ему сказали, что подарок навсегда – Шагаев не верил.

А ему попросили верить. Иначе...

.....

Подарок заключался в исполнении всех Шагаевских желаний, которые можно было осуществить в настоящем времени и на территории России. И хотя Шагаев, было, заикнулся что-то о Швеции, куда всегда мечтал поехать, на него посмотрели столь строго, что он тут же принялся

доказывать, что вообще не знает, что существует такая страна как Швеция. А знает, ценит, и любит только Россию. Его родину. Он так и сказал: «Россия – моя родина». И судя по взгляду на него благодетеля, Шагаев понял, что сказал что-то не то. И впредь дал зарок ничего лишнего не говорить, и вообще – жить в соответствии с правилами, которые ему дадут.

--Ты не понял,--сказал Благодетель (имя свое он попросил не упоминать, поэтому пусть будет известен как Благодетель. Тем более Шагаев к нему так и обращался. Хотя ему-то как раз Благодетель свое имя сказал).—Ты не понял,--повторил Благодетель, фокусируя на словах внимание Шагаева.—Счастье тебе дается навсегда. Ты волен делать с ним все что угодно. Только не можешь кому-то передать. И отказаться от него тоже не можешь. Так что,--Благодетель посмотрел на Шагаева,--остаётся только радоваться. Наслаждаясь и купаясь в роскоши и богатстве (до этого, когда ему предложили на выбор все что он хочет, Шагаев попросил исполнить его давнишнее желание -- стать богатым).

.....

А еще через время, Ревазу Шагаеву как-то наскучило все. И не то, что он расхотел быть богатым. Наверное, даже нет.

Но вот понял он, что стали происходить какие-то не очень хорошие изменения в его душе. Злым он стал. А еще расчетливым и хитрым. И даже стал бояться, что его кто-то лишит богатства. Хотя как раз по поводу этого Благодетель успокоил его, сказав, что он может не переживать – пока существуют деньги, они у Реваза не закончатся.

И у Шагаева действительно стало очень много денег. Даже неприлично много. А он... А он все равно попросил вернуть его назад. В то время, когда будущее хоть и не вырисовывалось перед ним столь отчетливо, но теперь-то оно вообще не вырисовывалось. Каждый день походил на другой. Все что необходимо было для нормальной жизни -- у Реваза было. И ему совсем не надо было ни к чему стремиться.

И уже видимо как раз это более всего и удручало его. Потому что он вдруг перестал чувствовать вкус к жизни. Раньше этот вкус был терпкий, и даже какой-то ядовитый. А теперь вообще стал никакой.

И вскоре Реваз Шагаев уже стал проситься обратно. Сначала как-то неуверенно, а потом -- настойчиво. И придумал даже множество обоснований того, почему он должен вернуться назад, в прошлое. А счастье?.. Ну так оно и так было там, в прошлом. Просто за мирскими заботами Шагаев его не замечал. А теперь, по крайней мере, знал, где искать это счастье.

Но Благодетель оставался непреклонен. И в очередной раз напомнив о правилах, принятых когда-то Ревазом, вообще исчез.

И с тех пор жил Реваз Шагаев как будто и в счастье, и без оно. Потому что, какое же это было счастье, когда и не к чему было стремиться?

И Благодетель его, в общем-то, понимал. Ему и самому уже давно наскучили его миллионы. И он искал таким образом с кем поделиться. Потому что просто так отдать не мог (мешали какие-то внутренние правила, правила, которые когда-то он возвел в своей психике), а вот дать часть – чтобы решить что-то для себя, понаблюдав за ошастливленным им – мог.

Но уже было понятно, что не в деньгах счастье. Но тогда в чем?

20 августа 2006 год.

рассказ

Понимание

Он понимал, что должен разрешить свои противоречия, и тогда вполне возможно, что его допустят до главного.

В чем должно было заключаться это главное, и кто, собственно, допустит, Аркадий Васильев пока не знал. Но если серьезно, он и не задавался серьезными целями что-то узнать. Допуская, что, - то, что будет необходимо – придет само. А лишнее как бы еще и помешает.

Ну да может и не помешает. У Васильева, если честно, пока не было четкого мнения по этому вопросу. И он полагал, что все наиболее значимое в его жизни должно будет случиться как бы после. Хотя и, признаться (точнее – он мог в этом признаться только себе), Аркадий Васильев все равно допускал существование чего-то такого, что должно было, по его мнению, в самое ближайшее время если не разрешить все проблемы да унять возможные сомнения, то, что уж точно – смоделировать ситуацию будущего таким замечательным образом, после чего он и действительно окажется спокоен.

Нельзя, конечно, было сказать, что он не был спокоен сейчас. Но исходя из возможностей понимания ситуации как бы в целом, Васильев находил существование определенных недопонятостей в ряде вопросов, касаемых его жизни, и, главное, в адаптации к социуму. И вот тут, видимо, и начинала просматриваться существенная проблема, потому как, если говорить о механизмах подобной адаптации, то у Аркадия Васильева они были некоторым образом если не нарушены, то приводили к ряду серьезных недоразумений, во время которых его, иной раз, даже били на улице, а в большинстве случаев – игнорировали. Считая чудиком, с которым связываться себе дороже. А Васильев подобное словно бы не замечал. Допуская про себя, что когда-нибудь все наладится, и – честно ожидал того часа, когда все станет по-другому.

Сколько ему предстояло ждать, Васильев не знал. Не знал, но, по сути, пока и не стремился узнать. Он вообще предпочитал в определенных случаях не форсировать события. Допуская, что пока те могут идти в русле вырисовывавшейся цепи обстоятельств, пусть, как говорится, и идут. Чтобы не зависеть от обстоятельств, как полагал он, допуская при этом, что в любой момент способен подойти к рассмотрению вопроса глубже, а значит....

Впрочем, так глубоко он не загадывал. И даже не то что скользил по поверхности, но пока его вполне удовлетворяло то, что было. Притом что, по большому счету, еще ничего серьезного и не было. А сам Васильев, как бы даже допуская многое, понимал, что на самом деле действительность вполне могла оказаться совсем даже иной, чем о ней он имел представление.

Но вот даже считая так, иной раз попросту запутывался в отделении частного от целого. Намереваясь, конечно, с подобным вопросом со временем разобраться, но когда должно было наступить это время (время, которого он тайно ожидал) Аркадий Всеволодович Васильев не знал.

Было ему 27 лет, и он верил, что у него еще все впереди.

.....

Если бы кто-то попытался охарактеризовать Васильева, то мог бы сказать, что представлял тот из себя достаточно противоречивую фигуру (если оценивать Васильева внешне). При этом внутри у Аркадия царил гармония и упорядоченность как мысли, так и трансформация мысли в действие, то есть – в поступки.

Впрочем, поступки Васильева тоже весьма различались. Например, кем-то из знавших его было подмечено, что в обществе Васильев реализовывал несколько иную модель поведения, чем она складывалась внутри самого Васильева. При этом от подобной игры (прежде всего – от необходимости ее) не только не уставал, но и видимо считал такое положение дел чем-то вполне само собой разумеющимся. Хотя и вполне могло выходить так (как тоже кто-то заметил), что он попросту не знал о возможной реализации другой ситуации. Словно бы каждый раз оказываясь вынужденным находиться в спектре проекции своего собственного видения ситуации – на саму ситуацию в целом (так считал и сам Васильев).

Как пояснял Аркадий Всеволодович, это означало, что отдельные ситуации действительности не только моделировались им заранее, но и брали начало исключительно из собственного убеждения о значимости той или иной ситуации в целом. Значимости прежде всего для психики. И необходимых (так уж получалось) вообще для его жизни. Хотя и было заметно, что он продолжал уходить от ряда вопросов, по ответам на которые можно было бы разгадать нечто большее в мировоззрении Васильева, чем он это старался показывать. И ведь не то, что он был таким уж

скрытным человеком. Нет, как раз на людях (в том же обществе) Аркадий Васильев всегда был открыт, по крайней мере, явно демонстрировал это. Тогда как известно, что любую ситуацию невозможно рассматривать в одной плоскости. И вот если бы посмотреть иначе...

Впрочем, иначе смотреть Васильев не хотел, а если и смотрел (иногда проделывая нечто подобное), то совсем не стремился, чтобы его видели в подобном спектре собственного бытия другие. А потому в связи с этим, наверное, можно было бы допустить, что он скрывал как минимум часть того целого, которое не должен был бы собрать никто. «Никто и никогда»,--сказал бы сам Васильев, но он был человеком осторожным, и предпочитал особо не распространяться о том, что на самом деле думал. Из-за чего кто-то из его немногочисленных знакомых, конечно, и мог бы сделать какой вывод, но в том-то и дело, что у Васильева было немного людей, которым он доверял, но и даже они вряд ли смогли бы правильно оценить жизнь и поступки Аркадия Всеволодовича Васильева. Просто потому, что не располагали должным количеством фактов. Тех фактов, которые Васильев особенно не стремился выпячивать. Оставляя все время какую-то недоговоренность. Так, что можно догадаться что что-то было, но вот исходя из незнания деталей, следовало допустить, что ничего не было.

Что до Васильева, так ему всегда было проще, когда считали так. Он не только не стремился стать понятным для окружающих, но и, по сути, всегда хотел оставаться наедине с собой. Допуская, что для него это будет наиболее оптимальным и даже можно сказать важным; и если подобное происходило так, следовало сделать вывод, что видимо так и было. И сам Васильев даже не задавал себе вопрос «почему». Ему так было спокойнее. Ведь он все равно понимал если не все, то многое. А со временем знал, что поймет еще больше. Так стоит ли сейчас тратить нервы на поиск смыслов, которые все равно в полной мере постигнуть он бы не смог. А если так, то можно было элементарно жить. Просто жить. Чем он, собственно, и занимался.

12.06.2008 г.

2004-20011 гг.

Сергей Зелинский

© С.А.Зелинский. Свет в окне. Сборник повестей и рассказов.

